

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет

Э. А. Черноухов

**Социальная инфраструктура Нижнетагильского
горнозаводского округа Демидовых в XIX веке**

Екатеринбург
2011

УДК 94(470.5).071

ББК Т3(235.55)5

Ч-49

Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке: монография / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2011. 176 с.: табл.

ISBN 978-5-7186-0469-6

*Издание осуществлено на средства РГНФ–Урал,
грант № 11-11-66011а/У.*

Рецензенты: докт. ист. наук, проф. Л. А. Дашкевич
канд. ист. наук, проф. Б. А. Сутырин

Монография является первым обобщающим исследованием по социальной инфраструктуре Нижнетагильского округа Демидовых – крупнейшего на Урале частного горнозаводского хозяйства в XIX веке. В ее составе анализируется организация и деятельность медицинских, учебных и благотворительных заведений. Обширная социальная инфраструктура горнозаводского округа – интересный исторический опыт решения сложнейшей проблемы соотношения государственной, ведомственной и частной социальной политики.

Монография издается по решению Ученого совета исторического факультета ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», печатается в авторской редакции.

© Черноухов Э. А.
© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет», 2011

Введение

В условиях коренной трансформации социально-экономической и политической системы в России с конца 1980-х гг. одной из наиболее дискуссионных и болезненных стала проблема социальных функций государства и предпринимательских структур. После масштабного свертывания обширной социальной инфраструктуры, созданной в советский период, в последние годы в нашей стране вновь много говорится о «социальной ответственности» государства и бизнеса. Наместились и определенные положительные тенденции в реализации этого важнейшего положения.

В сложнейшей проблеме соотношения государственной, ведомственной и частной социальной политики, ее федерального, регионального и местного компонентов следует учитывать и отечественный исторический опыт. Одним из его ярких проявлений стала организация и деятельность обширной социальной инфраструктуры в горнозаводских округах Урала, как казенных, так и частных.

В первой половине XIX в. здесь сложилась своеобразная система патерналистских отношений, которая давала определенные гарантии социального обеспечения практически для всех работающих на местных предприятиях, а также и членов их семей. После отмены крепостного права началась их постепенная трансформация, утверждение утилитаристских ценностей, также имевших почвеннический характер.

Истории горнозаводской промышленности России в целом и Урала в частности посвящена весьма обширная литература. Однако практически все исследователи при ее изучении использовали «структурный» подход, характеризуя ее развитие по одному или нескольким факторам (технико-технологическому, организационно-управленческому, экономическому и пр.), рассматривали проблемы комплектования предприятий рабочими кадрами, их борьбу за свои права. В этих работах, а также и исследованиях, написанных в рамках «системного подхода», социальной инфраструктуре горнозаводских округов Урала, в лучшем случае, уделялось самое минимальное внимание.

Их авторов традиционно интересовали, прежде всего, производственные аспекты темы. К тому же в советский период приоритетным направлением исследований стала история борьбы трудя-

щихся за свои права. При этом их положение зачастую изображалось исключительно в «черных тонах», а существенные достижения в развитии социальной сферы откровенно замалчивались.

Нижнетагильский горнозаводской округ в XIX в. оставался крупнейшим среди всех частных хозяйств Урала как по объемам производства, так и по численности работавшего на его предприятиях населения. Именно здесь была создана и самая обширная социальная инфраструктура в регионе. Некоторые аспекты ее организации и деятельности частично освещены в историографии. Однако она до сих пор не становилась предметом для обобщающей работы. Все это предопределяет актуальность и практическую значимость исследования.

Его объектом стал Нижнетагильский горнозаводской округ, принадлежавший на посессионном праве тагильской ветви известной династии Демидовых. Горнозаводской (горный) округ являлся новой формой промышленности, отличной от старой как по технике и технологии производства, так и по организации здесь социальной инфраструктуры. Он рассматривается как особая многоотраслевая, многоформная и многоукладная производственная и социальная структура, обладающая системообразующими свойствами – самообеспеченностью и самодостаточностью¹.

Предметом исследования стало становление, развитие и трансформация социальной инфраструктуры Нижнетагильского горнозаводского округа в XIX веке. При определении ее составляющих необходимо сделать ряд условных ограничений.

В рассматриваемый нами период времени термин «социальная инфраструктура» не употреблялся. Обычно в отчетах по частным горным заводам анализируемые нами заведения отражались в разделе «частные повинности» или именовались «вспомогательные учреждения». Они были частью более широкого понятия: «накладные расходы». В настоящее время под социальной инфраструктурой понимается комплекс объектов, предназначенных для жизнеобеспечения работников организации и членов их семей, для удовлетворения социально-бытовых, культурных и интеллекту-

¹ См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. – Нижний Тагил, 2004. С. 5.

альных потребностей. Естественно, что они существенно разнообразнее, чем в позапрошлом столетии.

В состав социальной инфраструктуры горнозаводского хозяйства XIX в. нами включены медицинские, учебные и благотворительные заведения. Автор не рассматривает организацию и деятельность церковных учреждений Нижнетагильского округа, т.к. они находились в особых «условных» отношениях к его управлению. Содержание их штатов было «государственной повинностью», строго обязательной для заводовладельцев ¹. При этом церковные учреждения выполняли существенно иные функции, чем рассматриваемые нами структуры.

Пенсионное обеспечение также нередко относится к социальной инфраструктуре горнозаводского округа. Однако здесь не оформились специальные заведения, ответственные за эти функции. Поэтому нами, при анализе структуры накладных расходов, будут учитываться и траты владельцев на пенсии бывшим работникам, но сама пенсионная система округа рассматриваться не будет.

Территориальные рамки исследования определили границы Нижнетагильского горнозаводского округа. В административном отношении он входил в состав Верхотурского уезда Пермской губернии. В рассматриваемый период времени округ включал восемь заводов, десятки золотых и платиновых приисков, железные и медный рудники, обширную лесную дачу. В его составе было более двух десятков населенных пунктов: заводских поселков, сел и деревень, а общая площадь превышала 635 тысяч десятин ².

Численность населения Нижнетагильского округа стабильно возрастала. Только его горнозаводское население увеличилось с 37.366 человек (в 1834 г.) до 44.179 (1846), 50.733 (1855) и 53.799

¹ См.: РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 504. Л. 86; и др. Рассматриваемые нами заведения социальной инфраструктуры относились к другой категории: «частные» обязанности или повинности.

² См.: Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. – Челябинск, 1995. С. 15–18; Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. – Нижний Тагил, 2007. С. 14–15.

(1861) ¹. Кроме того, здесь проживало значительное число «посторонних» людей: торговцы, ремесленники, наемные служащие, отставные солдаты и др. Центр округа – поселок Нижнетагильского завода (практически с вошедшим в его состав еще в начале XIX в. Выйским поселком) по численности населения был сопоставим с двумя крупнейшими городами губернии: Пермью и Екатеринбургом. По результатам первой однодневной переписи населения в 1879 г. здесь проживало 27,2 тысячи человек ². К 1897 г. (первой всероссийской переписи) оно возросло до 31,4 тысячи.

Хронологические рамки исследования ограничены XIX веком. При этом для решения поставленных задач автору в ряде случаев приходилось обращаться и к несколько более раннему времени.

Начальная грань исследования связана с окончательным оформлением окружной организации горнозаводской промышленности на Урале в начале XIX столетия. Важнейшим нормативным актом для развития социальной инфраструктуры в регионе стало принятие «Проекта Горного положения для управления заводов хребта Уральского» 1806 года. Он предписывал заводовладельцам, ориентируясь на казенные предприятия, содержать медицинские и учебные заведения, определяя их количество от масштабов производства и проживавшего в их хозяйствах населения.

Становление системы патернализма в Нижнетагильском округе было во многом связано и с личным фактором – периодом, когда им управлял Николай Никитич Демидов (1791–1828). Именно при нем его социальная инфраструктура оформилась в определенную систему, получившую дальнейшее развитие при его наследниках.

Исследование ограничено серединой 1880-х гг. Это объясняется комплексом причин.

Во-первых, фабричная реформа в России (1882–1886 гг.), проведенная по западноевропейскому образцу, коренным образом изменила ситуацию с государственным вмешательством в отноше-

¹ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводской округ... С. 14; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 17; Ф. 643. Оп. 1. Д. 898. Л. 184об.

² См.: Черноухов Э. А. Однодневная перепись населения Нижнетагильского поселка 1879 г.: взаимодействие врачей и статистиков // Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы». – Екатеринбург, 2010. С. 187–188.

ния рабочих и предпринимателей. Сотни тысяч пролетариев становились теперь участниками договора, в котором хозяева фабрик и заводов выступали как наниматели, а рабочие были исполнителями. Причем каждый имел свои права и обязанности, фиксируемые отныне в письменном виде. Взаимные отношения предпринимателей и рабочих из патриархально-попечительных должны были превратиться в буржуазные, основанные на свободном трудовом договоре ¹.

Во-вторых, этот период стал важной вехой и для социальной инфраструктуры Нижнетагильского горнозаводского округа. Его владелец Павел Павлович Демидов, умерший в 1885 г., довел хозяйство до грани полного банкротства. В округе началось масштабное сокращение расходов, в том числе и на социальную инфраструктуру.

В-третьих, к этому времени можно говорить и о завершении становления земского самоуправления в Верхотурском уезде. Оно создало собственные заведения социальной инфраструктуры для населения Нижнетагильского горнозаводского округа. В ноябре 1885 г. уездному земству удалось достроить и открыть свою первую собственную больницу: в поселке Нижнетагильского завода. Оно создало сеть начальных учебных заведений, по количеству учащихся превзошедшую сохранившиеся в округе горнозаводские училища. Нижнетагильские Демидовы, являвшиеся крупными плательщиками земских сборов, настойчиво ставили вопрос о полной передаче новым органам местного самоуправления ответственности за медицинскую, учебную и благотворительную сферы в Верхотурском уезде.

При этом для логического завершения рассматриваемых сюжетов автор в ряде случаев анализирует и положение в социальной инфраструктуре Нижнетагильского округа на рубеже XIX–XX вв.

Историография

Вся проанализированная литература традиционно подразделяется на дореволюционную, советскую и современную. Авторы каждого из этих периодов внесли свой определенный вклад в разработку темы. При этом закономерно проявлялись различные мето-

¹ См.: Володин А. Ю. Фабричная инспекция в России (1882–1904) // Отечественная история. 2007. № 1. С. 24–26.

дические и теоретико-методологические подходы, уровни объема и проработанности привлеченного исторического материала, объективности в изучении ¹.

Две традиции оценки попечительской деятельности уральских заводчиков (позитивная и критическая) оформились еще в дореволюционной литературе. Они во многом определялись политическими взглядами и общественным положением авторов.

Известный горный деятель и публицист В. Д. Белов, опираясь на деятельность отца ² и собственные впечатления ³, панегирически оценивал положение мастеровых в регионе в первой половине XIX века. По его мнению, с них была «снята всякая забота о существовании», и в результате в тот период на уральских горных заводах «нищенство считалось стыдом». Белов преувеличивал доступность учебных, медицинских и благотворительных заведений для всего населения, работавшего на горнозаводских производствах ⁴. Подобные оценки содержатся и в описаниях Нижнетагильского округа смотрителя Выйского училища И. М. Рябова ⁵, писателя и публициста В. Немировича-Данченко ⁶.

¹ Представляется обоснованным выделить и два уровня исследований. Сначала нами будут проанализированы работы, связанные с анализом социальной инфраструктуры всего горнозаводского Урала. Во второй части обзора будут рассмотрены исследования непосредственно по Нижнетагильскому округу.

² Дмитрий Васильевич Белов, приказчик, а затем и управляющий Нижнетагильского округа в 1830 – начале 1850-х гг., считался «главным ревнителем по устройству школ, госпиталей и аптек» (см. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 328. Л. 23).

³ В. Д. Белов также добился значительных успехов на службе в Нижнетагильском округе. См.: Алеврас Н. Н. В. Д. Белов: судьба уральца в социокультурном интерьере российских преобразований XIX–XX вв. // Урал в контексте российской модернизации. – Челябинск, 2005. С. 72–89.

⁴ Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. – СПб., 1896. С. 70, 76–77.

⁵ Рябов И. М. Былина и временность Нижнетагильских заводов, находящихся в Пермской губернии Верхотурского уезда и принадлежащих г. А. Н. и П. Н. Демидовым // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1848. Кн. 2.

⁶ Немирович-Данченко В. Кама и Урал. – СПб., 1890.

Эту тенденцию можно проследить и на примере других частных горнозаводских хозяйств региона. Так, главноуправляющий Пермского имения Лазаревых в 1874–1889 гг. известный краевед Н. Н. Новокрещенных отметил запустение его больниц после отмены крепостного права¹. Быстрый упадок горнозаводской медицины во многих округах Урала в тот период констатировали и многие земские деятели².

Другая группа авторов, наоборот, в целом критически оценивала систему попечительства, действовавшую на горных заводах Урала. По их мнению, она имела больше негативных последствий, прежде всего чрезмерный рост непроизводительных расходов и, следовательно, завышенную цену на продукцию. Привыкшее к патерналистским отношениям горнозаводское население Урала крайне тяжело воспринимало новые порядки, установившиеся после отмены крепостного права.

Эту точку зрения разделяло большинство «визитеров». Либерально настроенный журналист Р. С. Попов подверг резкой критике практически всю систему организации уральских горнозаводских хозяйств³. Академик В. П. Безобразов, знаменитый российский ученый Д. И. Менделев, профессор Петербургского университета И. Х. Озеров в своих работах, созданных на основе посещения уральских заводов, не выразили четкого отношения к их социальной инфраструктуре. С одной стороны, они писали о развращающей население административной опеке, благотворительности, мешающей коммерциализации производства, но с другой – и о необходимости для владельцев содержать учебные и медицинские заведения на горнозаводском Урале⁴.

¹ Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. – СПб., 1889.

² См.: например: Краткий очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному здравью за 20 лет. 1870–1890. – Екатеринбург, 1892.

³ Попов Р. С. Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 1874. № 12. С. 299–372.

⁴ Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. – СПб., 1869; Уральская железная промышленность в 1899 г. / под ред. Д. И. Менделеева. – Екатеринбург, 2006; Озеров И. Х. Горные заводы Урала. – М., 1910.

Критические нотки проскальзывали и в среде самих служащих рассматриваемой сферы. Так, главный врач Нижнетагильского горнозаводского округа П. В. Рудановский отметил ослабление в народе потребности к постоянному труду из-за чрезмерной благоготовительности заводовладельцев ¹.

Таким образом, дискуссия об эффективности социальной инфраструктуры при частных горных заводах Урала развернулась уже в дореволюционной историографии. Впоследствии она была прервана, а затем возобновилась в новых исторических реалиях. При этом в дореволюционный период не было создано ни одного исследования, непосредственно анализирующего развитие социальной инфраструктуры в регионе или округе.

При анализе советской и постсоветской историографии целесообразно использовать предложенное Е. Г. Неклюдовым выделение двух отчетливо проявившихся подходов – «структурного» и «системного». Первый характеризует промышленность по одному или нескольким факторам (технико-технологическому, организационно-управленческому, экономическому и пр.). В основе второго подхода лежит концепция окружной системы горнозаводской промышленности Урала ².

В советский период социальной инфраструктуре горных заводов Урала также уделялось минимальное внимание. Большинство авторов традиционно интересовали, прежде всего, производственные аспекты темы. Другим приоритетным направлением исследований стали положение и борьба трудящихся за свои права.

Из общих работ по истории горнозаводской промышленности отметим исследование В. К. Яцунского. Он подверг экономическому анализу структуру и величину доходов крупнейших заводоладельцев, используя материалы обследования правительственной комиссией частных округов в начале 1850-х гг. ³

Ключевое место в исторических исследованиях занял партийно-классовый подход, вопросы классового и сословного противо-

¹ Рудановский П. В. Письма из Тагила // Современная медицина. 1863. № 5. С. 83.

² Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики... С. 4–5.

³ Яцунский В. К. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии России в 50-е гг. XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. – М., 1963.

стояния в различных заведениях. В рамках структурного подхода в советский период значительное внимание уделялось так называемой крепостной интеллигенции. К ней относили в том числе учебный и медицинский персонал, получивший соответствующее образование (нередко и практическим путем), а главное – недовольный существующим «режимом»¹.

В советский период появились первые исследования по отдельным составляющим социальной инфраструктуры горнозаводского Урала. В 1956 г. была издана до сих пор единственная монография Н. В. Нечаева по истории его горнозаводских школ. Книга, не обеспеченная соответствующей источниковой базой, имела характерный подзаголовок: «к истории профессионально-технического образования в России»². Преувеличение роли профессионального компонента обучения в горнозаводских школах стало общей чертой исследований советского периода³.

Большинство исследователей истории медицины рассматривали становление и развитие известных столичных медицинских заведений, а также роль земских учреждений в этой сфере⁴. Они

¹ См.: Коц Е. С. Крепостная интеллигенция. – Л., 1926; Гаккель Е. В. Крепостная интеллигенция в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1953; Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция в советской историографии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. – Свердловск, 1988; и др.

² Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала. – М., 1956.

³ Калинина Т. А. Развитие горнотехнического образования на Урале в дореформенный период // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX веках. – Пермь, 1981. С. 59–71; Калинина Т. А. Развитие горнотехнического образования на Урале в предреформенный период // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. – Свердловск, 1982. С. 112–115; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX века). – М., 1971; Кузьмин Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. – Челябинск, 1971; и др.

⁴ См.: Каневский Л. О., Лотова Е. И., Идельчик Х. И. Основные черты развития медицины в России в период капитализма. – М., 1956; Левит М. М. Становление общественной медицины в России. – М., 1974; Страшун И. Д. Очерки истории русской общественной медицины. – М., 1965; и др.

отмечали во многом автономное положение и своеобразие горно-заводской медицины, однако ее организации и деятельности уделяли минимальное внимание. Это присуще и работам, созданным на материалах Урала. Так, очерки пермского преподавателя В. Т. Селезневой, название которых значительно шире их реального содержания, были практически полностью посвящены земской медицине¹.

В целом, в советский период многие достижения в сфере социальной инфраструктуры горнозаводских округов Урала нередко замалчивались. Ее развитие необоснованно связывалось, прежде всего, с проявлениями классового и сословного противостояния, а сама она рассматривалась как незначительная уступка государства и заводчиков.

С начала 1990-х гг. отечественные исследователи более обстоятельно занялись изучением социальной инфраструктуры горнозаводской промышленности Урала. Большинство из них связывают ее масштабное расширение с утверждением патерналистской идеологии как в казенных, так и в большинстве крупных частных горных округов региона².

В современной историографии возник определенный спор о начале складывания системы патернализма на уральских частных горных заводах (Н. Н. Алеврас, С. В. Голикова, Е. Г. Неклюдов, Д. А. Редин). Он будет проанализирован в начале первой главы.

В последние два десятилетия были изданы первые работы, посвященные становлению и развитию «новой социальной среды» на уральских горных заводах в первой половине XIX века (вторая половина столетия остается существенно менее изученным периодом). Однако и здесь основные выводы были сделаны на основе

¹ Селезнева В. Т. Очерк по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. – Молотов, 1955. Книга переиздана с некоторыми изменениями: Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. – Пермь, 1997.

² См.: Гуськова Т.К., Неклюдов Е.Г. Формирование новой социальной среды на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX века и роль в этом процессе Демидовых // Альманах Международного Демидовского фонда. – М., 2001. Вып. 1. С. 173–175.

достаточно разрозненных материалов по отдельным округам и предприятиям региона¹.

Значительно большее внимание стало уделяться отдельным составляющим социальной инфраструктуры горнозаводского Урала. Так, со второй половины 1980-х гг. наступил наиболее плодотворный период в изучении горнозаводского образования на Урале. Существенно расширились проблематика и источниковая база исследований, появилась возможность подвергнуть сомнению традиционные выводы и схемы. Л. А. Дашкевич обосновала положение об общеобразовательном характере абсолютного большинства училищ при уральских горных заводах². Этот принципиальный вывод развили в своих диссертациях Э. А. Черноухов, С. Г. Мирсаитова и С. А. Климаков³.

¹ Железкин В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX веке // *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*. – Екатеринбург, 1992. С. 95–99; Неклюдов Е. Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. // *Урал на пороге третьего тысячелетия*. – Екатеринбург, 2000. С. 85–87; Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Система социальной помощи горнозаводскому населению Урала в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда*. – Екатеринбург, 2008. С. 249–267; и др.

² Дашкевич Л. А. Формирование технической интеллигенции в горнозаводской промышленности Урала дореформенного периода (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1989; Дашкевич Л. А., Сафронова А. М. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) // *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*. – Екатеринбург, 1992. С. 87–95.

³ Черноухов Э. А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1998; Мирсаитова С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. – Екатеринбург, 2000. Ч. 2; Климаков С. А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2001.

Истории медицины в регионе посвящены исследования Т. Ю. Шестовой. В них проанализировано развитие здравоохранения в трех уральских губерниях в XVIII–XIX вв. Но их автор уделила основное внимание развитию государственной системы здравоохранения, а в пореформенный период – становлению земской медицины. Ведомственные системы медицинской помощи в регионе, в том числе горнозаводская, не получили систематического освещения¹.

В последнее время издан и обширный круг исследований по развитию благотворительности в Российской империи, среди которых следует выделить капитальные монографии А. Р. Соколова и Г. Н. Ульяновой². Наиболее обстоятельные работы, посвященные истории немногочисленных благотворительных заведений при уральских горных заводах созданы Л. А. Дашкевич³.

В рамках системного подхода наиболее крупные исследования по Нижнетагильскому горнозаводскому округу были созданы Т. К. Гуськовой. В них содержатся отдельные отрывочные сведения о «попечительских» расходах Демидовых на развитие соци-

¹ Шестова Т. Ю. История здравоохранения Пермской и Оренбургской губерний в дореформенный период. – Пермь, 2000; Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской и Оренбургской) 1864–1900. – Пермь, 2003; Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала в XVIII – начале XX в. (на материалах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний). – Пермь, 2006.

² Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2006; Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX вв. – М., 2005.

³ Дашкевич Л. А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 103–124; Дашкевич Л. А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2000. Вып. 5–6. С. 300–312; Дашкевич Л. А. Авроринские приюты // Альманах Международного Демидовского фонда. – М., 2002. Вып. 2. С. 57–60; Дашкевич Л. А. Благотворительность уральских горнозаводчиков: частная инициатива или государственное принуждение? // Благотворительность в России. 2002. – СПб., 2003. С. 98–107; и др.

альной инфраструктуры. Автор в целом негативно оценила эти траты, «непроизводительные» для бюджета округа ¹.

Во второй части историографического обзора проанализируем работы с более узкой проблематикой, посвященные одной из составляющих социальной инфраструктуры непосредственно Нижнетагильского округа. Здесь самое обширное направление составляют исследования, посвященные горнозаводским учебным заведениям округа ². В дореволюционной историографии их авторами стали в основном деятели местной администрации и преподаватели. По Нижнетагильскому округу следует выделить работы описательного плана уже упоминавшихся И. М. Рябова и В. Д. Белова, а также краеведа И. Я. Кривошекова, члена Попечительного совета Нижнетагильского училища П. П. Ларионова ³. Эти работы во многом выполняли задачи первоначального исследования: сбор и систематизацию доступных материалов.

В советский период изучением истории предшественников современного Нижнетагильского горно-металлургического колледжа занимались его преподаватели и местные краеведы. Им удалось ввести в научный оборот некоторые новые сведения по дореволюционной истории этого учебного заведения, прежде всего из фондов Нижнетагильского краеведческого музея ⁴.

¹ Гуськова Т. К. Заводское хозяйство...; Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводской округ...

² Подробнее см.: Черноухов Э. А. Нижнетагильские горнозаводские учебные заведения в дореволюционный период: итоги и перспективы изучения // Тагильский вестник: историко-краеведческий альманах. – Нижний Тагил, 2005. Вып. 4. С. 10–17.

³ Рябов И. М. Указ. соч.; Белов В. Д. Указ. соч.; Кривошеков И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-экономическим очерком. – Пермь, 1910; Ларионов П. П. Сведения об учебных заведениях Нижнетагильского горного округа на 1 января 1915 года. – Нижний Тагил, 1915.

⁴ См.: Виноградов А. Первая школа // Нижний Тагил. – Свердловск, 1945; Егоров С. Н. От «цифирной» школы Петра Первого до советского учебного заведения (Историческая справка): Накануне 230-летнего юбилея // Тагильский рабочий. 1940. 3 февраля; Манжора Б. Г. Страницы из музыкального прошлого Нижнего Тагила // Из музыкального прошлого. – М., 1965. Вып. 2; Шиленко П. К. 250-летие Нижнетагильского горно-металлургического техникума // Горный журнал. 1960. № 2; и др.

Новые работы по учебным заведениям округа продолжают появляться и в постсоветский период. Ректор Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (НТГСПА) В. И. Смирнов попытался систематизировать основные сведения по их истории в XVIII – первой половине XIX века. Однако, не используя практически все последние работы екатеринбургских исследователей, он не сумел показать многие важные аспекты их деятельности¹. Популярны очерки журналиста Б. Н. Телкова не содержат реальных ссылок на использованные им исследования². Компильтивный характер имеет и небольшая монография (без введения!) преподавателя НТГСПА В. В. Семизорова. Автор без всякого обоснования отнес формирование «образовательного комплекса» в Нижнетагильском горнозаводском округе к 1860-м гг.³, хотя именно тогда здесь произошло резкое сокращение учебных заведений и не появилось ни одного принципиально нового.

С середины 1990-х гг. существенно вырос интерес к истории медицины Нижнетагильского округа⁴. Музейный работник С. А. Клат опубликовала ряд работ об отношении Демидовых к медицине, введя в научный оборот новые, весьма разрозненные материалы о некоторых медицинских заведениях и кадрах округа⁵. К этой теме также обращался врач и краевед Ю. Э. Соркин⁶.

¹ Смирнов В. И. Нижнетагильская горнозаводская школа в XVIII – первой половине XIX в. // Ученые записки Нижнетагильского государственного педагогического института. – Нижний Тагил, 2001. Вып. 2. С. 10–22.

² Педагогика по-демидовски. Исторические очерки / сост. Б. Н. Телков, А. Г. Коряков. – Екатеринбург, 2005. Б. Н. Телков скомпилировал материалы и из многих наших исследований, ни разу не упомянув об этом.

³ Семизоров В. В. Нижнетагильский заводской образовательный комплекс (1861–1917 гг.). – Нижний Тагил, 2009.

⁴ Подробнее см.: Черноухов Э. А. Нижнетагильская горнозаводская медицина в дореволюционный период: итоги и перспективы изучения // Тагильский вестник: историко-краеведческий альманах. – Нижний Тагил, 2007. Вып. 5. С. 8–14.

⁵ Клат С. А. Кадры медиков на Нижнетагильских заводах в последней трети XVIII – первой половине XIX в. // Тульский металл: четыре столетия истории. – Тула, 1995. С. 19–22; Клат С. А. Демидовы и медицина // Альманах Международного Демидовского фонда. – М., 2001. Вып. 1. С. 101–107; Клат С. А. Из истории строительства заводского госпиталя в Нижнем Тагиле // Вторые Худояровские чтения. Доклады и сообщения. – Нижний Тагил, 2005.

⁶ Соркин Ю. Демидовы и медицина // Уральская старина. – Екатеринбург, 1997. Вып. 3. С. 183–196.

Сам автор, после защиты кандидатской диссертации ¹, активно продолжил изучение горнозаводских учебных заведений в крупных округах региона в XIX веке. Они стали предметом анализа в целой серии публикаций. Кроме того, он существенно расширил проблематику своих исследований, опубликовал несколько работ по развитию медицинских и благотворительных заведений в крупных частных горнозаводских хозяйствах Урала, в том числе и Нижнетагильского ².

В целом, некоторые аспекты истории социальной инфраструктуры Нижнетагильского горнозаводского округа в XIX в. освещались в значительном числе самых различных по объему и качеству публикаций. Вместе с тем она до сих пор не становилась объектом для какой-либо действительно обобщающей научной работы. По нашему мнению, ее создание возможно только при условии масштабного расширения источниковой базы исследования и использовании новых методологических подходов.

Источники

Источниковая база исследования широка и разнообразна. Ее характерными особенностями являются: рассредоточенность материалов по различным изданиям, архивным и музейным фондам, рукописным коллекциям библиотек; сложный, «многоаспектный» характер большинства рассматриваемых дел, а зачастую и документов, в которых проблемы социальной инфраструктуры обычно занимали второстепенное место. Большая часть источников впервые вводится автором в научный оборот.

Из опубликованных источников особое внимание уделялось различным законодательным и нормативным актам, регулировавшим деятельность социальной инфраструктуры горных заводов Урала в XIX веке. Часть из них формально принималась по казен-

¹ Черноухов Э. А. Горнозаводское образование...

² См.: Черноухов Э. А. Благотворительные заведения Нижнетагильского горного округа (первая половина XIX в.) // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 123–130; Черноухов Э. А. Аттестованные врачи в Нижнетагильском горном округе в первой половине XIX в. // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. – Нижний Тагил, 2009. С. 99–104; Черноухов Э. А. Нижнетагильский Дуремар. Секреты пивоваренного заведения // Родина. 2009. № 8. С. 127–128; и др.

ным предприятиям, но фактически была обязательна для исполнения (или служила ориентиром) и для частных заводчиков. Нами рассматриваются соответствующие разделы горного ¹ и медицинского ² законодательства, «Положение об учебных заведениях уральских горных заводов» 1852 г. ³, документов крестьянской реформы ⁴. Для сравнения использовались соответствующие акты, определявшие деятельность учебных заведений Министерства народного просвещения и епархиального ведения ⁵, инструкции других заводоладельцев (или заводоуправлений) по организации и деятельности заведений социальной инфраструктуры ⁶.

Опубликован и определенный массив статистических и делопроизводственных материалов. Для анализа взаимодействия руководства Нижнетагильского горнозаводского округа и Верхотурского уездного земства в рассматриваемой нами сфере широко использовались печатные земские издания. Содержащиеся в них самые различные материалы (протоколы заседаний, доклады, сметы, соглашения и др.) позволяют проследить постепенный переход значительной части социальных функций к земским органам ⁷.

¹ Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения // ПСЗ-1. Т. 29. № 22.208; Устав горный // Свод законов Российской империи. Т. 7. – СПб., 1833, 1842, 1857.

² Собрание российских законов о медицинском управлении. – СПб., 1828.

³ Положение об учебных заведениях уральских горных заводов. – Екатеринбург, 1853.

⁴ Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов Министерства финансов // ПСЗ-2. Т. 36. № 36.719.

⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1864–1871. Т. 1–4; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1865–1867. Т. 1–3; «Правила для обучения детей поселян, в том числе раскольничьих» 1836 г. // Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1875.

⁶ Волегов Ф. А. Хозяйственные записки по Пермскому имению графини С. В. Строгановой, составленные в начале 1820 г. // Пермский край. – Пермь, 1893. Т. 2; Калинина Т. А. Развитие образования на Урале в первой половине XIX в. (школа в Чёрмозе Пермской губернии). – Пермь, 2002. Приложение.

⁷ Журналы Верхотурского уездного земского собрания с докладами управы и другими приложениями (см. список источников), а также: Верхотурское уездное земство и его деятельность с 1870–1907 г. – Пермь, 1907; Нижне-Тагильский санитарный комитет. Санитария. Рукопись. – Б.м. Б.г.; Общий доклад Верхотурской уездной земской управы 4 очередному Собранию о действиях ее за первое трехлетие с июня 1870 г. по сентябрь 1873 г. – СПб., 1874; и др.

Краткие общие сведения о действовавших учреждениях социальной инфраструктуры уральских горных заводов имеются в известных «Описаниях» Урала Н. С. Попова, П. Е. Томилова, Х. Мозеля¹. Подобные источники, содержащие как статистические, так и нарративные материалы, были выявлены и непосредственно по Нижнетагильскому округу. Это, в частности, записки уже упоминаемого П. В. Рудановского², его исследование медного рудника, проведенное совместно с другим известным врачом В. О. Португаловым³, описания первого санитарного врача Пермской губернии Р. Н. Румы. Последние были созданы на основе обработки данных однодневной переписи населения в Нижнетагильском поселке 1879 г.⁴

Основной фактический материал для исследования был извлечен и проанализирован автором в федеральных, региональных и муниципальных архивах и музеях страны. До нас дошел значительный комплекс неопубликованных источников по Нижнетагильскому горному округу Демидовых, рассредоточенный по многочисленным учреждениям⁵. По нашему мнению, эти разнообраз-

¹ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. – СПб., 1864; Описание заводов хребта Уральского, составленное пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым в 1807–1809 гг. // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX веков. – Свердловск, 1956.

² Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 82–99.

³ Португалов В. Работа в рудниках или гигиена рудокопов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. № 4. К этой работе приложена записка: Рудановский П. В. О состоянии медицинской части в округе Нижнетагильских заводов. С. 73–79.

⁴ Рума Р. Н. К гигиене рудокопов. Опыт исследования санитарных условий работы в Нижне-Тагильском руднике и влияние их на рабочих. – Пермь, 1882; Рума Р. Н. Состав населения Нижнетагильского завода. – Пермь, 1885.

⁵ См.: Гуськова Т. К. Демидовские архивы // Альманах Международного Демидовского фонда. – М., 2001. Вып. 1. С. 139–141; Черноухов Э. А. Документы по социальной инфраструктуре Нижнетагильского округа Демидовых XIX в. в собраниях архивов, музеев и библиотек // Документ. История. Архив. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2010. С. 224–226.

разные материалы позволяют представить репрезентативную картину развития его социальной инфраструктуры в XIX в.

Вместе с тем перед их исследователем встают существенные проблемы. Как уже отмечалось, материалы по социальной инфраструктуре в большинстве своем вошли в состав самой различной документации: статистических описаний, различных, в том числе хозяйственных отчетов, переписки контор и частных лиц с заводо-владельцами и др. Поэтому для их выявления нам пришлось обратиться к просмотру и анализу нескольких тысяч дел из 29 фондов восьми архивохранилищ страны. Самые значительные материалы были извлечены в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА); Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ); Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Архиве Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Кроме того, нами привлекались материалы Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Государственного архива Пермского края (ГАПК) и Нижнетагильского городского исторического архива (НТГИА).

Главный массив составили документы официальной правительственной статистики и государственного делопроизводства, отложившиеся в фондах органов управления горнозаводской промышленностью: Горного департамента, Штаба Корпуса горных инженеров, Уральского горного правления и Канцелярии главного горного начальника. Особую ценность представляют многочисленные годовые, полугодовые и третные отчеты о деятельности горнозаводских медицинских и учебных заведений, направленные в вышестоящие органы. Большинство из них составлялись по спущенной сверху форме. Цифровой материал нередко сгруппировывался в таблицы, которые прилагались к отчетам. Это делает их, с одной стороны, хорошо сопоставимыми, с другой, во многом односторонними и шаблонными, содержащими большое число абстрактных цифр и стандартных оптимистических фраз. Необходимо учитывать и известную долю тенденциозности при их составлении.

Существенным дополнением к официальной отчетной документации стали материалы внутриводской статистики и делопроизводства.

производства Нижнетагильского округа. Из многоаспектных дел, касавшихся самого широкого круга вопросов, можно извлечь и информацию об организации и деятельности учреждений социальной инфраструктуры, причем она, в сравнении с отправляемой в вышестоящие органы, зачастую была более полной и достоверной. Особое внимание уделялось многочисленным сохранившимся отчетам, в том числе генеральным, по деятельности округа за различные периоды времени, а также рапортам смотрителей учебных и благотворительных заведений, врачей о деятельности подведомственных им заведений, направляемым заводовладельцам.

Важной частью делопроизводственной документации является переписка заводовладельцев со своими конторами в России, в том числе Нижнетагильской. Для нашего исследования она была особенно обширной и интересной при Николае Никитиче Демидове (1773–1828). В своих многочисленных посланиях заводовладелец фактически обосновал свою концепцию обучения и воспитания своего крепостного населения, необходимость привлечения «посторонних» (для округа) врачей и учителей, дал яркие характеристики ряду из них, а также местным приказчикам. Особый интерес представляет сохранившаяся личная переписка Н. Н. Демидова с нанятыми для Нижнетагильского округа врачами и учителями, а также своими крепостными воспитанниками, получившими образование за границей.

В архивных фондах были выявлены и ценные описания современников. В рукописях известного демидовского служителя Д. П. Шорина (1836), врача И. П. Ильинского (1855), командированного служителя с Воскресенского завода И. Зоркова (1858) содержатся их наблюдения по состоянию социальной инфраструктуры Нижнетагильского округа¹. В источниках личного происхождения содержится информация, практически полностью отсутствующая в официальных документах.

¹ Шорин Д. П. Историко-статистический очерк Нижнетагильских заводов // Архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Ф. 10. Оп. 10. Д. 19; Ильинский И. П. Медико-топографическое описание Нижнетагильского горного округа // ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578; Зорков И. Ф. Краткое описание ряда посещенных заводов // ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 588.

Формулярные списки и сохранившиеся контракты с «посторонними» врачами и учителями использовались для составления биографических справок. Списки служителей и мастеровых Нижнетагильского округа позволили выявить процентный уровень грамотности среди всего заводского населения и его отдельных категорий.

Малоизученность темы предопределила приоритет архивных материалов для исследования в сравнении с опубликованными источниками и литературой. Большинство из них впервые вводятся в научный оборот. В целом выявленная автором источниковая база представляется репрезентативной. Она позволяет поставить и решить многие задачи обобщающего исследования.

Целью работы стало создание обобщающего исследования по становлению, развитию и трансформации социальной инфраструктуры Нижнетагильского горного округа в XIX веке. В соответствии с ней поставлены следующие взаимосвязанные задачи:

- рассмотреть причины формирования и развитие «новой социальной среды» в Нижнетагильском горнозаводском округе, утверждение здесь идей патернализма, а затем и утилитаризма, роль владельцев в этих процессах;
- проанализировать создание и расширение сети учебных, медицинских и благотворительных заведений в дореформенный период, а затем и ее существенное сокращение после отмены крепостного права;
- показать состав, численность, положение всех категорий их персонала, как вольнонаемного, так и крепостного;
- рассмотреть мотивы и условия службы «посторонних» для округа аттестованных врачей, аптекарей, учителей, смотрительниц благотворительных заведений;
- проследить масштабную трансформацию социальной инфраструктуры в Нижнетагильском округе после отмены крепостного права.

В то же время некоторые вопросы, связанные с темой исследования, в работе детально не рассматриваются. По нашему мнению, специального внимания (видимо, профессиональных педагогов и медиков) требуют такие аспекты, как процесс непосредственного оказания медицинской помощи и методика преподавания в горнозаводских учебных заведениях. Поэтому автор ограничился

рассмотрением только ряда новых для Нижнетагильского округа направлений в этой сфере, появившихся здесь в первой половине XIX в.: в медицине – оспопрививание, акушерское дело и гирудотерапия, в образовании – ланкастерский метод обучения. Нами подробно не рассматривается и борьба с эпидемиями, которая уже стала предметом исследования в целом ряде работ, прежде всего профессиональных медиков.

Проведение междисциплинарного исследования социальной политики государства и предпринимательских структур предполагает использование ряда методов и подходов. В качестве методологической основы исследовательского проекта выступает теория модернизации. Ее последователи исходят из разделения всех обществ на традиционные и современные. По их мнению, именно процесс превращения первых в современные составляет основу общественно-исторического прогресса.

Модернизация представляет собой многосторонний процесс, который включает в себя и масштабные изменения в развитии горнозаводской промышленности Урала, в том числе формирование разнообразных социальных интересов ее работников. Под модернизацией в этой сфере подразумевается становление и развитие достаточно обширной социальной инфраструктуры промышленных предприятий, призванной смягчить межклассовые и межсословные противоречия в горных округах Урала. Эти процессы происходили как под воздействием целенаправленной политики государства, так и осознания самими горнозаводчиками важности существенных изменений в этой области. После отмены крепостного права закономерным шагом стала постепенная трансформация ведомственных и частных систем социальной защиты, переход ее функций в ведение органов государственной власти и местного самоуправления.

Междисциплинарность обусловлена использованием социологических и генеалогических методов исследования при определяющей роли принципа историзма. Именно он позволяет объективно раскрыть и проанализировать сложные исторические тенденции рассматриваемых процессов. Как отметил В. М. Арсентьев, в промышленности России первой половины XIX в. вектор «движения к индустриализации» происходил не столько в направлении преодоления сопротивления и разрушения традиций, а также мак-

симальной реализации новаций и модернизационных устремлений, сколько путем создания системы взаимодействия и взаимовлияния, в которой преимущества формирующейся рыночной экономики и крупного производства переплетались с традиционными принципами организации хозяйственно-экономической деятельности¹. Этот вывод применим и к развитию социальной инфраструктуры горнозаводской промышленности Урала.

Здесь в первой половине XIX в. сформировалась устойчивая система патерналистских отношений, впоследствии подвергнутая сложной трансформации. На тесную взаимосвязь модернизации и традиции в социальной сфере дореволюционного горнозаводского Урала обращали внимание и исследователи региона².

Конкретная методика исследования включает в себя традиционные методы познания, нашедшие распространение в современной исторической науке. Это проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, метод системного анализа, а также методы обработки статистических данных.

Заканчивая введение, по сложившейся традиции автор хочет искренне поблагодарить тех, без чьей помощи это исследование не могло быть создано. Это, кроме семьи, коллег и друзей, прежде всего, самоотверженные помощники служителей «музы Клио» – работники архивов, музеев и библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Перми и Нижнего Тагила. Особую благодарность следует выразить коллективу Государственного архива Свердловской области (ГАСО), где автор продолжает свои научные изыскания уже более 20 лет.

Завершению работы над монографией способствовали два гранта РГНФ-Урал³. Автор выражает признательность руководству фонда за поддержку своих научных изысканий.

¹ Арсентьев В. М. Модели развития отечественной промышленности в первой половине XIX в.: механизмы функционирования и индустриальный потенциал // Проблемы экономической истории России. – Екатеринбург, 2007. С. 77–78.

² См., например: Голикова С. В. Модернизация для традиции // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008. С. 540–543.

³ Социальная инфраструктура горных округов Урала в XIX в.: становление, развитие, свертывание (№ 08-01-83110а/у. 2008–2009 гг.); Горнозаводская медицина Урала в XIX в.: становление, развитие, трансформация (№ 11-11-66011а/У. 2011–2012 гг.).

1. Утверждение «новой социальной среды» в Нижнетагильском округе в первой половине XIX вв.

1.1. Исследовательские споры о патернализме на горнозаводском Урале

В историографическом обзоре отмечалось складывание двух традиций оценки (позитивная и критическая) попечительской деятельности государственных органов и уральских заводчиков еще в дореволюционной литературе. В последние два десятилетия в отечественной исторической науке и публицистике произошел новый всплеск дискуссий об эффективности социальных функций государства и предпринимательских структур, их сотрудничестве в этой сфере.

В современной России активно обсуждается необходимость освоения наследия известной династии горнозаводчиков Демидовых, которое традиционно оценивается далеко неоднозначно. Их изучением занялись и специально созданные новые структуры, в том числе Международный Демидовский фонд и Демидовский институт. Существенное внимание в новых исследованиях стало уделяться и решению Демидовыми части социальных проблем, в том числе и в Нижнетагильском округе.

Ряд современных авторов (Т. К. Гуськова, Л. А. Дашкевич, Е. Г. Неклюдов, Д. А. Редин) пришли к выводу о создании здесь, как и на определенной части горнозаводского Урале в целом, в конце XVIII – первой половине XIX в. «новой социальной среды». При Н. Н. Демидове и его ближайших наследниках в Нижнетагильском округе установилась относительная социальная «гармония», выразившаяся в отсутствии массового движения крепостных, характерного для предшествующего периода.

Важнейшая роль в этих процессах отводится формированию системы патерналистских отношений. Она давала определенные гарантии социального обеспечения практически всем работающим на местных предприятиях, а также и членам их семей.

Термин «патернализм» применяется во многих областях социального знания в самых различных смыслах. Его содержательное наполнение включает и наиболее общие взаимоотношения между сложными составными субъектами, и отдельные варианты властных и производственных отношений, и непосредственные межличностные взаимодействия. Такой разброс значений может быть

объяснен тем, что ученые-гуманитарии опираются на концепты, сформулированные в разных научных дисциплинах.

Особая трактовка термина свойственна исторической науке, в рамках которой он и возник. Здесь патернализм обозначает специфический тип властных отношений, устанавливаемый добровольным или договорным путем внутри государства между его жителями, имеющими разные правовые статусы¹.

Патерналистская идеология нередко является эффективным средством для обеспечения необходимого классового и сословного компромисса. В России она имеет глубокие исторические корни.

В трактовке В. Г. Железкина, патернализм – организация производственных отношений, при которой предприниматель выступает источником и гарантом осуществления рабочими их гражданских (либо сословных) прав во внепроизводственной сфере². При этом представления о работодателе связываются у рабочих с понятием «отца», покровителя.

Согласно патерналистскому мифу, хозяин принимает на себя функции попечителя, обязанного заботиться о благосостоянии и поведении работника и, соответственно, несущего за него высшую моральную ответственность. Последний же выступает в данной модели отношений в роли младшего члена семейства, связанного известными моральными обязательствами. Беспрекословное подчинение работодателю и уважение к нему санкционируется патерналистским сознанием, как естественные нормы межклассовых отношений.

Становление политики патернализма как в России в целом, так и на уральских горных заводах, было вызвано целым комплексом взаимосвязанных причин. Среди них следует выделить, прежде всего, перманентное принуждение частных заводчиков со стороны государственных органов развивать социальную инфраструктуру, а также распространение среди них определенных идей, сформулированных теоретиками европейского и российского консерватизма в первой половине XIX века.

¹ См.: Шушкова Н. В. Патернализм как социальный институт в переходном обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Пермь, 2004. С. 4–5.

² Железкин В. Г. Указ. соч. С. 96.

Рассматривая первую названную причину, следует особо выделить принятие нового горного законодательства 1806 года. Оно обязывало заводовладельцев содержать собственные медицинские заведения, поощряло к развитию просвещения местного населения. Государственный контроль над частными заводами, в том числе за развитием здесь социальной инфраструктуры, усилился после вступления на престол Николая I. Этот император в течение всего своего 30-летнего правления последовательно проводил патерналистскую политику¹.

В качестве яркого проявления государственного принуждения приведем секретное предписание министра финансов от 13 сентября 1827 г. главному горному начальнику уральских заводов. Он указал через заводских исправников обязать частных заводчиков, но без всякой огласки, «подписками», чтобы они «по долгу христианских владельцев входили в положение горнорабочих, по совести положили им достаточное содержание, устраняя всякие жестокости и притеснения, под опасением взятия их заводов в казенный присмотр». Владелец предписывалось в том числе заботиться о больных и «иметь попечение о людях, которые не в состоянии обеспечить себя пропитанием»².

Значительную роль сыграли механизмы ведомственного принуждения и контроля. Органы управления горнозаводской промышленности оказывали постоянное давление на заводовладельцев, настаивая на создании в их имениях заведений социальной инфраструктуры, их достойном содержании. Особую настойчивость проявил многолетний медицинский инспектор по частным заводам Уральского горного правления М. Г. Вульф³.

С другой стороны, развитию социальной инфраструктуры на частных заводах Урала способствовало и распространение среди «просвещенных» владельцев теории патернализма (патроната), которая являлась одной из разновидностей охранительной идеологии. Взгляды видных теоретиков российского консерватизма

¹ См.: Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России (опыт культурно-исторического анализа). – Р-н/Д., 1999. С. 5–8.

² ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 131. Л. 1об.–2.

³ См.: Черноухов Э. А. М. Г. Вульф – медицинский инспектор Уральского горного правления // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты. Екатеринбург, 2011. Ч. 1. С. 343–347.

Н. М. Карамзина и С. С. Уварова во многом основывалась на тех же идеях.

В целом виде теорию патроната разработал в своем труде «Основная конституция человеческого рода» известный французский экономист, профессор Парижской горной школы Пьер Ле-Пле¹. Причем именно Нижнетагильский округ Демидовых он считал одним из образцов в ее реализации².

Здесь становление системы патернализма было во многом связано с личным фактором – периодом управления Николая Никитича Демидова (1791–1828). Именно при нем социальная инфраструктура округа оформилась в определенную систему, получившую дальнейшее развитие при его наследниках. Параллельно заводовладелец активно формировал патерналистское сознание в своих уральских владениях. Его взгляды по рассматриваемой проблематике будут проанализированы нами во втором параграфе этой главы.

В целом складывание патерналистского комплекса на горно-заводском Урале стало результатом сложных процессов. В ходе них постепенно складывался компромиссный симбиоз, удовлетворявший противоречивые интересы государства, заводчиков и работников.

Далее рассмотрим два спора в отечественной исторической науке, связанные с «попечительскими» расходами уральских горнозаводских имений. Их участники неоднозначно оценивают их появление и эффективность.

В современной уральской историографии высказаны различные мнения по времени утверждения «новой социальной среды» на горнозаводском Урале. Д. А. Редин указал на зарождение начал социального попечительства (обеспечение продовольствием, пенсии, элементы медицинского и социального обслуживания) на уральских частных горных заводах уже во второй половине XVIII века. По его мнению, это было одной из причин установления не-

¹ См.: Неклюдов Е. Г. К вопросу об особенностях... С. 86.

² См.: Абатуров И. Н. Патернализм в цивилизационном плане: практическое осуществление на Урале и леплезинское осмысление // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 3–4.

устойчивого равновесия («определенной сбалансированности») между государственной властью, заводовладельцами и рабочими¹.

С. В. Голикова считает, что система социальной помощи населению уральских заводов уже во второй половине XVIII в. даже «не делала первые шаги, а успешно функционировала». Она определила, что патерналистские установки о попечении владельца заводами над своими подданными исходили не только от государства, но и сформировались в вотчине и поместье, а затем были адаптированы к действительности горных округов².

Эта точка зрения вызвала обоснованные возражения. По мнению Е. Г. Неклюдова, Редин, правильно определив направление развития социальных отношений в уральской горнозаводской промышленности, существенно ускорил наступление здесь стадии «относительного социального мира». Он достиг своего расцвета во многих округах лишь в первой половине XIX в. и никогда не был всеобщим³.

Н. Н. Алеврас считала, что социальная напряженность в регионе достигла особого накала именно во второй половине XVIII века. Становление политики патернализма наложилось на существующие представления о «выстраданности» горнозаводского дела. Это требовало создания системы, определенных привилегий, как своеобразной платы за прежний безвозмездный крепостной труд. Сложившуюся систему патернализма она попыталась ввести в контекст сформировавшейся здесь специфической горнозаводской культуры⁴.

¹ Редин Д. А. Власть, заводовладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере уральской частной металлургии): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1995.

² Голикова С. В. Документ 1786 года и политика попечительства на частных уральских заводах в XVIII веке // Урал в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. Ч. 1. – Екатеринбург, 1998. С. 229–231.

³ Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики... С. 29.

⁴ См.: Алеврас Н. Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной культуры Восточной Европы в XIX–XX веках. – Челябинск, 2003. С. 57–69; Алеврас Н. Н. Уральский регион: историко-культурное единство или многообразие? // Урал в контексте российской модернизации. – Челябинск, 2005. С. 38–45.

На этот аспект ранее обращал внимание В. А. Шкерин. Он отметил, что мастеровые были уверены, что работа на горных заводах вредна для их здоровья, что и отражалось в их прошениях¹.

Точка зрения об утверждении «новой социальной среды» на горнозаводском Урале в первой половине XIX в. представляется нам более убедительной. В более ранний период здесь еще не оформилась патерналистская идеология, не было государственных актов, принуждавших заводовладельцев к содержанию социальной инфраструктуры. Поэтому даже в крупных горнозаводских хозяйствах Урала функционировали только ее единичные заведения.

Серьезные разногласия у исследователей вызывает и эффективность резко возросших социальных расходов горнозаводчиков. Как уже отмечалось в историографическом обзоре, они начались еще в дореволюционный период.

Горнозаводские хозяйства Урала в рассматриваемый период времени существенно отличались от предприятий Западной Европы. Они, с одной стороны, имели большой удельный вес основного капитала, вложенного в дорогостоящее заводское и вспомогательное оборудование, а также в здания общественного назначения, в том числе медицинского, учебного и благотворительного направлений, но, с другой – использовали более дешевую рабочую силу. Это имело свои преимущества и недостатки.

Утверждение политики патернализма оказало огромное воздействие на социальную психологию населения. В Нижнетагильском горнозаводском округе в XIX в. установилась относительная социальная «гармония», выразившаяся в отсутствии массового движения крепостных, характерного для предшествующего периода. В результате его владельцы стабильно получали значительные доходы из своих обширных владений.

Вместе с тем со временем перманентной проблемой стало обсуждение существенно возросших накладных расходов (а затем и попытки их сокращения). Это касалось и заведений социальной инфраструктуры. Так, в записке будущего главноуполномоченного нижнетагильских Демидовых А. Кожуховского (1847 г.) предпола-

¹ См.: Шкерин В.А. Социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX в. (по материалам прошений): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 113–116.

галось сокращение «непомерно возросших» накладных расходов на «умножившееся бедное народонаселение» округа. Он предлагал уменьшить и финансирование его медицинских, учебных и благотворительных заведений ¹.

В начале 1850-х гг. было проведено масштабное правительственное исследование предприятий уральской металлургии. При этом комиссия признала наиболее обоснованными данные, предоставленные по Нижнетагильскому округу. Полученные статистические и аналитические материалы по горнозаводским хозяйствам Урала впоследствии неоднократно использовались столичными и уральскими исследователями. Они позволяют оценить и затраты владельцев на социальную инфраструктуру округа.

Сами нижнетагильские Демидовы считали, что в себестоимости их продукции до 50% относится к накладным (непроизводственным) расходам. Видимо, эта цифра вполне обоснована. Так, по Генеральному отчету за 1853/1854 заводской год они составили 44,3% ².

В. К. Яцунский по результатам этого правительственного исследования определил социальные траты у нижнетагильских Демидовых в 1851 г. в 30% от всех накладных расходов. В его расчетах к ним были отнесены расходы на медицинские (30 тысяч рублей), учебные (18 тысяч), благотворительные (8 тысяч) заведения, а также пенсии (по нашему мнению, вполне обоснованно) и содержание церковных учреждений (23 тысячи) ³. Но, как уже отмечалось, последние относились к государственным повинностям. Поэтому если их вычесть, то социальные траты в накладных расходах составляли всего четверть (25%).

Такие же результаты были получены нами при анализе Генерального отчета по Нижнетагильскому округу за 1853/1854 заводской год. И здесь 75% накладных расходов составили самые различные затраты ⁴, самыми значительными из которых были: управление, налоги (подати), постройки и ремонт, содержание до-

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 34. Л. 221.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 34. Л. 121об.

³ Яцунский В. К. Капиталы и доходы... С. 135–137.

⁴ К накладным расходам, в частности, относились разведка новых месторождений, составление карт местности и подобные затраты, обычные для любого крупного производства.

рог. На собственно социальную инфраструктуру (с пенсиями) было израсходовано не более четверти из них ¹.

По нашему мнению, такие затраты на социальную инфраструктуру в Нижнетагильском округе не были чрезмерными. Его социально-экономическое положение накануне отмены крепостного права существенно ухудшилось по другим причинам.

В 1857–1861 гг. горнозаводская промышленность Урала переживала тяжелый кризис, связанный с принятием фритредерского таможенного тарифа 1857 г. и несколькими подряд неурожайными годами. В результате цены на продовольствие в регионе за несколько лет (1858–1863) выросли в 2–3 раза и больше не вернулись к прежнему уровню. До этого они оставались относительно стабильными с конца 1820-х гг. Последнее, естественно, повысило стоимость металла и затруднило его сбыт в условиях резко обострившейся конкуренции с дешевым европейским металлом ².

Ситуация усугублялась и чрезмерно разросшимся служительским штатом. По подсчетам Т. К. Гуськовой, накануне отмены крепостного права в Нижнетагильском округе на каждые 4–5 человек, работавших на производстве, приходился один человек из непроизводственного персонала. Это говорит о неэффективности организации управления заводским хозяйством, типичным для крепостной системы. Слабо стимулируя рост производительности труда, она стала одной из причин непомерно раздутых накладных расходов, увеличивающих себестоимость продукции ³.

Поэтому организация производства в Нижнетагильском округе требовала существенного реформирования. Однако система заведений социальной инфраструктуры явно не была в числе важнейших причин этого. После 1861 г., при действительно новых исторических реалиях, она закономерно подверглась существенной трансформации.

¹ Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 34. Л. 109–119.

² См.: Белов В. Д. Указ. соч. С. 91–94; Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. – Пермь, 1961. С. 48–49; Злобин Ю. П. Влияние тарифа 1857 г. на состояние горнозаводской промышленности Урала конца 50 – начала 60-х гг. XIX в. // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII–XIX веках. – Пермь, 1981. С. 59.

³ Гуськова Т. К. Заводское хозяйство... С. 166.

1.2. Патерналистская концепция Н. Н. Демидова

Как уже отмечалось, становление системы патернализма в Нижнетагильском горнозаводском округе было во многом связано с личным фактором – периодом управления Николая Никитича Демидова (1773–1828). Владелец в своем первом «повелении» Нижнетагильской заводской конторе 1791 г. требовал от приказчиков «доброго о сохранении и приращении... интересов моих усердия... без лишнего моим жителям отягощения». О необходимости «отеческого отношения» к работникам он напоминал во многих своих предписаниях и позже, уже окончательно освободившись от дворянской опеки.

Особое внимание заводовладелец обращал на медицину. Заявления о «человеколюбии» Н. Н. Демидова появились уже в первом контракте с врачом для Нижнетагильского округа Машке 1798 г. О нем сообщалось в самом его тексте, а затем еще дважды в Инструкции, утвержденной заводовладельцем ¹. Впоследствии подобные фразы регулярно появлялись в письмах Н. Н. Демидова Нижнетагильской конторе (заводоправлению), контрактах с новыми врачами, переписке с медицинским персоналом.

Мотивация подобных взглядов у Н. Н. Демидова являлась глубоко рациональной. «Притеснять трудников не надобно, а держаться совершенной справедливости, ибо угнетение их более может послужить во вред мне, нежели им, от чего я теряю более, нежели они», – писал он в 1819 г., раскрывая цели своего попечительства. К работавшим на него «трудникам» он относился довольно снисходительно, требовал от приказчиков воспитания в них чувства ответственности и благодарности заводчику и уж, конечно, никогда не называл их своей семьей ².

Н. Н. Демидов имел четкую систему принципов в этой сфере. В 1820 г. он писал: «Я опытами дошел, что от награждения я сам себе получаю вящую прибыль, и что мои товарищи другие заводчики, кроме А. И. Яковлева, плохо разумеют» ³. Следует отметить, что именно этого владельца Верх-Исетского горного округа он считал своими главным конкурентом на Урале. Только железо с

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 75. Л. 1–5об.

² Неклюдов Е. Г. К вопросу об особенностях... С. 87.

³ Цит. по: Шкерин В. А. Социальное самосознание... С. 106–107.

его заводов в тот период времени продавалось по ценам, равным нижнетагильскому, практически не уступая ему в качестве ¹.

В то же время в одном из писем Нижнетагильской конторе Н. Н. Демидов сформулировал и другое важное положение: «я люблю делать людям пособие, сколько же опять не желаю бросать деньги даром и приучать тунеядцев на будущее время быть таковыми» ². По обоснованному мнению П. А. Орлова, в сфере благотворительности заводовладелец исходил не из своей христианской добродетели, некого морального смысла или статусно-меркантильных интересов, а целесообразности того или иного социально значимого деяния ³.

Существенную роль в становлении патерналистских отношений в Нижнетагильском горнозаводском округе сыграл и субъективный фактор: тяжелая болезнь Н. Н. Демидова, в последние годы жизни фактически приковавшая его к постели. В письмах заводладельца в российские конторы, в том числе и Нижнетагильскую, неоднократно указывалось, что он на своем собственном опыте познал необходимость «человеколюбия», помощи обездоленным. В частности, Н. Н. Демидов писал врачу О. И. Нехведовичу, что «болезнь меня совершенно обратила на путь истинного сострадания к ближнему, ибо несчастный более расположен к несчастному», сообщал, что «приносит наследникам важные выгоды ростом количества здоровых работников в заводах» ⁴.

Как справедливо отметил А. Р. Соколов, характерной особенностью попечительской деятельности в России является тесная связь реализуемых проектов (иногда лишь воображаемая) с желательными социальными преобразованиями, образом «лучшего бу-

¹ В 1827 г. Санкт-Петербургская контора Демидовых даже признала, что железо нижнетагильских заводов уступает ему «в доброте», но превосходит «в отделке» (см.: РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1160. Л. 52; Ф. 1267. Оп. 3. Д. 576. Л. 105).

² Неклюдов Е. Г. Н. Н. Демидов во главе Управления Нижнетагильскими заводами // Развитие металлургического производства на Урале. – Екатеринбург, 2001. С. 229.

³ Орлов П. А. Целесообразность как принцип «хозяйского попечения» на частных горных заводах Урала во второй половине XIX в. // Благотворительность в России. 2002. – СПб., 2003. С. 146.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 28об., 30об.

дущего». Даже локальные проекты в этой сфере зачастую рассматривались как важный шаг к социальной гармонизации¹.

По нашему мнению, Н. Н. Демидов разработал собственную концепцию обучения и воспитания крепостного населения Нижнетагильского горного округа. Она не была полностью оригинальной, а во многом основывалась на известной теории пансионеров. Последняя в России была систематизирована еще во второй половине XVIII в. известным российским государственным деятелем И. И. Бецким по просьбе «просвещенной императрицы» Екатерины II².

По мнению сторонников пансионного обучения, «корень всему злу и добру – воспитание». Именно следствием, прежде всего, плохого воспитания объяснялись многочисленные общественные проблемы в Российской империи и всей Европе. Поэтому Бецкой предлагал создать принципиально новые учебные заведения, в которых воспитать «новую породу людей», в том числе и недворянского происхождения. Их главной особенностью должна была стать максимальная изоляция от существенно «испорченного» российского общества. Чтобы воспитываемые не видели «людских пороков, неравенства, порабощения человека человеком, деспотии», предполагалось их с 2–5 лет и до 18–21 года помещать в закрытые воспитательные заведения (пансионы)³.

Ведущая роль в пансионах отводилась воспитанию. Как отмечал сам Н. Н. Демидов в письме в Нижнетагильскую заводскую контору: «в будущем восстановить в заводах порядок и благоустройство ...нельзя иначе как воспитанием. Не довольно того, чтобы выучит человека как попугая, ...и чтоб человек не палки боялся, а косога взгляда от начальника». Здесь же признавалось, что «ко-

¹ Соколов А. Р. Указ. соч. С. 5.

² Следует отметить, что сама Екатерина II предписала проводить реформу начальной школы в России по австрийской бессловной модели. Но в империи продолжали создаваться и новые учебные заведения пансионного типа.

³ См.: Ерошкина А. Н. Деятель эпохи просвещенного абсолютизма И. И. Бецкой // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 166–168; Черноухов Э. А. Из истории воспитания в пансионах России (на примере пансионеров Демидовых) // История социальной работы на Урале. – Екатеринбург, 2001. С. 40–46.

нечно, и в воспитании может не все удастся, но, по крайней мере, нравственное воспитание до одного доводит».

Он предложил и свое решение по преодолению «вечной» проблемы противостояния между богатыми и бедными: развитие нравственности. По мнению Н. Н. Демидова, «нравственность – есть первое добро для человека, который если будет богат – будет уметь располагать благоразумно своим имением, а коли обретаться в бедности, снося с терпением недостатки, не будет много огорчаться своей участью; между тем всякий имеющий сей талант может понимать вещи точно в таком виде, как они должны быть»¹.

Следует отметить, что подобные оценки были весьма распространены в то время. Причем обращалось внимание на взаимовлияние образования и воспитания. Так, министр финансов А. И. Васильев в своем докладе императору по Проекту «Горного положения» 1806 г. отмечал: «просвещенный ум без нравственности более еще вреден»². Управляющий Пермским имением Лазаревых Л. И. Ослоповский в 1811 г., обосновывая необходимость большего комплекта учеников в Чермозском училище, писал владельцу, что «образование ума представляет человеку яснее гнусность порока и склоняет его к добродетели, а таковые люди при всех должностях полезны»³.

В Нижнетагильском округе первоначально⁴ требовалось воспитать новое поколение управленцев. Н. Н. Демидов и его наследники продолжали методично создавать четкие внутрисословные «перегородки» среди заводского населения своих обширных уральских владений. Заводовладельцы, давно проживавшие в сто-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 380. Л. 84; Д. 571. Л. 206об.

² Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения // ПСЗ–I. Т. 29. № 22.208. С. 462.

³ Калинина Т. А. Развитие образования на Урале... С. 10.

⁴ Н. Н. Демидов постоянно требовал не расширять служительский штат в округе (наличие образования было ключевым условием для принятия в него). Ведь как метко заметила владелица Ревдинских заводов М. Д. Демидова в письме главному горному начальнику В. А. Глинке от 25 января 1845 г.: «Известно, как тягостно для заводов излишество служителей и как вредны они собственно для себя, – грамотные же крестьяне, к сожалению, до сих пор считают в наказание работу и желают непременно быть служителями» (ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1739. Л. 13–14).

лице или за границей, рассматривали средний и низший административный и технический персонал (служителей или служащих) округа как свою главную опору на далеком Урале.

При этом абсолютное большинство из них оставалось в крепостной зависимости, но четко выделялись среди местного населения. В Положении об управлении Нижнетагильским горным округом 1848 г. даже отмечалось, что служители «должны отделяться от класса рабочих резкой чертой: служить примером доброй нравственности и усердия»¹.

Поэтому им полагался целый ряд привилегий. Только служители в Нижнетагильском округе имели фиксированное окладное жалование, а все остальные работники получали сдельную или поденную плату за конкретную работу. Они были освобождены от рекрутских наборов и телесных наказаний, имели право на пенсию для себя, своих вдов и детей (дочерей – до 17 лет, сыновей – поступления в Выйское училище). Традиционные ежегодные награды заводовладельца выдавались рабочим в ассигнациях, а служителям – серебром. Даже при постройке новых домов, после сильного пожара в Висимо-Шайтанском заводском поселке 30 мая 1842 г., заводоуправление предложило заводовладельцам договориться с вольными людьми о том, чтобы «дома служащих выстроены были вдвое лучше против обыкновенных крестьянских домов»².

Следует отметить, что подобная политика возведения четких внутрисословных различий была типичной и для других частных округов Урала в тот период времени. Иногда она принимала просто анекдотичные формы. Так, в месячных ведомостях по Архангело-Пашийскому заводу Голицыных 1816–1818 гг. своеобразно объяснялись причины венерических заболеваний. У местных мастеровых и крестьян это было следствие «дурного» или «худого поведения», а у служителей они появлялись исключительно... «от невоздержания»³.

Сыновья служителей имели безусловные преимущества в получении образования, необходимого для занятия «служительских»

¹ РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 5. Л. 65об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. 149. Л. 44.

³ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1665.

должностей в Нижнетагильском округе и столичных конторах. Для них и предназначались создаваемые Демидовыми пансионаты: в Нижнетагильском округе – Выйское училище.

В предписании Н. Н. Демидова Нижнетагильской заводской конторе четко определялись цели его создания (1806 г.): «подготовить способных служащих к заводским должностям и, распространив по возможности между жителями самонужнейшие познания в общежитии, укоренить их в правилах святой православной веры и чрез то истребить или ослабить раскол по всем почти заводам хребта Уральского существующий». Обучение здесь для сыновей всех служителей Нижнетагильского округа было обязанностью.

Первоначально верхушка служителей пыталась избежать этой новой привилегии – «повинности». Н. Н. Демидову пришлось несколько раз повторять своим первым приказчикам о необходимости обучать своих сыновей именно в этом заведении. В 1826 г. он писал Нижнетагильской конторе, что те «первыми должны были сделать пример, отдавши своих сыновей в Выйское училище, ибо тогда уже нельзя было бы прочим от этого отговориться, видевши, что дети первых приказчиков там находятся». Он указывал на «предосудительность домашнего воспитания», приводя в пример себя самого: «Я не менее люблю своих детей, как и другие отцы, но не держу при себе ни одного сына, чтобы не избаловались между другими»¹.

В своих инструкциях в Нижнетагильскую заводскую контору Н. Н. Демидов постоянно предписывал отпускать учеников домой только в воскресные и праздничные дни, причем без ночевки и лишь по специальному разрешению наставников. Это притом, что большинство воспитанников училища имели вполне «благополучных» родителей.

Так, Н. Н. Демидов рассчитывал оградить их от «косности и невежества, в домах родительских обретающихся». Здесь, по мнению заводовладельца, они могли «нахвататься бранных слов» и получить прочие нежелательные последствия, нарушающие правильное воспитание. Приведем лишь наиболее яркие нелицеприятные фразы из писем заводовладельца на этот счет: «косность приказчиков о воспитании детей мне давно уже известна», «роди-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 571. Л. 242.

тели по своей слабости сами пьют и детей к сему мерзкому обычаю приучают». Поэтому Н. Н. Демидов подчеркивал преимущества свиданий родителей с воспитанниками только «в школе и при своих начальниках»¹.

Владелец округа был сторонником прикладного характера образования. В его письмах содержатся многочисленные указания на этот счет. Приведем его наиболее колоритные требования, обращенные учителям Выйского училища: излишние предметы обучения только «будут расстраивать их почерк и затруднять напрасно их головы»; «при записи угля, чугуна, руды и прочего сия наука (алгебра) ни к чему не годна, даже первым приказчикам она совсем не кстаети», «историю учить только для того, чтобы они имели некоторого рода о ней понятия»².

Кроме Выйского училища в 1806 г. Н. Н. Демидовым была создана художественная школа для обучения отобранных мальчиков традиционной для округа художественной росписи железных изделий. Ее учителем был определен крепостной воспитанник Академии художеств В. И. Албычев. Затея Н. Н. Демидова с созданием особой лакировальной фабрики в округе не удалась, сама художественная школа была закрыта в 1820 г. Однако живописное искусство тагильских мастеров получило новый импульс к развитию³.

Принципиальное значение Н. Н. Демидов отводил найму квалифицированного персонала. Он, а затем и его наследники, были уверены, что главные учителя и врачи в округе могут реально быть только «из посторонних лиц» (для Нижнетагильских заводов – Э. Ч.), с которыми местная контора должна уживаться⁴.

Найма аттестованных врачей регулярно требовали и горные власти. Утвержденный в 1806 г. проект Горного положения предоставлял заводовладельцам право «самим отыскивать вольных медиков и принимать таковых с аттестатами к себе на службу».

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1072. Л. 1.

² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 127. Л. 2, 126об.; Д. 128. Л. 137.

³ Неклюдов Е. Г. Приезд Н. Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 г. // Тагильский край в панораме веков. – Нижний Тагил, 2001. Вып. 2. С. 207–208.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 571. Л. 126.

С «посторонними» вольными врачами, аптекарями и учителями заключались особые контракты, что выделяло их и из штата служителей, имевших окладное жалование, и мастеровых, в большинстве получавших сдельную плату. Располагавшие значительными средствами заводовладельцы имели возможность обеспечить им достойное материальное содержание и значительный социальный статус: бесплатная «господская» квартира, прислуга, экипаж для выездов.

Однако Демидовы не могли обеспечить «посторонним» специалистам соответствующего отношения местного административного персонала и круг общения на далеком Урале. В то время в заводских поселках региона, где подавляющая масса населения находилась в крепостной зависимости, царили весьма «дикие» нравы, во многом основанные на прямом насилии. Поэтому сам Н. Н. Демидов в письме управляющим Нижнетагильской конторы 1821 г. отмечал, что образованному человеку, «который воспитан в столице, в губернском городе трудно привыкнуть к такому образу жизни»¹.

Следует отметить, что в Нижнетагильском округе существовало и «беспрерывное столкновение» между приезжими людьми и неграмотным «низшим слоем заводских людей»². Проблему адаптации осложняла и ожесточенная борьба служительских кланов с перманентными доносами владельцу друг на друга.

Особенно тяжело приходилось так называемым «заграничным» крепостным воспитанникам, получившим хорошее образование, в том числе и в Европе. Прекрасно зная горестные судьбы многих из них, Н. Н. Демидов неоднократно писал в Нижнетагильскую контору о необходимости бережного отношения к этим специалистам. В одном из своих писем Нижнетагильской заводской конторе в мае 1826 г. он даже резко выразился, что «с давних лет закоренилась привычка заводских приказчиков следовать своей амбиции.. заставило меня сделать сие строгое замечание... Человек не по достоинству его принятый, получивший образование, с досадой потеряет десятками лет приобретаемые познания, пустит-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 380. Л. 84об.

² Это, в частности, отмечали врачи И. П. Ильинский и П. В. Рудановский. См.: Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 82, 89–90; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 17.

ся в непозволительные шалости, наконец, к довершению своего несчастья, займется пьянством... Заводские приказчики послужили сему главной причиной, ибо приняли их как простых служителей и потом сравнивали с уличными квартальными»¹.

О трагической судьбе «заграничных воспитанников» писал и П. В. Рудановский. По его сведениям, «резкие перемены жизни» и враждебный прием своих же «братий» на родине привели к тому, что почти все из них сделались сумасшедшими или пьяницами².

Для иностранцев дополнительные трудности создавали тяжелый климат и незнание языка. В письме в Нижнетагильскую контору от 2 марта 1828 г. Н. Н. Демидов определил установившуюся во Флоренции погоду как тагильскую, но ...в июне месяце³. Он же в письме директору М. Д. Данилову констатировал, что «да и с иностранцами ладить вам очень мудрено».

Таким образом, Н. Н. Демидов ясно осознавал необходимость найма главного учителя и врачей из «посторонних» для заводов людей, получивших соответствующее образование. Располагая значительными средствами, он обеспечивал квалифицированных учителей и врачей достаточно высоким жалованием, материальным обеспечением и социальным статусом. Это служило ключевым условием для переезда квалифицированных педагогов и медиков, в том числе иностранцев, в отдаленный Нижнетагильский горный округ с его тяжелым климатом и весьма «дикими» для этих людей нравами.

Социально-экономическая политика Н. Н. Демидова была нацелена на поддержание социальной стабильности. Этому способствовали и меры экономического стимулирования труда служительского персонала, мастеровых и работных людей – создание премиального фонда, увеличение расценок на те или иные виды работ, выдача денег в долг заводским жителям: на личные нужды, покупку людей для отдачи в рекруты вместо себя, создание системы пенсионного обеспечения заводских служащих. С 1819 г.

¹ Цит. по: Силонова О. Н. Крепостные художники Демидовых. Училище живописи. Художники. XVIII–XIX века. Из истории подготовки специалистов художественных и художественно-ремесленных профессий Демидовых. – Екатеринбург, 2007. С. 248.

² Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 83–84.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 605. Л. 132.

Н. Н. Демидов сделал постоянной выдачу денежных награждений заводским людям в день своего тезоимства. На это ежегодно выделялось до 25 тысяч рублей. Этим он также способствовал формированию «культа» хозяина в округе ¹.

Концепция обучения и воспитания Н. Н. Демидова соответствовала патерналистской модели отношений, утверждавшейся в уральской горнозаводской промышленности. На ее основе в Нижнетагильском округе была создана система заведений социальной инфраструктуры.

В целом, к Нижнетагильскому горнозаводскому округу Демидовых первой половины XIX в. вполне может быть применим вывод И. В. Поткиной, сделанный по отношению к Никольской мануфактуре более позднего периода. Социальная политика является не только одним из важных регуляторов взаимоотношений предпринимателя и рабочего, но и составной частью долговременной предпринимательской стратегии. На определение ее направлений оказали влияние два основных момента: инициатива сверху и снизу. То есть, с одной стороны, государственное законодательное стимулирование некоторых важнейших социальных институтов, с другой – добровольная поддержка силами и средствами частных владельцев своих рабочих ².

Причем, по нашему мнению, для Нижнетагильского горнозаводского округа первой половины XIX в. определяющую роль в большинстве случаев имели инициативы самих владельцев и их управляющих. Следует особо выделить Николая Никитича Демидова, при котором в рамках оформившейся патерналистской доктрины была создана целостная система социальной инфраструктуры, ставшая неотъемлемой частью горнозаводского хозяйства.

В результате Нижнетагильский горный округ при Н. Н. Демидове и его наследниках стал представлять собой не только производственную, но и социально-экономическую единицу, во многом обеспечивавшую жизнедеятельность зависимого от заводов насе-

¹ Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики... С. 97.

² См.: Поткина И. В. От социального патернализма к социальной инфраструктуре предприятия: опыт Никольской мануфактуры. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Экономическая история. Обозрение. – М., 2000. Вып. 4. С. 107.

ления. Ему был присущ принцип максимального самообеспечения, сбалансированность по всем параметрам (и техническим, и социальным), ориентация на удовлетворение материальных и культурных потребностей горнозаводского населения с целью увеличения производительности крепостного труда. Здесь установилась относительная социальная гармония, выразившаяся в отсутствии массового движения крепостных, характерного для предшествующего периода.

2. Медицинские заведения в первой половине XIX в.

2.1. Становление сети

В начале анализа следует сразу указать на отсутствие в исторической науке устоявшейся терминологии по названию стационарных медицинских заведений в рассматриваемый период времени. В сохранившихся источниках они именовались по-разному: госпиталь, больница, лазарет. В качестве синонимов эти названия обычно употребляют и в научной литературе.

Но, по мнению Т. Ю. Шестовой, в частных округах и имениях Урала было принято называть «госпиталем» центральное лечебное заведение, а прочие – больницами¹. Однако большинство заводских исправников, а также и руководителей самих заводских правлений и контор не видели различия между этими заведениями. В их отчетах не прослеживается каких-либо четких критериев различия между ними². К тому же при ревизиях нередко выяснялось, что заведения, определяемые местными управителями как госпиталь или больница, реально оказывались только приемными покоем: в них фактически не предусматривалось стационарное лечение больных. Нам представляется логичным использовать термины госпиталь и больница как синонимы.

Первое указание Никиты Акинфиевича Демидова об организации госпиталя в Нижнетагильском заводском поселке относится к 1758 году. Однако реально он был создан уже в 1760-х гг.³ Каких-либо систематических сведений о его деятельности во второй половине XVIII в. пока не обнаружено⁴.

На рубеже XVIII–XIX вв. прослеживается новая тенденция: в крупных частных округах горнозаводского Урала началось строи-

¹ Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала... С. 72.

² См., например: ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 280, 320; Ф. 643. Оп. 1. Д. 280. Л. 306об.–307.

³ Баташев С. А. К истории медицины на Урале // Хирургия. 1957. № 1. С. 124; Клат С. А. Кадры медиков... С. 19.

⁴ Подобное положение характерно и для других частных горнозаводских хозяйств Урала, формально имевших небольшие госпитали. Видимо, реально это были не более чем приемные покои с минимальным числом мест для стационарного лечения.

тельство капитальных госпиталей со значительным числом кроватей. Первыми этим занялись владельцы обширных имений в Прикамье, расположенных в относительной близости от губернского центра: Голицыны, Строгановы, Лазаревы. В тот период времени в Перми находились государственные органы, руководившие организацией медицинской помощи, имевшие квалифицированных врачей.

В 1787 г., с наймом первого аттестованного врача М. Л. Гамалеи (работавшего здесь по совместительству), Голицыны начали строить госпиталь в центре своего Пермского имения – селе Верхние Муллы. В отчетах указывалось, что он имел 30–40 кроватей¹. Именно Голицыны первыми среди заводовладельцев региона обеспечили все свои уральские заводы медицинскими заведениями. Уже в 1794 г. у них были госпитали при Нытвенском и Архангело-Пашийском заводах². Расходы на содержание двух последних, а также промыслового (на соляных промыслах) в 1805 г. оценивались правлением в 1728 рублей³.

В центре Пермского имения одной из ветвей Строгановых (селе Ильинском) госпиталь был построен к 1795 году. По официальным отчетам, он насчитывал 80 кроватей и предназначался в том числе для работников их металлургических заводов⁴.

Лазаревыми в центре их Пермского имения (поселке Чёрмозского завода) в 1802–1804 гг. было построено каменное здание госпиталя на 60 кроватей (с наймом первого аттестованного врача)⁵. Владельцы вложили в него свыше 15% всех расходов на имение в тот период времени. Главный госпиталь стал показательным, и средства, затрачиваемые на него, обусловили относительно слабую базу других медицинских заведений имения⁶.

Утвержденный в 1806 г. проект Горного положения предписал заводовладельцам содержать медицинские заведения по образцу казенных заводов, определяя их количество от масштабов производства и проживавшего здесь населения. Он обязывал заводить

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 683. Л. 49.

² Там же. 33. Д. 19. Л. 52.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 894. Л. 18–18об.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 54.

⁵ Новокрещенных Н. Н. Указ. соч. С. 107, 109, 114.

⁶ Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала... С. 168.

госпиталь на предприятиях с числом работающих более 200 человек.

Под постоянным давлением горных властей владельцы большинства крупных округов Урала приступили к строительству или переоборудованию госпиталей. Судя по отчетам для берг-инспектора 1807–1809 гг., самые обширные медицинские заведения, кроме вышеназванного Чермозского и Ильинского, были созданы при Пожевском Всеволожских и Златоустовском Кнауфа заводах (по 60 кроватей). Их владельцы не ограничились этим и создали небольшие госпитали и в других своих заводских поселках: Строгановы – Билимбаевском, Добрянском и Очерском; Всеволожские – Александровском; Кнауф – Саткинском, Кусинском, Артинском и Юговском.

Владельцы небольших округов и отдельных заводов или ограничились созданием медицинских заведений в уже имевшихся господских домах (в основном на 5–15 кроватей), или заявили о том, что потребность в них отсутствует. В последнем случае зачастую отмечалось, что население лечится в близлежащих уездных городах ¹.

В тот период явно не соответствовали масштабам производства и патерналистским взглядам владельцев медицинские заведения в Нижнетагильском округе Демидовых и Верх-Исетском Яковлевых. Причем первый из них традиционно считался одним из самых лучших в этой сфере. Так, в 1799 г. указом Берг-коллегии было объявлено «удовольствие» двум заводчикам Н. Демидову (Нижнетагильские заводы) и П. Яковлеву (Невьянские заводы), которые имели госпитали с аттестованными врачами. Остальным частным заводовладельцам только предписывалось их завести ².

Но 31 мая 1807 г. в переписке с берг-инспектором Нижнетагильская заводская контора отметила, что только планирует построить новые госпитали, в том числе каменный в Нижнетагильском поселке, взамен пришедших «в совершенную ветхость» старых. В отчете 1808 г. вновь указывалось, что существующие здания пяти лечебных заведений (при Нижнетагильском, Нижнесалдинском, Висимоуткинском, Выйском и Черноисточенском заво-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19, 32, 166, 238.

² ОПИ ГИМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 464. Л. 150–151.

дах) пришли в совершенную ветхость. Вместо кроватей в них были устроены «полки или нары» для лиц с опасными болезнями (всего на 31 человека), а практически все больные лечились в собственных домах ¹.

А в 1809 г. и сам Н. Н. Демидов высказал идею постройки каменного госпитального комплекса в Нижнетагильском поселке, в котором бы располагались аптека, квартиры врача и лекарских учеников ². Однако реализация всех этих инициатив началась только через десять с лишним лет.

При этом важную роль здесь сыграл и субъективный фактор. Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, Н. Н. Демидов считал своим главным конкурентом на горнозаводском Урале Алексея Ивановича Яковлева, сравнивал успехи в своей патерналистской политике с подобными у этого владельца Верх-Исетского округа.

А в феврале 1822 г. берг-инспектор А. Т. Булгаков через заводских исправников предписал заводчикам брать пример именно с А. И. Яковлева, у которого заканчивалось строительство обширного госпитального комплекса при центральном заводе. Он создавался по проекту известного архитектора М. П. Малахова ³.

Его главный каменный корпус мог вместить до 50 больных. К нему примыкали два каменных флигеля для служебных помещений, которые также можно было в случае необходимости приспособить для приема больных. А. И. Яковлев справедливо гордился тем, что он был одним из первых частных заводчиков Урала, который создал обширный госпитальный комплекс при Верх-Исетском заводе. На его строительство и укомплектование, в основном завершенное к 1824 г., по оценкам местного заводоуправления, была потрачена громадная сумма: более 100 тысяч рублей ⁴.

Берг-инспектор А. Т. Булгаков считал главное здание этого госпиталя «самым красивым в архитектурном отношении и удоб-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 19. Л. 3; Д. 32. Л. 25–25об.

² Неклюдов Е. Г. Приезд Н.Н. Демидова... С. 209.

³ См.: Козинец Л. А. Каменная летопись города. – Свердловск, 1989. С. 77–78.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1189. Л. 3–5; Ф. 72. Оп. 1. Д. 1942. Л. 15об.

ным» среди всех горных заводов Урала ¹. Медицинский инспектор Вульф отмечал, что оно «служило украшением бульвара», соединявшего Екатеринбург с поселком Верх-Исетского завода. Высокая оценка госпитального комплекса была дана и другими известными современниками: императором Александром I (1824 г.) и немецким исследователем А. Гумбольдтом (1835 г.) ². Этот комплекс зданий до сих пор используется как медицинское учреждение ³.

Поощрительные оценки давнего соперника А. И. Яковлева на таком высоком уровне, а также правительственное указание строить капитальные госпитали по утвержденным планам, обширное каменное строительство в соседнем Невьянском округе (прежнем центре демидовских владений в регионе) ⁴ побудили крупнейшего заводовладельца Урала Н. Н. Демидова создать свое образцово-показательное медицинское заведение ⁵. Обширный Нижнетагильский госпитальный комплекс ⁶ был построен в 1826–1828 гг. по проекту его крепостного архитектора А. П. Чеботарева.

Он стал самым крупным среди всех частных горнозаводских медицинских заведений Урала: включал центральный двухэтажный корпус и четыре обширных флигеля, где размещались главная аптека, лаборатория, квартиры врача и лекарских учеников. Здесь было 17 палат, в которых можно было разместить до 130 кроватей. Это позволяло принимать для стационарного лечения не только

¹ С ним согласны и современные историки архитектуры. См.: Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. – Екатеринбург, 1993. С. 77–78.

² См.: Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев. – Екатеринбург, 2000. С. 138; Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.). – Екатеринбург, 2001. С. 68; ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1189. Л. 5; Ф. 72. Оп. 1. Д. 1942. Л. 11.

³ В нем располагается одно из подразделений 2-й городской больницы Екатеринбурга. Но здание уже во многом утратило свой первоначальный облик.

⁴ Здесь был построен и каменный двухэтажный госпиталь.

⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 161об.; Д. 605. Л. 46об.

⁶ Его прототипом стало здание Мариинской больницы Санкт-Петербурга, построенное по проекту известного итальянского архитектора Кваренги.

мужчин, но также женщин и детей (весьма редкое явление для частных округов региона того времени), изолировать больных с различными заболеваниями¹. Этот комплекс также до сих пор используется для медицинских целей.

После обустройства Главного госпиталя в Нижнетагильском поселке началось создание заведений, предназначенных для стационарного лечения, и при других заводах округа. Как уже отмечалось, до этого здесь реально имелись только приемные покои. В 1827–1829 гг. был построен Нижнесалдинский госпиталь на 24 кровати², в 1830-х гг. – больницы при Висимоуткинском и Верхнесалдинском, в 1840-х гг. – Черноисточенском, Лайском и Висимошайтанском заводах³.

Всего к 1845 г. в Нижнетагильском округе было 7 госпиталей: 3 каменных на 140 кроватей и 4 деревянных на 142 кровати⁴. Такой обширной сети в тот период времени не имел ни один другой частный горный округ Урала. Госпиталь имелся практически при его каждом заводском поселке (учитывая, что часть из них находилась в непосредственной близости друг от друга).

В конце 1850-х гг. в Нижнетагильском округе четко обозначилась тенденция экономии на социальной инфраструктуре. Она затронула и медицинскую часть.

Так и не был реализован в полном объеме проект создания специального родильного дома, появившийся в 1857 году. Вместо первоначально предполагавшегося отдельного заведения в 1858 г. было создано лишь родильное отделение при Авроринской богадельне с существенно урезанным штатом. Нижнесалдинский госпиталь на 24 человека в 1860 г. уже не соответствовал своему

¹ См.: Клат С. А. Из истории строительства заводского госпиталя в Нижнем Тагиле // Вторые Худояровские чтения. Доклады и сообщения. – Нижний Тагил, 2005. С. 123–128.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 18; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 333–334.

³ Клат С. А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле. – Екатеринбург, 2003. С. 17; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 412. Л. 79; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. Л. 333–334; ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 141. Л. 8–9.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 891. Л. 24. Вскоре количество кроватей несколько сократилось.

предназначению по вместительности, а Висимошайтанский в 1859 г. сгорел и не был восстановлен ¹.

По заданию заводовладельцев главный врач Нижнетагильского госпиталя П. В. Рудановский составил новый проект штата медицинской части округа, утвержденный в мае 1860 года. Он предусматривал существенную «экономия» в этой сфере. Количество кроватей в госпиталях округа вновь сократилось: с имевшихся 221 до 186 ². Было разрешено взимать и ранее отмененную плату за медикаменты, отпускаемые вольным людям ³.

В целом, в конце 1850-х гг. Нижнетагильский горный округ в медицинском отношении был разделен на три части: тагильскую, салдинскую и зауральскую. Ими руководили три квалифицированных врача, имевших высшее образование. В них работало до 50 человек среднего и младшего персонала, подразделявшихся на разряды: аптекарь, лекарские и аптекарские ученики, комиссары госпиталей, костоправ и повивальные бабки. Состав и квалификация медицинского персонала округа будут проанализированы во втором и третьем параграфах.

2.2. Аттестованные врачи

Как уже отмечалось, Н. Н. Демидов, а затем и его наследники были уверены, что главные врачи могут реально быть только «из посторонних лиц» (для Нижнетагильских заводов – Э. Ч.), с которыми местная контора должна уживаться. Найма именно аттестованных врачей, получивших образование в специализированных заведениях или сдавших в них соответствующие экзамены, постоянно требовали и горные власти.

Ведь квалификация местного младшего среднего и медицинского персонала, о котором пойдет речь в следующем параграфе, не вызвала особого доверия у Н. Н. Демидова. Так, в 1797 г. он предписал Нижнетагильской конторе вызвать врача для заболевшего слугителя из соседнего казенного округа (Екатеринбургско-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1295. Л. 4–9, 20–36, 53–54; Д. 1455. Л. 190–191.

² Мозель Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 647; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 320.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1327; Д. 1396. Л. 14–15; Д. 1455. Л. 12, 14.

го или Гороблагодатского), так как «не надеялся на его излечение лекарскими учениками»¹.

Первыми тремя аттестованными врачами в Нижнетагильском округе стали иностранцы. В тот период времени, в условиях острой нехватки отечественных медиков, они широко привлекались для службы в России. Часть из них отправилась работать и на далекий Урал. Так, и в Пермском имении Лазаревых первые три врача (в 1798–1827 гг.) также были иностранцами².

15 июля 1798 г. Санкт-Петербургская контора Демидовых заключила контракт с вольнопрактикующим врачом – немцем Иоганном фон Машке. К тому времени он уже получил в России звание штаб-лекаря. В Тагиле Машке традиционно «переиначили» на русский манер в Ивана Федоровича.

В контракте не оговаривался конкретный срок его службы в Нижнетагильском округе. В обязанности врача входило руководство тремя больницами округа³, аптеками, лечение больных и на дому, обучение местных лекарственных учеников. Ему предписывалось завести ботанический сад для выращивания лекарственных растений и организовать их сбор в окрестных лесах, в том числе для того, чтобы «в употреблении медикаментов иметь всевозможную умеренность», т.е. Машке должен был совмещать обязанности врача, педагога и в определенной мере заведующего по хозяйственной части.

К контракту прилагалась инструкция, утвержденная Н. Н. Демидовым. Заводовладелец предписывал Машке все основные вопросы решать с Нижнетагильской конторой, а к нему обращаться только в крайних случаях.

Машке был установлен годовой оклад в 900 рублей ассигнациями. Следует отметить, что он значительно превышал жалование врачей, находящихся на государственной службе. В тот период времени уездные врачи Пермской губернии получали 300 руб-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 295. Л. 43.

² См.: Черноухов Э. А. Медицинские заведения Пермского имения Лазаревых в первой половине XIX века // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 90–91.

³ Как отмечалось в предыдущем параграфе, их фактически еще только предстояло создать.

лей, казенных заводов – 360 с квартирой, полковые – 250–400 и провиант ¹.

В контракте Машке обстоятельно прописывались и дополнительные условия: бесплатная квартира, не менее чем из трех комнат с кухней, погребом и надворными постройками, дрова, свечи, сено и овес для трех лошадей, экипаж, человек для услуг, оплата проезда до заводов и обратно ². Эти «натуральные надбавки» будут также основательно регламентироваться в последующих соглашениях с «посторонними» врачами.

Сохранились три коротких письма Машке Н. Н. Демидову 1799 года. Он просил доплатить ему за проезд на заводы из-за осенней распутицы (еще 400 к выделенным 133 рублям 86 копейкам), дать согласие на брак его слуги с местной крепостной девушкой (последнее было получено) ³. Врач начал обучать нескольких местных крепостных лекарских учеников, самым известным из которых стал Константин Сеницын ⁴. Машке прослужил в Нижнетагильском округе до апреля 1807 г., оставив должность «по слабости здоровья» ⁵.

3 июня 1808 г. в Вене был заключен трехлетний контракт с новым иностранным врачом (австрийским подданным) – Винцентом Бейтелем (в России ему добавили отчество – Егорович). Ему было назначено годовое жалование в 350 голландских червонцев (с переводом по существующему курсу ⁶), натуральные надбавки и доплаты, как у Машке, к которым была добавлена бутылка ординарного вина ежедневно ⁷.

Недолгое пребывание Бейтеля в Нижнетагильском округе (с 3 сентября 1808 г.) сопровождалось постоянными конфликтами. Его

¹ ГАПК. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 254.

² Клат С. А. Демидовы и медицина... С. 106; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 75. Л. 1–5об.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 95. Л. 1–3.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1380. Л. 4; Ф. 643. Оп. 1. Д. 348. Л. 181; Д. 359. Л. 62, 217.

⁵ Грасмик Г. У истоков милосердия // Тагильский рабочий. 1972. 15 сентября. С. 3.

⁶ Один голландский червонец в тот период времени обычно обменивался на три рубля серебром.

⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1094. Л. 1, 5, 39–39об.

участники регулярно жаловались самому Н. Н. Демидову через Санкт-Петербургскую контору.

Бейтель сообщал о постоянных задержках средств на покупку самых необходимых медикаментов со стороны Нижнетагильской конторы и лично директора М. Д. Данилова, отсутствии питания в заводском госпитале, невыполнении некоторых условий контракта. Он жаловался и на вскрытие его писем заводовладельцу и даже подделку ответов последнего ¹.

В свою очередь, Данилов также регулярно выражал свое недовольство новым врачом. Он жаловался заводовладельцу на его «скупость»: зависил свои расходы на проезд в округ, отказывался получать жалование в ассигнациях (при существовавшей дороговизне курса червонца), тайно требовал с больных денег за лечение. Данилов обвинял врача в пренебрежительном отношении к местным служителям и незнании им костоправного дела, из-за чего приходилось посылать за помощью на соседние заводы.

К тому же Бейтель, хотя и имел свидетельства от четырех европейских факультетов, почему-то не получил соответствующего аттестата в самой России. Поэтому, по требованию Пермской врачебной управы, ему пришлось в конце 1808 г. возвращаться в Москву для сдачи экзамена в Медико-хирургической академии. Существенные расходы на эту непредвиденную поездку (838 рублей) вызвали новые жалобы Данилова ².

Особо возмутили («что всего обидно для здешних мест», как писал Н. Н. Демидов) «доносы» Бейтеля о невыполнении условий контракта в Уральское горное правление, посланные через заводского исправника. Самому врачу предъявили обвинение в воровстве. Бейтель потребовал от Демидова извинений за нанесенное оскорбление и расчета. Не получив требуемой суммы в Нижнетагильском поселке, он 15 января 1810 г. поехал добиваться выполнения условий контракта в его Санкт-Петербургскую контору.

На основе «доносов» Бейтеля в Нижнетагильском горнозаводском округе неделю велось следствие. 28 июля 1810 г. Верхотур-

¹ Причем Санкт-Петербургская контора и в дальнейшем сама определяла, какие из писем врачей и учителей отправлять Н. Н. Демидову за границу. Сам заводовладелец не возражал против подобной практики (см.: ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 127. Л. 2; Д. 128. Л. 107об.).

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 409. Л. 211–212об.

ский суд вынес решение о полной невиновности местной конторы и даже был готов оштрафовать Бейтеля за ложный донос на 25 рублей (что не удалось сделать за незнанием его местонахождения)¹.

После этого найти нового аттестованного врача для Нижнетагильского округа долго не удавалось. Медицинским делом здесь заведовал местный лекарский ученик Константин Синицын, обучавшийся медицине в Москве и за границей (Англии и Франции), но, как крепостной, не получивший соответствующих свидетельств.

Весной и летом 1817 г. в Нижнетагильском округе свирепствовала «гнилая горячка», вызвавшая необходимость командирования сюда врача Гороблагодатских заводов Смирнова, а затем Екатеринбургских – И. Ф. Варвинского. Уральское горное правление, получив жалобы горных начальников этих казенных округов на отвлечение крайне необходимых им самим медиков, в очередной раз потребовало от Н. Н. Демидова срочно нанять аттестованного врача².

В июне 1817 г. в Париже удалось заключить контракт с новым иностранным врачом – французом Бордые (в другой транскрипции – Бердые), которого в России стали называть Александром. Он предусматривал жалование в две тысячи рублей ассигнациями в год, «стол и квартиру» за счет заводовладельца³, экипаж для выезда и одного человека в услужение. В пользу Бордые было его пребывание в России в плену, где он немного выучил русский язык и «привык к русским морозам»⁴.

Новому иностранному врачу также не удалось поладить с местным руководством. Н. Н. Демидов в письмах М. Д. Демидову

¹ Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 70–71; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1204; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 412. Л. 60об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 753. Л. 8–8об., 20; Ф. 643. Оп. 1. Д. 484. Л. 7об.

³ Учитывая вышеназванные проблемы с Бейтелем, с оговоркой, что вина не более полбутылки в день.

⁴ Клат С. А. Очерк истории медицинской службы в Нижнем Тагиле в XVIII и первой половине XIX в. Машинопись // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Ф. 45. Б.н. Л. 23; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 4; Оп. 16. Д. 100. Л. 1–4об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 484. Л. 92об., 110.

даже указывал «не гневаться на него за присылку Бордые», отмечая, что «лекарь нужен для человечества». Проблемы были уже традиционными: плохое владение русским языком и, соответственно, необходимость постоянного нахождения при нем К. Синицына, жалобы врача на невыполнение некоторых условий контракта, в частности, недостаток «столового содержания». Бордые прослужил в Нижнетагильском округе менее двух лет: с конца лета 1817 до весны 1819 г.¹

В конце 1820 г. Н. Н. Демидов отмечал, что, несмотря на постоянный приток иностранных медиков в Россию, уже полтора года не удастся нанять аттестованного врача в Нижнетагильский округ. Причем он стал склоняться к поиску отечественного специалиста, так как с иностранными медиками, по его мнению, местной конторе «очень мудрено ладить»².

Первым отечественным аттестованным врачом в Нижнетагильском округе стал Онуфрий³ Игнатьевич Нехведович (1789–1842). В 1811 г. он окончил медицинский факультет Виленского университета и, отработав определенный законодательством срок в Гороблагодатском казенном округе, определился к Демидовым на значительно более выгодную в материальном плане службу вольнопрактикующим врачом.

С 24 декабря 1820 г. Нехведович успешно служил в Нижнетагильском округе до своей смерти, несколько раз продлевая контракт на новый срок. Ему удавалось успешно уживаться с местными приказчиками с их «грубой закоснелостью» (оценка самого Н. Н. Демидова). Заводовладелец в письмах местной конторе и самому врачу постоянно выражал благодарность за его работу («мне было бы приятно, коли все бы меня понимали, как Вы»).

Службой Нехведовича был доволен и следующий хозяин Нижнетагильского округа – Павел Николаевич Демидов. Но он уже не уделял такого пристального внимания развитию медицины в Нижнетагильском округе. В его коротких письмах Нехведовичу содержатся только дежурные фразы благодарности за службу. Тот, в свою очередь, увидев другое отношение, в своих донесениях не-

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 283; Д. 315. Л. 3, 20, 48об, 53.

² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 127. Л. 10, 38; Ф. 643. Оп. 1. Д. 605. Л. 132.

³ Сам Нехведович и П.Н. Демидов писали имя с буквы О – Онуфрий, а Н. Н. Демидов с А – Ануфрий.

вому заводовладельцу ограничивался славословиями об обширном меценатстве П. Н. Демидова ¹.

Нехведович получал денежное жалование в 2500 рублей ассигнациями, пользовался бесплатными услугами: господской квартирой с прислугой, отоплением и освещением, экипажем. Кроме того, он при традиционных ежегодных награждениях регулярно получал по 400–500 рублей, выписывал за счет заводовладельца необходимые медицинские журналы. На него была распространена и практика выдачи провианта.

Для сравнения отметим, что приказчики Нижнетагильского округа в начале 1830-х гг. получали жалование в 800–1000, а служители среднего звена – 400–800 рублей ² (при этом они имели и «многие другие доходы», добываемые несправедливыми путями). Врач Капгер, по совместительству обслуживавший только Санкт-Петербургскую контору Демидовых, в 1827 г. просил заводовладельца повысить жалование с 700 до 1000 рублей ³.

В 1824 г. Нехведович женился на дочери местного заводского исправника Платонова, получил богатый подарок от Н. Н. Демидова. После смерти врача заводовладельцы назначили его вдове пенсию в 500 рублей ежегодно, а одному из сыновей – пособие для обучения в Горном институте ⁴.

Именно Нехведовичу удалось добиться несомненных успехов в решении ряда застарелых медицинских проблем в Нижнетагильском округе. При его активном содействии воспитательный дом, через 20 лет после создания, был переведен в более приспособленное помещение, увеличен его персонал, организована передача незаконнорожденных младенцев местным жителям ⁵.

Нехведовичу удалось наладить оспопрививание среди части местного населения во многом благодаря утвержденным Н. Н. Демидовым денежным наградам для согласившихся родителей. Под контролем этого врача старший лекарский ученик И. А. Шамарин,

¹ См.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 226. Л. 1–6об.

² Историко-статистический очерк Нижнетагильских заводов 1836 г. Д. П. Шорина // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Ф. 10. Оп. 10. Д. 19. Л. 19об.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 576. Л. 172об.

⁴ См.: Черноухов Э. А. Аттестованные врачи... С. 101.

⁵ См.: Черноухов Э. А. Благотворительные заведения... С. 124–125.

обучавшийся медицине во Франции, организовал подготовку специально набранных повивальных бабок акушерскому делу ¹.

При непосредственном участии Нехведовича был построен прекрасный госпитальный комплекс в Нижнетагильском заводском поселке, а приемные покои в Нижнесалдинском и Висимовском заводах преобразованы в полноценные больницы. Он убедил Н. Н. Демидова не заниматься разведением ботанического сада, а покупать необходимые травы. Это обходилось дешевле из-за суровости местного климата ².

Между тем Уральское горное правление регулярно требовало от заводоладельцев найма для Нижнетагильских заводов двух аттестованных врачей. Это объяснялось обширностью Нижнетагильского округа и увеличением местного населения. Необходимость иметь здесь двух квалифицированных врачей еще в 1826 г. отмечал и сам Н. Н. Демидов. Он писал, что когда один из них может отсутствовать, то второй экстренно сделает «рискованную» операцию. Ведь свой (т.е. крепостной) медик не решится на ее проведение, так как, не имея соответствующего документа об образовании, он в случае неудачи по закону будет подвергнут строгому наказанию ³.

Однако в тот период нанять второго аттестованного лекаря не удалось. К тому же Н. Н. Демидов решил сэкономить, отправив в Нижнетагильский округ Ивана Шамарина, почти 10 лет обучавшегося медицине в Европе. Крепостной воспитанник, не имевший аттестата врача, в 1827 г. был определен в поселок Нижнесалдинского завода, откуда был возвращен в Нижнетагильский госпиталь П. Н. Демидовым ⁴.

В 1831–1837 гг. вторым аттестованным врачом в Нижнетагильском округе служил штаб-лекарь Иван Ковалевский. Этот казеннокоштный воспитанник Медико-хирургической академии перешел сюда с Богословских заводов, где отработал положенный по закону срок ⁵. Он заведовал медицинским делом в Нижнесалдин-

¹ Это подробно проанализировано в следующем параграфе.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 382, 383.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 571. Л. 97об.–98.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 16, 18. Его биография и деятельность будут подробно освещены в следующем параграфе.

⁵ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294. Л. 33.

ской части округа. Ковалевский перешел на службу в Невьянский завод «по неуживчивости характера»¹.

Эта оценка Нижнетагильской конторы, видимо, не лишена оснований. Сам Ковалевский определял себя, как человека «с безалаберным образом жизни, холерическим темпераментом, вспыльчивым и решительным характером»² (об этом свидетельствует все цитируемое здесь его письмо А. А. Миславскому). Будучи уже городовым врачом в Екатеринбурге, он наотрез отказывался от осмотра венерических больных, заявляя, что «лечить всякую сволочь... не только невозможно, но и не должно»³.

В 1836 г. в Нижнетагильском округе появился и третий врач – 28-летний Степан Федорович Шмонин, вольноотпущенник Демидовых, обученный ими в Дрездене, а затем Казанском университете. В 1843 г. он временно остался единственным аттестованным медиком в округе, поэтому ему было определено повышенное жалование в тысячу рублей серебром (3,5 тысячи ассигнациями по существовавшему в тот период курсу), но без «пособий людьми и вещами»⁴. В 1844 г. он был по собственному желанию переведен в Невьянские заводы⁵.

В октябре 1843 – декабре 1849 гг. врачом Нижнетагильского округа служил медико-хирург⁶ Иван Дмитриевич Борков (Барков). Он оставил службу «по домашним обстоятельствам». Главноуполномоченный А. И. Кожуховский выразил сожаление в связи с «отличной работой» этого медика⁷.

Вторым аттестованным врачом с ноября 1844 г. стал медико-хирург Иван Михайлович Забиякин, переведенный с Богословских заводов. Он покинул округ в 1847 г., перебравшись служить в

¹ Клат С. А. Очерк истории... Л. 24; ГАСО. Ф. 24. Оп. 29. Д. Л. 515об.–516; Ф. 643. Оп. 1. Д. 749. Л. 57об.; Д. 816. Л. 13об.

² ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294. Л. 22об.

³ Цит по: Старков В. И. Указ. соч. С. 127.

⁴ Клат С. А. Кадры медиков... С. 22; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 2071. Л. 9; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 816. Л. 13об., 115–117; Оп. 2. Д. 149. Л. 154.

⁵ РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534.

⁶ Медико-хирург – звание, существовавшее только в России. Его получал врач, сделавший не менее трех сложных операций в присутствии высшего медицинского начальства и подробно их описавший.

⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 830. Л. 35–36; Д. 975. Л. 10–12.

Пермское имение Лазаревых, где получил более высокое годовое жалование: 4 тысячи рублей ассигнациями против 3500 в Тагиле ¹.

В конце 1849 г. Нижнетагильский округ вновь остался без аттестованного врача. Его временно замещал получивший вольную старший лекарский ученик Ф. С. Молоков. Делами по судебно-медицинской части занимался командированный с Гороблагодатских казенных заводов врач Романов ².

Уральское горное правление, естественно, было недовольно таким положением в крупнейшем частном округе региона. Еще в 1839 г. его медицинский инспектор по частным заводам М. Г. Вульф добился издания сенатского указа, дающего право принудительного командирования врачей на те заводы, где не выполнялись требования горного законодательства ³.

На его основе в апреле 1850 г. Уральское горное правление направило в Нижнетагильский округ 49-летнего штаб-лекаря Ивана Петровича Ильинского. Этот врач, происходивший из духовного сословия, получил образование казенным «коштом» в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. После 10-летней отработки в военных госпиталях он уже 16 лет служил на Урале – старшим врачом на Екатеринбургских казенных заводах, а также в Кыштымском округе Расторгуевых. Его переезд в Нижнетагильский округ был вызван материальными соображениями: семья имела 6 детей от 7 до 19 лет ⁴.

Местное заводууправление, недовольное подобной практикой, первоначально отказывалось подписывать контракт с Ильинским. Оно заявляло о самостоятельном найме врача в Санкт-Петербурге. Однако тот так и не прибыл в округ. По заключенному контракту Ильинский, как и Борков, стал получать 1400 рублей серебром в год, готовую господскую квартиру и провиант ⁵.

В июле 1853 г. Ильинский подал обширную записку об улучшении медицинского дела в Нижнетагильском округе. Главное внимание было уделено необходимости изменения подготовки

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1279. Л. 22; РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 534. Л. 7–10об.; ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 936. Л. 31.

² См.: Черноухов Э. А. Аттестованные врачи... С. 101.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 244. Л. 34–35, 52–52об.

⁴ Там же. Д. 322. Л. 1–7.

⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 975. 16–17, 26–27, 44, 61.

большинства лекарственных и аптекарских учеников. По мнению врача, они ничего не читали, получили только «наглядную подготовку» в местных госпиталях и реально служили не более чем «знающей прислугой»¹.

В 1855 г. Ильинский подготовил «Медико-топографическое описание Нижнетагильских заводов», в котором колоритно описал нравы местного населения, в том числе широко распространившиеся здесь пороки: пьянство, курение табака, разврат². 3 октября 1860 г. он подал в заводоуправление специальную докладную записку о необходимости борьбы с пьянством, где отметил, что управители заводов напрасно считают медицинскую часть «отдельной от заводской администрации»³.

Вторым квалифицированным врачом в округе вскоре стал коллежский ассessor Феликс Игнатьевич (Фелициан Людвик) Соколовский. По условиям контракта он должен был получать 1500 рублей серебром в год, готовую квартиру с прислугой (повар и кучер), экипаж для служебных поездок.

В 1854 г. 35-летний Соколовский обратил внимание заводовладельцев на плохое качество воды в Тагильском пруду. Он объяснил это заселенностью его берегов (с их усадеб сюда сливались все нечистоты), постоем лошадей прямо на льду в зимнее время и многочисленными навозными кучами, халатно сваливаемыми местным населением. Причем заводовладельцы даже согласились выделить средства на подведение к Нижнетагильскому поселку чистой воды по чугунным трубам из ближайших водоемов или очищение пруда по примеру многих городов Западной Европы. Однако управляющий П. Н. Шиленков убедил Демидовых, что эти меры «сопряжены с большими трудностями и издержками, совершенно бесполезными», так как все донесения о плохом качестве воды – «домыслы» постороннего врача⁴.

В 1856 г. Соколовский предложил Нижнетагильскому заводоуправлению отправлять всех больных в госпитали, а не лечить большую часть из них на дому. Последнее высказалось против отмены традиционной практики, объяснив это господствующими

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 830. Л. 47–53об.

² Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578.

³ Этот сюжет будет подробно рассмотрен в следующем параграфе.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1669. Л. 59–67.

среди населения, особенно среди старообрядцев, предрассудками и недостатком мест ¹.

Третьим аттестованным врачом в Нижнетагильском округе стал 38-летний надворный советник Федор Федорович Келлер, до этого служивший во Втором военно-сухопутном госпитале Санкт-Петербурга. Условия его пятилетнего контракта, заключенного в июле 1857 г., были идентичными с тем, который заключил Соколовский. Однако уже в ноябре 1858 г. Келлер покинул Нижнетагильский округ, сославшись на «расстроенное здоровье» ².

В конце 1857 г. эти три врача, имевшие 6–8 гражданский чин по «Табелю о рангах», заведовали медицинскими учреждениями в «своей» группе заводов и деревень (тагильской, салдинской и зауральской ³). Они получали одинаковое годовое жалование: 5250 рублей ассигнациями (1500 серебром) ⁴.

22 июля 1859 г. контракт на должность старшего врача Нижнетагильского округа заключил Петр Васильевич Рудановский (1829–1888). Его почти тридцатилетняя многогранная медицинская деятельность в Нижнетагильском округе будет освещена в заключительной главе.

Таким образом, в первой половине XIX в. «нижнетагильские» Демидовы ясно осознавали необходимость найма аттестованных врачей из «посторонних» для заводов лиц, получивших соответствующее образование. В заключенных контрактах они определяли им достаточно высокое жалование и натуральные надбавки (бесплатная квартира с отоплением и освещением, прислуга, экипаж для выездов). Это способствовало приезду аттестованных врачей, в том числе иностранцев, в отдаленный Нижнетагильский горный округ с его суровым климатом, весьма «дикими» для этих людей нравами и «лишением жизненных удовольствий» (определение Нехведовича ⁵).

В рассматриваемый шестидесятилетний период (1798–1858) здесь служили одиннадцать аттестованных врачей (см. прил. 1).

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1234. Л. 100–105об.

² Там же. Д. 1297. Л. 12–13, 21, 37–39.

³ В зауральскую группу входили Висимоуткинский, Висимошайтанский, Черноисточенский и Лайские заводы.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1321. Л. 64–72.

⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. Л. 4об.

Часть из них так и не смогла «прижиться» и быстро покинула заводы (Бейтель, Бордье, Келлер). Другие (Машке, Нехведович, Борков, Ильинский) прослужили значительный период времени.

Причины определенной нестабильности службы аттестованных врачей (не отработали определенный в контрактах срок), а периодически и их отсутствия, в Нижнетагильском горном округе в первой половине XIX века достаточно разнообразны. Кроме вышеназванных отметим, что руководители местной конторы (заводоуправления) зачастую не оказывали им должного уважения. Это болезненно воспринималось людьми, имевшими более высокий социальный статус и образование.

Для большей части первой половины XIX в. было типично серьезное противостояние между Нижнетагильской конторой (заводоуправлением) и «посторонними» врачами. Перманентность конфликта привела к тому, что медицинская служба в округе была передана в ведение главного врача.

Однако это лишь несколько сгладило противостояние. В качестве примера вновь приведем явно предвзятую оценку П. Н. Шиленкова об отсутствии в округе «достойного врача». В письме заводовладельцам от 5 июля 1855 г. он сообщал, что «наши врачи (Ильинский и Соколовский – Э. Ч.) исполняют здесь одни официальные обязанности, ...но не умеют поселить к себе ни доверенности, ни расположения заводских жителей»¹.

Далее Шиленков повторил крайне сомнительное мнение (ранее уже высказываемое и другими управляющими) о возможности местных старших лекарских учеников вести почти всю медицинскую практику, а в исключительных случаях – пользоваться прикомандированными врачами из соседнего Гороблагодатского казенного округа. Реально причиной недовольства управляющего стала их чрезмерная инициатива, вмешательство «не в свои дела». А это всегда крайне болезненно воспринималось местной Верхушкой служителей, да и традиционно не приветствовалось самими заводовладельцами².

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1669. Л. Л. 61–61об.

² Ярким примером стал разбираемый в следующей главе острейший конфликт с «посторонним» учителем Е. М. Мосцепановым.

Через 8 лет Рудановский констатировал постепенное изживание в Нижнетагильском заводе так называемого фельдшеризма (самостоятельной врачебной практики фельдшеров или лекарственных учеников), как неизбежного зла. Он отметил, что «свободу действий» местных лекарственных учеников, знания и навыки большинства которых были оценены им весьма скептически, поощряла «партия» местных служителей. Именно они зачастую внедряли в народное сознание мнение о правительственных врачах, как людях, назначаемых для «потрошения трупов»¹, свидетельства женщин» и т.п.²

Материальное положение врачей в Нижнетагильском округе вовсе не было безоблачным. С одной стороны, в тот период времени стабильно повышаемое жалование врача в частном округе, как минимум, вдвое превышало оклад врача на казенных заводах региона. К тому же в Нижнетагильском округе они имели существенные добавочные натуральные надбавки, регулярно получали денежные награды.

Но, с другой стороны, это длительное время оборачивалось социальной незащищенностью их семей. По указу от 13 июня 1836 г. врачам при определении государственной пенсии не засчитывался в стаж период их службы в частных заведениях, в том числе на заводах³. Вскоре это положение было несколько смягчено. Сохраняли право на пенсию врачи, работавшие на частных горных заводах, где работали «казенные люди».

Следует отметить, что в первой половине XIX в. серьезные проблемы с наймом и частой сменяемостью аттестованных врачей были типичны для большинства частных горнозаводских хозяйств Урала. При этом Нижнетагильский округ был одним из самых благополучных в этом плане.

¹ Судебно-медицинские вскрытия, проводившиеся аттестованными врачами, традиционно негативно оценивались уральским населением, особенно если умерший человек успевал исповедоваться. Нередко о греховности этой практики заявляло и местное духовенство.

² См.: Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 89–91.

³ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2220. Л. 42–42об.

2.3. Средний и младший медицинский персонал

Расширение сети медицинских заведений в Нижнетагильском горнозаводском округе в первой половине XIX в. закономерно поставило и проблему подготовки кадров среднего и младшего звена. Если в начале столетия здесь было только четыре небольших приемных покоя, при которых имелось несколько лекарских учеников, то в конце 1850-х гг. действовало уже семь госпиталей с аптеками, где, кроме трех квалифицированных врачей, работало до 50 человек среднего и младшего медицинского персонала¹.

Абсолютное большинство среднего и младшего медицинского персонала традиционно подготавливалось из числа местных крепостных жителей округа, преимущественно из служителей. Кандидаты в медицинский «штат» обычно отбирались из воспитанников Выйского училища. При этом в служительской среде Нижнетагильского округа традиционно считалось более престижным распределение на административные и технические должности.

В медицинский штат обычно определяли воспитанников Выйского училища, не сумевших завершить обучение «с аттестатами». В результате они практически не имели перспектив для занятия более выгодных в материальном плане служительских должностей. Так, в 1856 г. Нижнетагильское заводууправление констатировало, что оно отправляет врачам для обучения тех воспитанников Выйского училища, которые «не могут приобрести здесь сколько-нибудь достаточного образования, а скорее, упадают морально и теряют добрую нравственность»².

Подобное положение в тот период времени было характерным и для других частных горнозаводских округов Урала. Так, известный служитель Строгановых А. Е. Теплоухов в середине XIX в. специально занимался вопросом о «рейтинге» должностей в этой категории. По его оценкам, молодые образованные люди стремились занять «письменные» должности и избегали технических, особенно связанных с определенным физическим трудом. Наиболее привлекательной была должность сельского приказчика, который «получает разные пособия со стороны, почти безгрешные,

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1321. Л. 64–72.

² См.: Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 141; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 816. Л. 96об.; Д. 1194. Л. 7; Д. 1327. Л. 169–176.

...которые в сочетании с приятностью жизни начальника, причиною, что все служители, до бухгалтера, к ней стремятся»¹.

Н. Н. Демидов в 1825 г. прямо писал обученному за границей старшему лекарскому ученику К. Синицыну: «У тебя должность преважная, но денежно невыгодная». И это при том, что тот по его личному распоряжению получал повышенное жалование на уровне приказчиков среднего звена. Но он был, как обтекаемо выразился заводовладелец, «лишен многих других доходов»².

Медицинские должности среднего и низшего звена традиционно не пользовались уважением в служительской среде. Ведь их обладатели имели незначительное жалование, были связаны с определенным физическим трудом, а главное – они предоставляли мало возможностей для извлечения так называемых «дополнительных» доходов, извлекаемых местными служителями различными несправедливыми путями³. Они считались более привлекательными только по сравнению со службой в различных механических заведениях по слесарной, столярной и т.п. частям⁴. Это закономерно создавало многочисленные проблемы «качества» этой категории служительского штата Нижнетагильского округа, что будет рассмотрено ниже.

Первые специально обученные лекарские ученики появились в Нижнетагильском поселке еще в 1767 году. По распоряжению Н. А. Демидова они прошли двухлетнее практическое обучение

¹ Цит. по: Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления уральскими горнозаводскими имениями в конце XVIII – первой половине XIX в. (на примере пермских вотчин Строгановых). – Пермь, 2004. С. 158.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 456. Л. 19–19об.

³ Следует учитывать, что в России первой половины XIX в. существовала достаточно четкая грань между лихоимцем и мздоимцем. Первый вымогал деньги за то, что и так был обязан делать по должности. Мзда же была добровольным подношением и считалась справедливым вознаграждением за труды, быстрое решение дела. Такой доход зачастую не считался греховным. «Скверные прибывками» считались только «посулы» – незаконные подношения, стимулирующие к нарушению закона (см.: Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5; Экшут С. Мзда не лихва // Родина. 2006. № 8).

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1327.

при Екатеринбургском госпитале. В 1757 г. в округ был отправлен обученный в Москве аптекарский ученик Дмитрий Белов. В 1774–1775 гг. Потап Белов также на практике обучался «аптекарскому искусству» в Москве. Он возглавил созданную при Нижнетагильском госпитале аптеку¹.

В первой половине XIX в. мальчики, распределенные для занятия медициной, получали первоначальную подготовку при местных госпиталях. После этого большинство из них оставалось здесь в качестве младшего медицинского персонала (лекарских и аптекарских учеников). Лучшие воспитанники отправлялись для продолжения обучения в Екатеринбург, Казань, столичные города и даже за границу.

Между вольными врачами и крепостным медицинским персоналом пролегла четкая грань. Получение лекарским учеником врачебного аттестата требовало сдачи соответствующих экзаменов на медицинском факультете с разрешения его владельца. Однако в этом случае последний мог лишиться своего воспитанника, так как получение высшего образования давало личную свободу. А после указа 1817 г. прием крепостных в высшие учебные заведения без предварительного предоставления вольной был запрещен. Поэтому крепостные лекарские ученики зачастую получали образование непосредственно в больницах, а иногда и в заграничных учебных заведениях.

В результате не всегда справедливо переносить социальный статус медика на его квалификационный уровень. Абсолютное большинство старших лекарских учеников не могли рассчитывать на получение вольной и высшее образование, поэтому, не взирая на возраст и заслуги, пределом их карьеры было звание старшего лекарского ученика².

Среди них в Нижнетагильском округе в первой половине XIX в. выделялись К. Синицын и И. А. Шамарин, получившие медицинское образование за границей, а также Ф. С. Молоков. В период отсутствия аттестованных врачей в Нижнетагильском округе

¹ См.: Баташев С. А. Указ. соч. С. 124; Клат С. А. Кадры медиков... С. 20; Соркин Ю. Указ. соч. С. 192; ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 68. Л. 32.

² См.: Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 62.

в первой половине XIX в. именно они руководили здесь всем медицинским штатом.

Константин Синицын был определен в ученики к штаб-лекарю Машке в 1800 г. (с жалованием в 30 рублей)¹, после чего был обучен в столице и за границей (Англии и Франции). После возвращения в Нижнетагильский округ ему личным распоряжением Н. Н. Демидова было определено повышенное жалование в 300 рублей. После оно стабильно повышалось, достигнув в 1819 г. 550, а в 1827 г. 1000 рублей ассигнациями (треть из которых считалась за обучение лекарских учеников). Синицын состоял в личной переписке с Н. Н. Демидовым, пользовался расположением Санкт-Петербургской конторы, которая оценивала его «слабость» (пьянство), как «болезнь, а не умышленную развратность»².

В сентябре 1827 г. у Синицына умерла жена, оставив его с пятью детьми, в том числе четырьмя малолетними. Это стало причиной для новых запоев. Он болезненно реагировал на недовольство приказчиков, на что Н. Н. Демидов отвечал, что те «не имеют никакого резона напрасно обносить тебя, ибо не могут искать твоего места, не имея предварительных познаний, нужных в части медицины». Заводовладелец дал согласие на второй брак Синицына, выделив на свадьбу 250 рублей³. Но тот продолжал тяжело переживать свое положение и рано умер, видимо, от пьянства⁴.

В 1827 г. в Нижнетагильский округ был направлен другой заграничный крепостной воспитанник Н. Н. Демидова – Иван Андреевич Шамарин. Его отец был земским старостой при Дубенской вотчине. После подготовки в Ивановском пансионе в Москве⁵ И. А. Шамарин почти 10 лет обучался медицине во Франции (Метце и Париже). Здесь он женился на дочери французского пол-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 348. Л. 181.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 315. Л. 53; Д. 456. Л. 10об., 16об.

³ Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 133; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 456.

⁴ Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 83.

⁵ Здесь Н.Н. Демидов готовил 2–3 мальчиков для поступления в университет или к обучению за границей.

ковника и имел намерение выкупиться из крепостной зависимости¹.

Однако прагматичный Н. Н. Демидов не мог перенести такого «непроизводительного расхода» своих средств. 26-летний Шамарин вместе с женой был отправлен в Нижнетагильский округ. Заводовладелец предписал ему лично сообщать о своей деятельности, назначил жалование в тысячу рублей ассигнациями при условии обучения медицине лекарского ученика из служительских детей².

В результате введенных Н. Н. Демидовым персональных надбавок Синицын и Шамарин стали получать жалование на уровне служителей среднего звена (приказчиков). В письме в заводоуправление от 11 февраля 1826 г. заводовладелец справедливо отмечал, что «малое содержание, а еще меньшее награждение, отнимает совершенно усердие». В то же время это касалось только служительского штата округа. Он же писал, что крестьянин Черепанова замечен в «роскошности в расходах, что в мужике и по крестьянству терпимо быть не может»³.

Имея в Нижнетагильском округе двух действительно квалифицированных старших лекарских учеников (правда, не имевших соответствующих аттестатов), Н. Н. Демидов решил сэкономить на найме второго врача, отправив одного из них во второй по значимости Нижнесалдинский завод.

Шамарин и Синицын несколько раз обращались к заводовладельцу с личными просьбами оставить их в Нижнетагильском поселке. Шамарин писал Демидову 17 июня 1827 г., что перевод в поселок Нижнесалдинского завода «очень прискорбен для моей жены» (французенки), которая уже обжилась в Тагиле и могла пойти к некоторым людям «для прогнания скуки». Салда же будет казаться ей «совершенной степью».

По указанию Н. Н. Демидова, в Нижнесалдинский поселок все-таки был отправлен Шамарин, так как Синицын уже обзавелся домом, имел большое семейство и «привычку к народу». К тому же заводовладелец и Нижнетагильская контора опасались, что

¹ Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 133; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 315; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 571. Л. 126.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 604. Л. 2, 5об.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 459. Л. Л. 102; Д. 1234. Л. 100–105об.

склонный к запоям Сеницын окажется там без должного присмотра. Н. Н. Демидов разрешил Шамарину выезжать в Нижний Тагил раз в два месяца на четыре дня, а также отпускать туда иногда и жену. Его уже купленный здесь в рассрочку дом был «взят на счет» заводовладельца¹.

В 1829 г. по указанию нового владельца П. Н. Демидова Шамарин был возвращен в Нижнетагильский госпиталь. В 1848 г. он был перемещен старшим лекарским учеником в госпиталь Выйского завода. В целом Шамарин проработал в Нижнетагильском округе 28 лет, получил вольную себе и детям, выслужил низший классный гражданский чин коллежского регистратора, но не нажил практически никакого состояния. В 1855 г. он получал 521 рубль серебром годового жалования, которого хватало только на содержание семьи: жены и троих детей².

Поэтому Шамарин просил у заводовладельца материальной помощи для обучения своего сына на медицинском факультете Казанского университета. За него ходатайствовала и Нижнетагильская заводская контора. Она указывала на предпочтительность младшего Шамарина в качестве аттестованного врача. Однако Анатолий Николаевич Демидов не стал обучать за свой счет вольного человека и даже отказался принимать его на службу в штат Нижнетагильского округа³.

Федор Сергеевич Молоков в 1826–1831 гг. получил медицинское образование в Голицынской больнице в Москве под руководством известного врача А. П. Вилле, имел соответствующий аттестат⁴. По рекомендации Московской конторы он в 1831 г. был отправлен в Нижнетагильский округ, где занимался медицинской деятельностью около 30 лет. В 1840 г. он получил вольную и попытался сдать экзамен на медицинский факультет Казанского университета, но не был допущен из-за незнания иностранного языка.

Молоков пользовался расположением Нижнетагильского заводууправления. На его имя в 1840-х гг. высылались заказанные

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 456. Л. 11–11об.; Д. 604. Л. 1, 3, 5.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1801. Л. 36; Д. 1189. Л. 2–4; Оп. 2. Д. 216. Л. 28–29, 229об.–230.

³ Шестова Т.Ю. История здравоохранения... С. 142; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1189. Л. 12–14.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 576. Л. 239Аоб.

Московской конторой закупленные здесь книги и периодические издания по медицине ¹. К нему, по воспоминаниям В. Д. Белова, обращались за медицинской помощью даже «закоренелые» раскольники. В 1847 г. по его просьбе были возвращены в госпитали несколько лекарских учеников, исключенных из медицинского штата ².

В 1849–1850 гг. Молоков в отсутствие аттестованного врача в Нижнетагильском округе руководил его медицинским штатом ³. Только в особо тяжелых случаях приглашались медики из соседних горных округов. За счет назначенного Демидовыми пособия в 200 рублей серебром в год он обучал двух своих сыновей в Пермской гимназии. После завершения службы Молоков получил солидную годовую пенсию в 500 рублей ⁴.

Достаточно высокую квалификацию обычно имели и аптекари Главной аптеки при Нижнетагильском госпитале. Первоначально это были крепостные воспитанники. Нижнетагильской аптекой вплоть до своей смерти в 1826 г. заведовал Иван Вавилов, обученный в «публичной аптеке» еще в начале столетия. Его заменили воспитанники Выйского училища, прошедшие практическое обучение в одной из аптек Казани и Голицынской больнице ⁵. Однако квалификация подготовленных таким образом аптекарских учеников не удовлетворяла требованиям Уральского горного правления.

С 1830-х гг. в Главную аптеку Нижнетагильского округа нанимали вольнопрактикующих аптекарей. К сожалению, о первых из них удалось выявить минимальные сведения. С 1830 г. Нижне-

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 51, 61; Д. 33. Л. 9–9об.

² Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала... С. 81.

³ П. В. Рудановский весьма скептически оценивал его медицинскую практику. Однако надо учитывать, что к тому времени Молоков был уже в преклонном возрасте.

⁴ Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 90; Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 129–130; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 989. Л. 57об.; Д. 1227. Л. 21.

⁵ ОР РНБ. Ф. 615. Д. 1371. Л. 8–9; РГАДА. 1267. З. 382. Л. 26об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 174, 192.

тагильской аптекой заведовал Густав Осипович Ганевинкель, в 1851 г. – Крюгер ¹.

В 1855 г. управляющий Нижнетагильского округа обратился с просьбой в Санкт-Петербургскую контору Демидовых нанять опытного специалиста для улучшения на заводах аптекарского дела. Последняя заключила контракт с дворянином Феликсом Вишневым. Он имел степень помощника аптекаря (гезеля), практику управления подобными частными заведениями и согласился на первоначальное жалование в 400 рублей серебром в год, господскую квартиру и провиант.

Однако вскоре медицинский инспектор Уральского горного правления посчитал квалификацию Вишневого недостаточной для заведования Нижнетагильской аптекой, в то время самой большой на уральских частных заводах. Тогда заводовладелец выделил средства для получения им диплома провизора ² в Казанском университете. После его успешного получения в 1857 г. жалование аптекарю было повышено на 100 рублей.

Сам Ф. Вишневский отмечал, что его годовое жалование в 500 рублей серебром сравнимо с окладом провизора в казенной горной службе, но без права на пенсию. Поэтому он должен быть бережливым, что, по его мнению, весьма трудно при таком жаловании даже для несемейного человека. Правда, в 1859 г. Вишневский получил права государственной службы от Уральского горного правления. Он оставил службу в Нижнетагильском горном округе в 1862 г. по семейным обстоятельствам ³.

Основным местом подготовки медицинских кадров младшего и среднего звена для Нижнетагильского округа долгое время была Голицынская больница в Москве и его Главный госпиталь. Здесь они практическим путем получали основы медицинских знаний и навыков.

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 114. Л. 171; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 749. Л. 57об.; Д. 1012. Л. 43.

² В установленной в 1838 г. системе аптекарских званий степень провизор была второй ступенью, а «помощник аптекаря» или «гезель» – третьей. Выше была только степень аптекаря (см.: Коротева Н. Н. История фармации. – Курск, 2006. С. 121–125).

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1205. 1–68.

Жалование младшего медицинского персонала соответствовало уровню младшего служительского персонала (младших смотрителей, писцов и т.п.). В крупных частных горных округах Урала в первой половине XIX в. оно выросло в абсолютном выражении в среднем со 100 до 350 рублей. Однако следует учитывать и существенные инфляционные процессы в тот период времени ¹.

В 1841 г. в Нижнетагильском округе была введена градация лекарских учеников на 4, а аптекарских на 3 разряда. От разряда, а также стажа службы зависели жалование и натуральные льготы. Так, лекарские ученики первого разряда, кроме провианта и отопления, имели право на квартиру, лошадь и освещение от заводоуправления ². В 1850-х гг. лекарские ученики стали именоваться и фельдшерами, также с подразделением на разряды.

В Нижнетагильском округе именно лекарские ученики вели самостоятельную врачебную практику по месту жительства больных. Несколько позднее это получило название фельдшеризма. Против подобной практики резко выступало большинство врачей. Однако Нижнетагильское заводоуправление категорически отказывалось отправлять всех больных в госпитали округа, ссылаясь на господствующие среди населения предрассудки и недостаток мест в медицинских заведениях округа ³.

Квалификация лекарских учеников Нижнетагильского округа не поддается однозначной оценке. Некоторые исследователи, в том числе современные (Т. Ю. Шестова, С. В. Голикова ⁴), некритически восприняли вывод управляющего П. Н. Шиленкова 1855 г. о том, что аттестованные врачи были нужны здесь только для отчетности. По его мнению, лекарские ученики уже «прибрали к своим рукам» большинство практики в заводских поселках ⁵.

По нашему мнению, это высказывание Шиленкова крайне субъективно и сомнительно. По сохранившимся архивным документам четко видно его острое недовольство врачами Нижнетагильского округа в тот период времени, проявлявшимися, по его

¹ См.: Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала... С. 100–101.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 830. Л. 4–6; Д. 1321. Л. 64–72.

³ Там же. Д. 1234. Л. 100–105об.

⁴ Голикова С. Скромные труженики горнозаводской медицины // Веси. 2009. № 5. С. 61–63; Шестова Т. В. История здравоохранения... С. 139.

⁵ РГАДА. 1267. Оп. 8. Д. 1669. Л. 61–61об.

мнению, чрезмерную инициативу (этот сюжет был проанализирован в предыдущем параграфе).

В пользу весьма низкой квалификации большинства лекарских учеников свидетельствует традиционная практика их отбора из выпускников Выйского училища, окончивших обучение без аттестатов и неспособных к занятию «интересных» (ответственных) должностей, к тому же обладающих невысокими моральными качествами. Как писал Ильинский, большинство из них «ничего не читают» и реально могут выполнять только роль медицинской прислуги¹.

Нельзя однозначно оценить и их практическое обучение заводскими врачами. По мнению Шиленкова, последние, несмотря на условия контрактов, реально не желали заниматься с местными лекарскими учениками, опасаясь конкуренции с их стороны и считая, что они «не должны знать более фельдшерских обязанностей, относящихся к перевязке и присмотру за больными». Но, как отмечал другой современник (и тоже из управленческой верхушки Нижнетагильского округа В. Д. Белов), в частных имениях врачи объективно были заинтересованы в хорошей подготовке своих лекарских учеников, чтобы меньше самим разъезжать по их обширным территориям².

Не хватало именно лекарских учеников высокой квалификации. В 1842 г., когда потребовались кадровые перестановки в Висимошайтанском, Черноисточенском, Лайском и Верхнесалдинском госпиталях, выяснилось, что нет подготовленных кандидатов. В сообщении Нижнетагильской конторы отмечалось, что старших лекарских учеников, которым можно было поручить в заведывание отдельные госпитали, только трое, причем они нужны в местном госпитале. «Из остальных же, хотя их много, одни, несмотря на то, что давно служат, не имеют достаточных познаний, другие еще молоды и начинают только учиться».

По свидетельству врача Баркова, в Нижнетагильском госпитале распределение обязанностей между тремя старшими лекарскими учениками было следующим: Федор Молоков занимался прие-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 830. Л. 33об.–34; Д. 898. Л. 192–192об.

² Белов В. Д. Исторический очерк... С. 74; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Оп. 1. Д. 1194. Л. 1об.

мом в госпитале – до 60 человек ежедневно, Василий Пименов – «заведовал» больными, лечашимися на дому ¹, Семен Куликов, кроме осмотров на дому, вел делопроизводство по медицинской части, отвечал за библиотеку, подготовку хирургических инструментов, исполнял должность бухгалтера при главной аптеке, занимался содержанием и выдачей пиявок, т.е. никого из них нельзя было перевести в другие медицинские заведения округа.

В 1850-х гг. лекарский ученик Александр Гладков регулярно посылался в различные госпитали округа. Он не задерживался в каждом из них более полугода, и везде просили оставить его на постоянную работу ². По штатам 1858 г. даже в Главном Нижнетагильском госпитале не хватало двух лекарственных учеников высокой квалификации ³.

Серьезные проблемы вызывало и поведение младшего медицинского персонала. В качестве яркого примера приведем проблему пьянства, которая существенно обострилась здесь в середине XIX века.

Здесь сложнее всего было с комиссарами госпиталей, заведующими их хозяйственной частью. Ведь при большинстве небольших заводов они по совместительству руководили и местными аптеками. Нередко находящиеся в их распоряжении спиртосодержащие медикаменты использовались совершенно не по назначению. Так, в октябре 1857 г. И. П. Ильинский отмечал, что комиссар Нижнесалдинского госпиталя Николай Нефедьев вымогает с больных деньги за лекарства, пьянствует на работе и пристаёт к женщинам.

Не отличался должной «нравственностью» и комиссар Висимоуткинского заводского госпиталя Савелий Черемных. В апреле 1860 г. Черемных получил из Главной аптеки новые медикаменты, в том числе 10 фунтов вина «для примочек от ушибов» (в современном выражении – 4,1 литра водки). Последнее он сразу же унес домой, где употребил совершенно не по вышеназванному назначе-

¹ Они оба получили образование в Голицынской больнице (ОР РНБ. Ф. 615. Д. 1371. Л. 8).

² Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 121–122, 128.

³ Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала... С. 72.

нию. В результате с ним случился «приступ апоплексии и три припадка с конвульсиями в один день»¹.

Серьезные проблемы создавало и пьянство лекарских учеников. В марте 1859 г. Ильинский рапортовал о постоянном пьянстве и «дурной совести» фельдшера Нижнетагильского госпиталя Ивана Масколенко. Тот был уволен от должности «по закоренелости пороков». 3 октября 1860 г. управляющий Висимошайтанского завода писал, что местный лекарский ученик Семен Рудоискателев «по частому пьянству и слабому усердию к своим обязанностям» потерял доверие жителей. После очередной попойки он даже был «арестован» Ильинским, заболел и также лишился своей должности².

Следствием этих проблем стала специальная докладная записка штаб-лекаря И. П. Ильинского от 3 октября 1860 г., поданная в Нижнетагильское заводоуправление. Он отметил, что управители заводов напрасно считают медицинскую часть «отдельной от заводской администрации». Врач возложил основную вину на широкое распространение пьянства среди лекарских учеников, усилившееся после прибавки им жалования по новым штатам, на попустительство заводоуправления. В качестве основной меры борьбы он предложил увеличение материальных взысканий к медицинскому персоналу, пойманному на работе в нетрезвом виде.

29 октября 1860 г. заводоуправление издало специальное постановление по повышению нравственности служащих, в котором нашли отражение многие предложения Ильинского. За пропущенные в результате пьянства дни со служащих предписывалось вычитать двойное жалование, причем лекарских учеников мог штрафовать сам врач, записывая это в специальную книгу³. Начался новый этап перманентной борьбы с пьянством.

Таким образом, к концу 1850-х гг. под началом врачей Нижнетагильского округа находился обширный штат лекарских и аптекарских учеников, подразделявшихся на разряды, а также аптекарь, комиссары госпиталей, костоправ и повивальные бабки. В результате в первой половине XIX в. здесь удалось достичь суще-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1288. Л. 3–4; Д. 1327. Л. 109–109об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1327. Л. 163–163об.; Оп. 3. Д. 99. Л. 29об.

³ Там же. Д. 1455. Л. 174–175об., 176–177.

ственных успехов по целому ряду направлений, в том числе акушерскому делу и оспопрививанию. При этом важная роль принадлежала именно среднему и младшему медицинскому персоналу, в подавляющем большинстве состоявшему из крепостных жителей округа.

Его большая часть была подготовлена традиционным для того периода времени способом: получение общего начального образование в Выйском училище, приобретение профессиональных навыков непосредственно в местных медицинских заведениях, а у части – в Голицынской больнице Москвы. Поэтому проблема подготовки квалифицированного среднего и младшего медицинского персонала в Нижнетагильском горном округе и в середине XIX в. была еще далека от разрешения. Особую остроту ей придавала традиционная самостоятельная врачебная практики лекарских учеников (фельдшеризм), против которой резко выступало большинство аттестованных врачей.

2.4. Новые направления деятельности

Поставленные в исследовании задачи не предполагают обстоятельного рассмотрения непосредственного оказания медицинской помощи. К тому же необходимые для этого сведения практически отсутствуют в сохранившихся источниках. Поэтому в этом параграфе автор ограничится анализом ряда новых для Нижнетагильского горнозаводского округа направлений медицинской помощи, появившихся здесь в первой половине XIX в.: оспопрививания, акушерского дела и гирудотерапии.

Важным направлением деятельности его медицинского персонала, вызывавшим постоянный интерес заводовладельцев с начала столетия, стало оспопрививание. Это было вызвано целым комплексом взаимосвязанных причин.

Оспа была одной из самых социально опасных эпидемических болезней человечества с древних времен. Ее регулярные эпидемии уносили значительное число жизней и в России.

В 1796 г. английский врач Э. Дженнер ввел более безопасный вид прививания не натуральной (вариоляция), а коровьей оспой (вакцинация). Для уменьшения кривотолков коровью оспенную лимфу часто именовали предохранительной. В России первая при-

вивка по новому методу была сделана в 1801 г. в Московском воспитательном доме.

Существенную роль сыграло и начавшееся в России планомерное государственное давление, направленное на распространение оспопрививания. В октябре 1801 г. Медицинская коллегия направила в Пермскую врачебную управу инструменты и 20 экземпляров книг по оспопрививанию. 18 мая 1802 г. инспектор Пермской врачебной управы Ф. Х. Граль получил из Московского воспитательного дома ниточку, пропитанную лимфой коровьей оспы. С ее помощью он успешно привил оспу двум двухлетним детям в Пермском воспитательном доме. Этим было положено начало оспопрививанию в губернии¹.

Просвещенный заводовладелец Н. Н. Демидов, уделявший большое внимание вопросам медицины, несомненно, знал об открытии Дженнера. Внедрение нового метода борьбы со страшной болезнью органично связывалось с его постоянными заявлениями о «человеколюбии» и конкретной деятельностью по «сохранению человеческого рода». Внедрение оспопрививания прописывалось в контракте с первым нанятым аттестованным врачом в Нижнетагильский округ И. фон Машке (1798 г.), а затем еще дважды в Инструкции, утвержденной для него заводовладельцем. Н. Н. Демидов даже соглашался учредить для этого «особый домик»².

1 августа 1802 г. заводовладелец из Парижа написал в Нижнетагильскую контору об успешном распространении нового варианта оспопрививания в Европе. В Нижнетагильский поселок был прислан оспенный материал для прививания и книга, разъясняющая эту процедуру. Штаб-лекарю Машке поручалось в порядке опыта привить одного – двух местных малолетних детей, а в случае успеха – продолжить это начинание. Дефицитную коровью лимфу заводоуправление пыталось получить из Екатеринбургского горного начальства или от верхотурского уездного врача³.

Однако в тот период оспопрививание в округе не получило распространения. Видимо, основной причиной стали неудачные

¹ Селезнева В. Т. Очерки по истории... С. 43.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 75. Л. 1–5об.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1380. Л. 4; Ф. 643. Оп. 1. Д. 359. Л. 177–177об.

результаты первых опытов, во многом связанные с плохим качеством быстро портившейся лимфы.

В 1825 г. Н. Н. Демидов, по материалам иностранных газет, вновь обратил внимание на эту проблему. Он сообщил О. И. Нехведовичу и К. Синицыну о широком распространении нового способа оспопрививания в Европе, когда лимфа бралась с коровьего вымени. Именно это и было предложено внедрить в округе. В письме содержались конкретные рекомендации, как получать собственную оспенную материю.

Нехведович обещал попробовать, но сообщил, что подобный опыт на Гороблагодатских заводах в 1814 г. не удался. Синицын также писал о своем знакомстве с этим способом еще во время обучения во Франции¹. Однако тагильским медикам не удалось получить свою качественную лимфу, и ее приходилось по-прежнему выписывать из «казенных заведений»².

В Нижнетагильском округе, по примеру Екатерины II (сделавшей прививку себе и сыну, а также установившей награду для привитых младенцев в два рубля ассигнациями), также использовали и личный пример, и материальное поощрение. Старший лекарский ученик К. Синицын начал прививание с собственных двоих детей и сына управляющего³.

Привитие оспы продолжало сталкиваться с серьезными проблемами. Нехведович в феврале 1827 г. писал Н. Н. Демидову, что по всем заводам привито всего 132 человека, причем добровольно практически только дети служителей. Значительная часть населения «никаких резонов не принимает, угроз не боится, наоборот, еще дерзко бранятся и, если бы не боялись начальства, то готовы бить и самого оспопрививателя». Для принуждения населения активно привлекалась заводская полиция⁴.

Оспопрививание получило новый импульс после предписания Н. Н. Демидова в апреле 1827 г. выдавать по всем заводам округа денежные награды родителям, привившим своим детям оспу. Заводовладелец соглашался тратить на это до одной тысячи рублей серебром в год. Он считал, что не следует экономить на этом еще

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 12–12об.; Д. 383. Л. 17; Д. 456. Л. 5–6.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 587. Л. 277.

³ Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 210–211.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 18–18об.; Д. 456. Л. 14об.

примерно 5 лет, а после родители сами будут желать прививать оспу при рождении ребенка, осознав пользу этой процедуры.

Кроме того, чтобы стимулировать процесс оспопрививания, применяли и меры принуждения. Заводовладельцы строго запрещали прием детей без прививок в Выйское училище, а затем и другие свои учебные заведения в Нижнетагильском округе.

Родителям 135 первых привитых младенцев выдали награду по рублю серебром. После этого вознаграждение было понижено до 50 копеек, так как появились желающие. Причем его не получали местные служители и лекарские ученики, так как считалось, что они лишены «предрассудков и суеверий»¹. Всего за теплое время 1827 г. Нехведовичем и четырьмя лекарскими учениками было привито 520 младенцев, в основном с руки на руку² (этот метод продолжал применяться из-за недостатка и плохого качества коровьей лимфы).

Н. Н. Демидов призывал не снижать награду раньше срока, не заниматься «пустой экономией». Он писал, что «из привитых оспой верно более десяти человек спасены от явной смерти, вот в чем состоят мои проценты затраченного капитала»³. Наследники Н. Н. Демидова сохранили денежные награды за привитие детей. Так, в 1855 г. родителям привитого младенца выдавали по 30 копеек серебром. Награда в 13 копеек серебром полагалась и тому, с чьей руки снималась оспа для новой вакцинации⁴.

Однако, несмотря на оптимистичные прогнозы Н. Н. Демидова, оспопрививание в округе внедрялось с трудом. Как отмечал Рудановский, плата за прививание оспы не принесла желаемой пользы и «возбуждала особое подозрение к прививанию»⁵.

Следует отметить, что в тот период времени проблема оспопрививания не была решена практически ни в одном горнозаводском округе Урала. Как в 1835 г. отмечал медицинский инспектор частных заводов М. Г. Вульф, в среде закоренелых раскольников не помогали ни денежные награды по 2 рубля медью, ни увещева-

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 19–20; Д. 383. Л. 20–21об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 605. Л. 154.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 29.

⁴ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 16–16об.

⁵ Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 90.

ния приходского духовенства ¹. Даже если удавалось силой сделать их детям прививку, они сразу же стремились смыть ее в бане. Так, в 1841 г. Нижнетагильское заводууправление констатировало, что привитие оспы по Черноисточенскому заводу «весьма ничтожно по числу рождающихся детей» ².

Вместе с тем оспопрививание в Нижнетагильском округе планомерно продолжалось. В 1840-х гг. оно проводилось уже постоянно, а не только в теплое время года. В месяц в среднем делали прививку 150–200 младенцам, и число непривитых детей в округе постепенно снижалось ³.

Ключевую роль здесь имели лекарские ученики, непосредственно осуществлявшие большинство прививок. Так, Яков Васильевич Морозов в 1844–1847 гг. привил 3.352 младенца, за что заслужил особую благодарность врача И. М. Забиякина. Упоминаемые им остальные 7 крепостных лекарских учеников округа сделали всего от 129 до 608 прививок, а получивший вольную И. А. Шамарин привил 1588 человек.

В конце 1850-х гг. количество лекарских учеников, занимавшихся оспопрививанием в Нижнетагильском округе, оставалось стабильным (8–10 человек). Причем Ф. П. Чупкин занимался этим уже более 20 лет – с 1838 г. Явным «передовиком» стал лекарский ученик Клементий Глазков, за 1854–1863 гг. прививший 9870 человек. Однако и в тот период удалось привить только 64% новорожденных детей. Главным препятствием в отчетах врачей традиционно называлось «упрямство родителей, особенно раскольников» ⁴.

Другим важным направлением медицинской помощи в Нижнетагильском округе с начала XIX в. стало акушерство. Н. Н. Демидов в своих письмах неоднократно подчеркивал свою заинтересованность в «размножении человеческого рода», сложность процедуры родов, требующей квалифицированной помощи ⁵.

¹ ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 614. Л. 68–68об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 141. Л. 16об.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1216. Л. 100об., 179, 197об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 898. Л. 192–192об.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 830. Л. 33 об.–34; Д. 1186, 1362, 1496.

⁵ Проблемы приема родов весьма активно обсуждались в первой половине XIX века. Однако только в 1864 г. МВД обязало губернаторов учре-

В 1821 г. Нехведович писал заводовладельцу, что «практики по акушерству здесь мало». В своем ответе Н. Н. Демидов признавал, что акушерское искусство в округе действительно «в упущении», и он надеется наладить дело с помощью специально обучаемых за границей мальчиков.

В 1827 г. заводовладелец решил существенно улучшить подготовку местных «повивальных бабок». Поводом для этого послужили тяжелые роды в его доме при отсутствии врача и неквалифицированной акушерке.

Основателем квалифицированной акушерской службы на его заводах стал И. А. Шамарин. В 1827 г., по указанию Н. Н. Демидова, ему набрали группу из 30 повивальных бабок для медицинского обучения (часть из них была сразу отправлена домой по неспособности). Для этого даже были приобретены муляжи и литература по акушерству, причем разрешалось обучать их с перерывами: по две недели, затем отпускать по домам и через месяц опять требовать тех же для продолжения обучения¹.

Сам Шамарин отметил дряхлость (многие достигли 70-летнего возраста) и необразованность местных повивальных бабок. Он предложил заменить их на 40–50-летних женщин, прошедших у него курс обучения. После завершения обучения могли продолжить свою практику только те, кто получил специальное разрешение от Нехведовича, а после его смерти – самого Шамарина². В 1858 г. Шамарин с гордостью писал: «В настоящее время большая часть практикующих повивальных бабок – мои ученицы».

Нижнетагильская заводская контора в 1828 г. рапортовала о наличии в округе 17 повивальных бабок, обученных Шамариным. Они получали по 36 рублей серебром регулярного жалования, 18 пудов провианта и 50 копеек за каждого успешно принятого младенца³.

дить училища для повивальных бабок (см.: Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения... С. 295).

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 1–2; Д. 383. Л. 2об.; Д. 604. Л. 5об.–6.

² Там же. Оп. 3. Д. 605. Л. 32–32об., 34об., 153об.

³ Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 172; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 1189. Л. 1, 3; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 587. Л. 15; Д. 604. Л. 34–35об.

Вскоре сами жители отдаленных селений округа стали просить о назначении к ним специально обученных повивальных бабок. Так, в 1842 г. были определены три новых в деревни Черемшанка, Нелюба и Северная, относящиеся к ведению Верхнесалдинской заводской конторы.

В 1850-х г. жалование штатных повивальных бабок возросло до 54 рублей серебром в год. Все вакансии были заполнены, заводской врач не имел к ним существенных претензий. Руководство над повивальными бабками было возложено на специальную женщину, которая обучалась в Санкт-Петербургском повивальном институте за счет заводовладельцев ¹.

В 1857 г. был поставлен вопрос об открытии в Нижнетагильском поселке отдельного родильного дома на 6 штатных мест. До этого уже существовало родильное отделение при Авроринской богадельне. После споров между заводоуправлением и врачами было решено не выделять под роддом отдельное помещение, а переоборудовать здание приюта для подкидышей. Однако, как отмечал главноуправляющий округа в письме к врачу Келлеру, успешная деятельность нового заведения будет возможна только тогда, когда «начнут ослабевать закоренелые предрассудки и предубеждения низшего класса» ².

Одним из новых методов лечения в Нижнетагильском горном округе стала гирудотерапия (лечение пиявками). Она применяется в медицине уже более трех тысяч лет и широко распространена и в настоящее время. В 1830-х гг. в России ежегодно использовали около 30 миллионов пиявок в медицинских и косметических целях. Их экспорт в Западную Европу, где вследствие интенсивного сбора они оказались почти на грани вымирания, являлся одной из статей государственных доходов.

В самой России количество пиявок из-за хищнического лова заметно уменьшилось, что закономерно вызвало рост цен на них. 21 сентября 1848 г. Комитет министров даже ввел специальное «Положение о ловле и продаже пиявок», определившее разрешенное время их лова и требовавшее продавать их поштучно, а не на

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1172. Л. 3–4; Д. 1296. Л. 3–8; Оп. 2. Д. 149. Л. 35об.–36.

² Там же. Оп. 1. Д. 1295. Л. 4–11, 20–38.

вес. В 1850 г. был запрещен на 6 лет вывоз пиявок из Российской империи, включая Польшу и Финляндию ¹.

Для медицинских заведений Нижнетагильского горного округа в 1847–1854 гг. ежегодно закупалось в среднем до 24 тысяч пиявок на сумму 2,5 тысячи рублей. Однако большая часть этих затрат была напрасной. Значительная часть пиявок крайне плохо переносила дальнюю перевозку. Они или просто гибли, так и не успев «дойти» до пациента (в 1854 г. таких оказалось 14.403 из 25.403 закупленных), или плохо сосали кровь.

Поэтому опыты по разведению пиявок были начаты и в Нижнетагильском поселке. Причем эксперимент заводского врача Соколовского 1852 г. оказался неудачным: все его пиявки или погибли, или «ушли» из созданного заведения. Более успешной первоначально оказалась деятельность предприимчивого лекарского ученика Петра Михайловича Малышева.

Он основательно подготовился к эксперименту, осмотрев в окрестностях Тюмени озера, изобилующие медицинскими пиявками. Важную роль в его начинании сыграло обещание главного управляющего Нижнетагильским округом А. И. Кожуховского закупать для медицинских заведений пиявок по 5 копеек за штуку, а также бесплатно возвращать «использованных» особей в создаваемое заведение.

В сентябре 1853 г. Малышевым на купленной небольшой «усадьбе» на окраине Нижнетагильского заводского поселка за собственный счет было устроено «пиявочное заведение». 13,5 тысяч пиявок для его заведения были доставлены из «Киргизской степи». В апреле 1854 г. стало ясно, что они удачно перезимовали, дав приплод. Тогда в озерцо были добавлены еще 8 тысяч маток.

После следующей удачной зимовки в заведении было устроено еще одно небольшое искусственное озерцо для уже использованных в медицинских целях («кровяных») пиявок. В ходе опытов Малышев решил, что не следует искусственно «сцеживать» кровь из таких особей. По его мнению, пиявки естественным образом освобождаются от нее в течение года ².

¹ Сборник циркуляров и инструкций МВД. – СПб., 1857. Т. 7. С. 133–136.

² В настоящее время принято однократное использование медицинских пиявок.

Первые успехи пивоварного заведения привлекли внимание нового управляющего Нижнетагильским горным округом П. Н. Шиленкова. Весной 1855 г. он предложил П. М. Малышеву продать его заводовладельцам. Это было предложение, от которого крепостному человеку, получившему образование в Москве за счет владельцев, было невозможно отказаться.

Донесение Шиленкова об успешном создании пивоварного заведения было одобрительно оценено владельцами округа, особенно Анатолием Николаевичем Демидовым (1813–1870). Тот считал себя, и во многом заслуженно, покровителем наук и искусств. За свои крупные финансовые пожертвования А. Н. Демидов имел различные почетные звания многих российских и зарубежных университетов.

К назначенной Малышевым сумме в 6,5 тысяч рублей ассигнациями заводовладельцы добавили еще тысячу рублей в награду и вольную самому старшему лекарскому ученику и всей его семье. Кроме того, А. Н. Демидов пообещал получить для Малышева медаль у Общества акклиматизации в Париже.

По утвержденной 28 декабря 1855 г. купчей старший лекарский ученик получил из кассы заводоуправления большую часть денег за свое пивоварное заведение – 5.457 рублей ассигнациями (к 1 февраля 1858 г.). К тому же, по условиям договора, сам Малышев остался руководить проданным заведением.

Дальше предпринимательская деятельность Малышева пошла значительно хуже. Уже следующей весной 1856 г. разразилась подлинная «катастрофа» в пивоварном заведении: погибли все пивоварки в большом пруду (озерце) и 9/10 в малом.

17 мая 1856 г. заводоуправление получило рапорт от Малышева, который причиной массовой гибели пивовок назвал попадание в пруд большого количества навоза с многочисленных куч, скопившихся на его берегу. Местное население, несмотря на регулярные запреты, продолжало преступно загрязнять свой основной источник водоснабжения.

29 мая 1856 г. Шиленков предписал врачу Ильинскому возглавить специальную комиссию для исследования причин массовой гибели пивовок. В нее вошли старший лекарский ученик первого разряда Ф. С. Молоков, служители А. С. Оленев и К. Беккер.

Мнения членов комиссии о причинах массовой гибели пиявок несколько разошлись. В отчете управляющему от 2 ноября 1856 г. в качестве главной причины была названа не навозная вода, а неблагоприятное расположение пиявочного заведения по соседству с заводами и медными рудниками. В качестве других причин были названы недостаток пищи для пиявок и неблагоприятный для них холодный климат.

Молоков и Оленев высказали особое мнение о необходимости более длительного разбирательства. Они отметили, что причина массовой гибели пиявок осталась недостаточно ясной: может быть, это произошло из-за промерзания прудов до дна в результате суровой зимы, а может – большинство просто унесло внешней водой в реку Рудянку, а может – и от действия навоза. По их мнению, решение о целесообразности разведения пиявок в Тагиле позволит принять только многолетний опыт. Беккер в своем отдельном мнении главную роль в их гибели отвел многочисленным навозным кучам на берегу пруда.

Неопределенность причин «катастрофы» весной 1856 г. не остановила Шиленкова, которому надо было оправдывать затраченные на приобретение пиявочного заведения средства. В нем была проведена незначительная перестройка: деревянный отапливаемый резервуар, подвергавшийся гниению, был заменен кирпичным с применением «гидравлического цемента», а само озерцо, на котором устроен плавучий остров, обнесено оградой. Заведующий хозяйственной частью госпиталей и аптек округа С. Куликов закупил в Оренбургской губернии 45 тысяч штук озерных пиявок, которые осенью были запущены в заведение.

Однако дела не налаживались. Малышев посылал в заводоуправление новые донесения о серьезных проблемах в пиявочном заведении. По его мнению, его успешной работе препятствовала пыль и грязь с многочисленных повозок, перевозивших руду по соседнему деревянному мосту. К тому же они производили немалый грохот, мешавший пиявкам.

Другой проблемой стал плохой возврат использованных особей. В составленной Малышевым обширной «рописи» отмечалось, что только персонал Главного Нижнетагильского госпиталя возвращает в заведение более 90% «кровяных» пиявок, а с осталь-

ных заводских поселков доходит живыми в лучшем случае только половина.

Эта халатность лекарских учеников усугублялась массовой гибелью новых закупленных пиявок при перевозке. Многочисленные проблемы усугублялись недовольством врача Соколовского практически постоянным отсутствием Малышева в Нижнетагильском госпитале.

Тогда предприимчивый старший лекарский ученик, имея полученную 3 июня 1857 г. вольную на себя и семью, решил бежать. 5 августа 1858 г. Малышев «самовольно отлучился» из Тагила, и вскоре был исключен из служительского штата. Пиявочное заведение, имевшее несколько десятков тысяч годных и кровяных особей, было передано в ведение заводского аптекаря Вишневого¹.

Таким образом, в Нижнетагильском горном округе в первой половине XIX в. появились и весьма успешно развивались новые направления медицинской помощи: оспопрививание, акушерское дело и гирудотерапия. Заводовладельцы выделили значительные средства на их внедрение. В округе было налажено привитие предохранительной оспы, появились штатные повивальные бабки, обученные квалифицированным специалистом, создано собственное заведение для разведения (а затем просто сохранения) медицинских пиявок. Однако эти новшества встречали серьезное противодействие части населения, особенно раскольников.

В целом в Нижнетагильском округе в первой половине XIX в. удалось создать одну из лучших систем здравоохранения среди частных горнозаводских хозяйств Урала. Во всех его заводских поселках действовали госпитали, внедрялись новые виды медицинской помощи.

Но и в 1850-х гг. проблема организации квалифицированной медицинской помощи была практически разрешена только в центральном Нижнетагильском поселке. Здесь традиционно находилось большинство врачей и старших лекарских учеников, имевших соответствующую квалификацию. В госпиталях других заводов округа прием вело несколько, а нередко и один младший лекар-

¹ Подробнее см.: Черноухов Э. А. Нижнетагильский Дуремар... С. 127–128.

ский ученик. Они имели минимальные практические навыки, полученные непосредственно при медицинских заведениях округа.

3. Учебные и благотворительные заведения в первой половине XIX в.

3.1. Организация и деятельность Выйского училища

Первое учебное заведение при Нижнетагильской группе заводов Демидовых было открыто в 1765 г. по типу казенных горнозаводских школ. Оно предназначалось для обучения первоначальной грамоте исключительно служительского персонала ¹.

В 1806 г. Н. Н. Демидов предписал реорганизовать его в закрытое учебное заведение для служительских детей на правах уездного училища. Оно было переведено в поселок при Выйском заводе. В начале XIX в. он практически слился с Нижнетагильским в единое поселение.

Можно выделить две основные предпосылки преобразования училища. Одна из них связана с расширением и усложнением хозяйства, совершенствованием техники производства. Поэтому в округе закономерно возрастала потребность в квалифицированных кадрах, повышались требования и к профессиональному уровню знаний и навыков среди некоторых категорий населения.

Во-вторых, под влиянием идей известного сподвижника Екатерины II И. И. Бецкого в России стали создаваться принципиально новые учебные заведения – пансионы. Здесь надеялись воспитать «новую породу людей», в том числе и недворянского проис-

¹ См.: Лысова О. А., Осипова Л. А. К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII веке // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. – Свердловск, 1979. С. 100–101.

хождения. Сторонниками пансионного типа обучения и воспитания на некоторое время стали и нижнетагильские Демидовы¹.

1 июня 1806 г. реорганизованное учебное заведение было открыто². В источниках и литературе встречаются его различные наименования: Выйское заводское, Нижнетагильское заводское (так в 1835 г. его определил называть П. Н. Демидов³), после перехода в МНП – Выйская школа и др.

В предписании Н. Н. Демидова Нижнетагильской заводской конторе четко определялись цели нового учебного заведения: «подготовить способных служащих к заводским должностям и, распространив по возможности между жителями самонужнейшие познания в общежитии, укоренить их в правилах святой православной веры и чрез то истребить или ослабить раскол по всем почти заводам хребта Уральского существующий».

В Выйское училище принимались в основном сыновья служителей всех производств Нижнетагильского горного округа. Кроме того, 11 августа 1806 г. Н. Н. Демидов приказал отправлять в Выйское училище для обучения сыновей служителей из своих вотчин и контор в других регионах России⁴.

Обучение здесь для сыновей всех служителей Нижнетагильского округа было обязанностью. Н. Н. Демидов в своих предписаниях конторе постоянно подчеркивал необходимость прохождения ими полного курса наук в Выйском училище («чтобы не выпускали болванов, не могущих занимать никакой должности»). Сыновей служителей, не способных к обучению или исключенных из училища за какие-либо нарушения, заводовладелец предписывал определять в дворовые.

Дети же из «рабочего класса людей» принимались в Выйское училище только в том случае, «когда мальчик покажет особенную способность к наукам, или его отец окажет какую-либо особенную услугу, приносящую пользу господам-хозяевам». Кроме того, в состав сверхштатных учеников иногда принимались дети «лиц свободного состояния»: купцов, мещан, духовенства, а также мальчики из других горных округов Урала. По просьбе ряда заво-

¹ Этот сюжет был проанализирован во втором параграфе первой главы.

² Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов... С. 55.

³ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 233. Л. 38.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1072. Л. 1.

довладельцев, в частности Лазаревых и Дашковых, в Выйском училище обучались некоторые сыновья их крепостных служителей. Все эти ученики содержались за свой счет или на средства владельцев¹.

Возраст приема в Выйское училище, а также и выпуска из него несколько раз пересматривался заводовладельцами в сторону увеличения. Так, в 1806 г. Н. Н. Демидовым было определено принимать учеников в возрасте 6–10 лет, а выпуск производить «по совершении курса в назначенных к обучению науках». В конце правил была сделана приписка о том, чтобы стремиться «не принимать моложе 8 лет, ибо до тех пор младенец еще, а с восьми лет уже дитя, которого можно учить»².

В предписании заводовладельца в Нижнетагильскую контору в 1820 г. возраст приема был определен уже с девяти лет, а возраст выпуска – 17 и не позднее 18 лет³. В середине 1830-х гг. было определено, что «мальчики принимаются от 9–12 лет и продолжают учиться до 17-летнего возраста, переходя из класса в класс, при этом учитывались успехи в науках. В первом случае принимаются в училище только дети-сироты, а прочие – не менее 11–12 лет». В 1850-х гг. было окончательно установлено не принимать в Выйское училище мальчиков моложе 11 лет. Исключение оставалось только для сирот⁴.

Таким образом, постепенно возраст приема в Выйское училище был окончательно поднят до 11 лет. Данная тенденция объясняется усложнением программы обучения и стремлением к тому, чтобы воспитанники не заканчивали курс в слишком раннем возрасте, что создавало известные трудности с их распределением.

В то же время заводовладельцы выступали против «чрезмерно» длинного обучения в училище. «Привыкши до 19 лет держать одно перо, едва ли годны будут держать топор или другой какой инструмент», – писал в Нижнетагильскую контору Н. Н. Демидов. Он же рассуждал, что из-за просвещения у заводских жителей может наступить «повреждение нравов», в результате чего «отец

¹ Ларионов П. П. Указ. соч. С. 5.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 334. Л. 14–15.

³ Ларионов П. П. Указ. соч. С. 6.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 745. Л. 13; Д. 1170. Л. 122; Ф. 102. Оп. 1. Д. 233. Л. 38.

иногда по суеверию и малому просвещению чего-либо не сделает, а сын, лишившись суеверия, на оное не посмотрит»¹.

Его наследник Павел Николаевич Демидов считал, что после 15–16 лет физиологически трудно наверстать упущения в обучении. Поэтому он предлагал искать смысленных мальчиков в Выйском училище уже в 10–12 лет и отправлять в Петербург для дальнейшего обучения, в том числе за границей².

Число воспитанников Выйского училища в первые полтора десятилетия деятельности оставалось стабильным: 40–50 мальчиков. Оно не пользовалось расположением местных служителей, привыкших к традиционным методам обучения своих детей (первоначальной грамоте на дому, а затем непосредственно на заводских производствах). К тому же учебное заведение долго находилось в «жалком состоянии», сравнимом с «домом призрения нищих»³.

Директор Нижнетагильских заводов в 1806–1818 гг. М. Д. Данилов был талантливым практиком, не получившим особо образования. Он, как и большинство руководства округа того периода, считал более эффективным прикладной характер обучения непосредственно на производстве⁴. К тому же, по мнению Данилова, такое учебное заведение было «дорогим удовольствием» для заводов, имевших серьезные финансовые проблемы⁵.

Положение Выйского училища стало меняться в лучшую сторону с 1820-х гг., после существенного роста доходности Нижнетагильского округа. Н. Н. Демидов продолжал методично поддерживать его деятельность, настаивая на обязательном обучении в нем всех сыновей служителей. В 1821 г. он разрешил довести штат

¹ Дашкевич Л. А. Формирование технической интеллигенции... С. 125.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 771. Л. 62–63.

³ См.: Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов... С. 59–60.

⁴ В дальнейшем в работе еще не раз будут рассматриваться споры руководства Нижнетагильского округа о характере обучения в его главном училище.

⁵ См.: Ганьжа С. В. Тагильская летопись XVI–XIX вв. – Нижний Тагил, 2000. С. 39, 41; Дашкевич Л. А. Михаил Данилович Данилов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX – начала XX в. – Екатеринбург, 1999. С. 9–10; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 334. Л. 204.

до 60 воспитанников, существенно увеличив выделяемые средства на его содержание ¹. Количество учеников вскоре возросло до 70–80, несмотря на постоянные требования заводовладельца придерживаться штатной численности.

В 1828 г. новый владелец Нижнетагильского горного округа П. Н. Демидов произвел реорганизацию своих учебных заведений. Из-за несоразмерно больших затрат, а также острого конфликта с главным учителем Е. Л. Зоричем, школа-пансион при Санкт-Петербургской конторе была закрыта. Большинство ее учеников были отправлены для продолжения обучения в Выйское училище. Для него предполагалось построить новое каменное здание (эта проблема была поднята еще Н. Н. Демидовым) и расширить штат до 200 мальчиков, чтобы принимать и часть детей рабочих ². Однако этот план так и остался на бумаге.

С 1828 г. в Выйское училище не должны были приниматься дети лиц, не работавших на заводских производствах округа. Выйское училище было достаточно известным на Урале. Периодически владельцы других частных горных округов запрашивали о возможности обучения здесь нескольких своих воспитанников. Однако Нижнетагильская контора традиционно отрицательно относилась к подобной перспективе. По мнению ее приказчиков, мальчики со стороны, «чувствуя себя независимее здешних и, следовательно, свободнее в поступках, не могут не иметь вредное влияние на нравственность и образ мыслей других воспитанников».

Поэтому в 1830–1840-х гг. в Выйском училище не обучалось ни одного воспитанника из других частных округов Урала. Лишь в исключительных случаях (несколько воспитанников) принимались лица, проживающие в Нижнетагильском горном округе, но не состоящие на службе у Демидовых. Только в 1850-х гг. в этом вопросе произошли некоторые подвижки. В 1854 и 1857 гг. в Выйское училище были приняты по два крепостных воспитанника из Пермского имения Лазаревых, в 1855 г. – мальчик с Невьянских заводов. Их обучение оплачивали владельцы ³.

¹ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 131. Л. 17об.–18.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 743. Л. 21–22.

³ Там же. Д. 1114. Л. 6об.; Д. 1354. Л. 39–41; Оп. 3. Д. 99. Л. 118об.

В 1830 г. заводовладельцем в очередной раз было обращено внимание на необходимость сокращения количества учеников в Выйском училище, достигшего 126 человек. Он вновь подчеркнул, что оно имеет назначение для обучения детей исключительно служительского штата, а не рабочих¹.

В результате количество учеников в Выйском училище в рассматриваемый период значительно колебалось. Достигнув максимума в 1834 г. (150 человек), оно, на основе Правил 1835 г., постоянно снижалось вплоть до 1847 г. (82 человека). С закрытием в 1848 г. подготовительного класса в Выйском училище осталось всего 49 мальчиков. Однако вскоре число учеников вновь выросло и стабилизировалось на уровне 100 человек. Тенденция к возрастанию числа воспитанников в 1850-х гг. объясняется усиливающейся потребностью заводов округа в грамотных специалистах².

С 1848 г. прием в Выйское заводское училище стал производиться по результатам специальных экзаменов за курс приходских училищ, к которым допускались и лучшие их выпускники из рабочих семей. Однако реально продолжал господствовать сословный принцип комплектования этого учебного заведения. Дети служителей, особенно занимавших высокие должности, либо поступали без экзаменов, либо, не набрав «проходного балла», зачислялись с формулировками: «в уважение службы отца», «успехи недостаточны, но принимается по большому семейству отца». Лишь самые способные мальчики из рабочих семей проходили это сложное сито отбора³.

Штатные ученики жили при училище, находясь на полном пансионе Демидовых. До 1806 г. ученикам Нижнетагильской арифметической школы платили небольшое жалование, а после реорганизации ее в Выйское училище, естественно, перестали⁴.

Классные занятия продолжались шесть дней в неделю по 6–8 часов в день (в среду и субботу только до обеда). Это было существенно больше, чем в других горнозаводских учебных заведениях

¹ Там же. Д. 1025. Л. 47–48.

² Смирнов В.И. Указ. соч. С. 17; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 703, 743, 745, 758, 841.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1170. Л. 89–91; Д. 1298. Л. 43–49.

⁴ Там же. Д. 348. Л. 32, 110.

Урала в тот период времени. Еще два часа в день отводилось на приготовление заданных уроков.

Ученики отпускались домой только в воскресные и праздничные дни, причем без ночевки, по специальному разрешению наставников. Необходимость такой «изоляции» воспитанников от родителей постоянно подчеркивал в своих предписаниях Нижнетагильской конторе Н. Н. Демидов. Приведем лишь наиболее яркие нелицеприятные фразы заводовладельца на этот счет: «косность приказчиков в воспитании детей мне давно уже известна», «родители по своей слабости сами пьют и детей к сему мерзкому обычаю приучают». Поэтому Н. Н. Демидов подчеркивал преимущества свиданий родителей с воспитанниками «в школе и при своих начальниках»¹.

Заводовладельцы обстоятельно регламентировали обязанности надзирателей училища. Так, в инструкциях им содержались требования обращать особое внимание на главную и общую цель воспитания: сохранение и утверждение хорошей нравственности учеников. В свободное от занятий время надзиратели должны были быть при учениках «неотлучно», имея с ними общий стол и ночуя по очереди в одних с ними комнатах; не допускать бесчинств, ссор, драк, брани, клеветы и сквернословий; воспитывать почтение к старшим («чтобы воздавали старшим почтение и учтиво кланялись»).

Выйское училище было частным учебным заведением. В тот период времени Н. Н. Демидов, жестко не ограниченный какими-либо специальными постановлениями по программе обучения, зачастую вводил в своих учебных заведениях дисциплины, отсутствующие в уездных училищах. Следуя указаниям заводовладельца, обучение и воспитание «приноравливалось» к «состоянию человека... и будущим его занятиям»². Воспитанникам Выйского училища предстояло занять низшие технические и административные должности в обширном хозяйстве Демидовых, в том числе и в его столичных конторах.

Главные учителя обучали мальчиков, помимо предметов первоначальной грамоты, также геометрии, истории, географии. Кро-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 484. Л. 67; Д. 571. Л. 112.

² См., например: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 535. Л. 1–2.

ме того, в основном крепостные Н. Н. Демидова, получившие образование в столицах и за границей (И. Шамарин, А. Густомесов, В. Шмаков, П. Баженов и др.), периодически преподавали воспитанникам ряд специальных дисциплин: рисование, черчение, начала физики и металлургии, механику, геодезию, основы делопроизводства и бухгалтерии. Все эти предметы никогда не изучались одновременно: некоторые убирались, другие, наоборот, добавлялись. Это объяснялось, главным образом, наличием и квалификацией соответствующих преподавателей.

Н. Н. Демидов в инструкциях Нижнетагильской конторе и письмах главным учителям постоянно предписывал уделять главное внимание изучению закона Божьего, как «первого основания нравственности». Его в Выйском училище традиционно преподавали местные священники.

Периодически ряд старших воспитанников училища изучали и иностранные языки (немецкий, английский или французский). Им также преподавали крепостные заводовладельца, обучавшиеся за границей, а также и специально нанятый немецкий учитель Штицинг. Но в 1822 г. Н. Н. Демидов открыл новое училище-пансион повышенного типа в Санкт-Петербурге. Поэтому он решил, что потребность обучать на Урале иностранным языкам отпала. Их стал преподавать всего лишь лучший из выпускников самого Выйского училища Н. Бредихин с целью подготовки лучших воспитанников к продолжению обучения в Санкт-Петербургском пансионе Демидовых¹.

Ключевым положением правительственной политики по отношению к частным учебным заведениям в рассматриваемый период времени было распространение на них контроля Министерства народного просвещения (МНП). Заводовладельцы также закономерно стремились к достижению определенных компромиссов с этим ведомством.

В 1838 г. попечителю Казанского учебного округа поступило ходатайство из Нижнетагильского заводоуправления о преобразовании Выйского училища на основании Устава 1828 года. Владелец просил предоставить ему все права уездного. В ходатайстве оговаривалось, что после перехода учебной части в ведение МНП,

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 534. Л. 38.

в Выйское училище будут приниматься только заводские мальчики, а подбор учителей и вся хозяйственная часть останется в ведении заводууправления. Завязалась переписка с требованиями предоставления положения и штатов училища, а также резолюциями по их исправлению. При этом МНП традиционно не желало принимать на себя какую-либо часть финансирования.

Наконец, попечитель Казанского учебного округа передал предложение о подчинении МНП Выйского (в переписке – Нижнетагильского) училища с предоставлением ему прав уездного, а смотрителю и учителям – прав государственной службы. В нем разрешалось преподавать сверх программы уездных училищ начала механики, практическое горнозаводское искусство и делопроизводство. Вся хозяйственная часть должна была остаться в ведении заводууправления.

Запрошенный по этому вопросу главный горный начальник В. А. Глинка согласился с передачей, отметив, что в законодательстве нет прямых указаний о заведовании Уральским горным правлением над частными учебными заведениями при заводах, а это делается больше по традиции. Подобное положение четко прослеживается и по отчетной документации. Так, по одним сведениям, предоставленным заводовладельцами в 1842 г., по части школ отмечалось, что они находятся в ведении Уральского горного правления, по другим – заводууправлений.

В то же время Глинка отметил, что абсолютное большинство учеников в Выйском училище крепостного состояния, поэтому нет необходимости повышать его до уровня уездного. Он предлагал оставить его заводским, с предоставлением прав государственной службы только учителям геометрии, начал механики и практического горнозаводского искусства. Глинка также обосновал право главного горного начальника и берг-инспектора осматривать при поездках на заводы и Выйское училище, наравне с прочими учебными заведениями.

Комитет министров и император, в основном, согласились с мнением Глинки. В результате соответствующий указ был подписан. На его основании было издано постановление «О подчинении учрежденного при Нижнетагильском заводе Демидовых училища ведомству Министерства народного просвещения» от 31 октября 1839 года.

После переподчинения МНП в Выйском училище значительно увеличилось количество бюрократической отчетности. Вместо третних ведомостей, предоставляемых горным властям в предшествующий период времени, теперь нужно было посылать в Дирекцию училищ Пермской губернии семь годовых и четыре полугодовых сводки, а также ежемесячные рапорта об их деятельности. Для обучения дисциплинам, выходящим за рамки программы приходских училищ, требовалось получить специальное разрешение. Все учителя должны были сдать в местной Дирекции училищ экзамен на право преподавания.

Учебная программа Выйского училища подверглась существенной корректировке. Все специальные дисциплины были сведены в общие курсы механики и горнозаводского искусства. При этом две ставки учителей этих предметов, дающих права государственной службы, постоянно оставались вакантными. Эти дисциплины периодически преподавали по совместительству служащие заводских производств округа.

Вместе с тем своеобразное положение Выйского училища сохранилось. Его основой осталось полное финансирование заводо-владельцами. Вся хозяйственная часть находилась в ведении заводоуправления. Училище продолжало иметь более обширную программу, чем большинство уездных в тот период времени, собственные штаты учителей, позволяющие достаточно широко привлекать к преподаванию совместителей¹.

Обучение «приноравливалось» к будущей службе его воспитанников. Им предстояло занять низшие технические и административные должности в обширном горнозаводском хозяйстве Демидовых. Поэтому, по мнению заводо-владельцев, училище должно было решать и некоторые прикладные задачи. Здесь, помимо общеобразовательных дисциплин, периодически преподавали ряд специальных предметов: черчение, начала физики и металлургии, механику, геодезию, российское правоведение, делопроизводство и бухгалтерию. Все эти предметы не преподавались одновременно: некоторые убирались, другие, наоборот, добавлялись. Их эффективное преподавание во многом зависело от личностей главного учителя и совместителей.

¹ См.: Черноухов Э.А. Горнозаводское образование... С. 100–103.

В 1848 г. был утвержден новый Штат учебных заведений в Нижнетагильском горном округе. В Выйском училище закрылся подготовительный класс, который вскоре был воссоздан при Нижнетагильском приходском училище. Вместо него был создан четвертый – «высший практический». В нем преподавали дисциплины дополнительного курса, разрешенного Уставом 1828 года.

По новым Штатам учебных заведений округа общие расходы заводовладельцев на Выйское училище составляли 20.382 рубля ежегодно. Однако реальные расходы на содержание Выйского училища были гораздо более значительными. Так, по подсчетам Нижнетагильской заводской конторы 1854 г. она составила более 26 тысяч рублей, в среднем по 261 рубль 36 копеек на одного ученика. В эту стоимость входили: плата учителям и прислуге, содержание «стола», школьного жалования, рабочего скота, экипировка воспитанников¹.

Основное внимание в преподавании уделялось общеобразовательным предметам. Это предопределялось небольшим возрастом учащихся и нежеланием специалистов-практиков заниматься с ними. Это, например, отметил воспитанник Лазаревых П. И. Крючков, окончивший курс Выйского училища в 1855 г. первым учеником в выпуске. Он писал владельцу, что «остался в горных науках малосведущ», так как в специальных дисциплинах преподавались только самые начальные сведения. Поэтому Крючков просил остаться в Нижнем Тагиле для практики непосредственно на производствах. Согласие Лазаревых было получено².

Вместе с тем попытки придания более практического уклона обучению предпринимались неоднократно. Еще в Положении 1835 г. содержалось указание учредить поблизости от училища «практическую школу ремесел», куда после обеда направлять воспитанников старших классов. Здесь они под руководством опытных мастеров должны были заниматься распознаванием горных пород и минералов, съемкой планов местности, наблюдать и описывать различные производства (металлургическое, железоделательное, механическое) и даже обучаться некоторым «мастерствам». При этом в специальном распоряжении заводовладельца

¹ Смирнов В. И. Указ. соч. С. 17; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1025. Л. 63.

² ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 766. Л. 746–746об.

учитывалось традиционно презрительное отношение местных служителей к физическому труду. Поэтому он особо подчеркивал, что эти воспитанники не только не лишаются права занятия высших служительских должностей, но, напротив, даже будут иметь преимущества¹.

В 1848 г. Нижнетагильское заводоуправление вновь констатировало, что на служительские должности назначаются выпускники Выйского училища, не знающие практической части вверенного им дела и потому являющиеся не более чем «конторщиками по письменной части». Поэтому предполагалось расширить программу преподавания за счет специальных предметов, а на важнейших производствах ввести штат учеников для подготовки к будущей службе².

В конце 1840-х гг. с воспитанниками «практического класса» (или «практической школы») занимался известный механик, один из создателей первого российского паровоза, выпускник Выйского училища 1831 г. Мирон Ефимович Черепанов. В специализированном Выйском механическом заведении он преподавал механику и горнотехническое черчение. Как отмечал смотритель училища А. П. Ерофеев, ученики практического класса «занимаются с удовлетворительным успехом, весьма охотно и прилежно»³.

Заводовладельцы традиционно уделяли пристальное внимание выпускникам. В фондах ГАСО хранятся два обширных списка по «распределению» воспитанников Выйского училища. В первом из них за 1830–1839 гг. содержится 178, во втором за 1838–1847 гг. – 156 фамилий. Отчисленные нерадивые ученики потенциально сохраняли право на занятие низших служительских должностей. Однако в основном они определялись в дворовые или рабочие, а так называемые «развратные» – даже сдавались в рекруты. В результате подавляющее большинство воспитанников училища были определены к служительским должностям или направлены для продолжения обучения: в 1830–1839 гг. – 157 человек (88%), в 1838–1847 гг. – 109 (70%)⁴.

¹ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 233. Л. 41–41об.

² РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 5. Л. 63об.–64об.

³ Виргинский В. С. Черепановы. – Свердловск, 1987. С. 195–196.

⁴ Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 758. Л. 198–201об.; Д. 919. Л. 63–64об.

В 1858 г. было утверждено новое обширное «Положение о воспитанниках Выйского заводского училища». Все они делились на три разряда по успехам в обучении: выпущенные с аттестатами, без них и исключенные. После распределения воспитанники училища поступали в число практикантов или ремесленных учеников. У каждого из трех разрядов были соответствующие, четко определенные права, жалование и перспективы. Так, только для воспитанников первого и второго разрядов по субботам, вместо работы, предусматривались специальные теоретические занятия. В 1860 г., с учетом первого полученного опыта, «Положение...» подверглось незначительной переработке ¹.

Отметим, что такие богатые заводовладельцы, как Демидовы, в тот период времени зачастую продолжали отправлять лучших воспитанников Выйского училища для продолжения обучения в губернские города, столицы и за границу. Так, в 1847 г. у них обучалось: за границей – 19 человек, Санкт-Петербурге, Москве, Казани – 14, Перми и Екатеринбурге – 6 ². Ряд из них впоследствии преподавали и в Выйском училище.

В заключении отметим, что реальная практика обучения и воспитания в российских пансионах того времени весьма отличалась от теоретических замыслов их идеологов. Не стало исключением и Выйское училище, не оправдавшее ряда намерений Н. Н. Демидова. Здесь главными проблемами стали подбор хороших учителей (о чем пойдет речь в следующем параграфе), порядочных надзирателей и административного персонала, а также эффективное взаимодействие их между собой в процессе образования и воспитания ³.

Выбор достойных надзирателей для работы в училище традиционно оставался сложной проблемой. Ведь они, как и многие служители Нижнетагильского округа, по мнению Н. Н. Демидова, были «подвержены тем же слабостям», особенно пьянству, воровству и сквернословью. Поэтому заводовладелец даже имел планы нанимать надзирателей, как и главных учителей, из отставных гражданских чиновников в столице ⁴.

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1354. Л. 94–104; Д. 1470. Л. 113–119.

² Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913.

³ См.: Черноухов Э. А. Из истории воспитания... С. 43–45.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 484. Л. 67–67об.

Таким образом, Выйское училище Демидовых было одним из лучших в частных горных округах Урала по программе обучения и материально-технической базе. Оно оставалось, прежде всего, общеобразовательным учебным заведением с элементами профессиональной подготовки. Возможность получения образования в Выйском училище была одной из важных внутрисословных привилегий служителей Нижнетагильского округа Демидовых.

В отдельные годы Выйское училище приближалось к уровню начального специального учебного заведения, но, естественно, не предоставляло своим выпускникам соответствующих прав. Такой высокий уровень объяснялся более широким привлечением к преподаванию квалифицированных гражданских учителей, которым Демидовы, не ограниченные штатными положениями, платили достойное жалование, и большим приспособлением его к тому практическому делу, для которого готовились воспитанники.

Выйское училище сыграло важную роль в обеспечении разветвленного горнозаводского хозяйства Нижнетагильского округа квалифицированными кадрами. При существовавшем уровне производства именно его воспитанники замещали большинство вакансий среднего и низшего звена в округе. В результате в середине XIX в. Выйское училище, несмотря на ряд недостатков в его работе, пользовалось на Урале значительным авторитетом. В 1855 г. пермский губернатор в отчете императору отмечал: «Более всего достойно замечания Нижне-Тагильское заводское училище, где воспитанникам, кроме предметов, преподаваемых во всех школах, преподают некоторые познания по горной части, в пользу, что я убедился при посещении Нижне-Тагильского г. Демидовых завода, где почти все работы производятся под руководством крепостных людей»¹.

3.2. Учителя Выйского училища

В рассматриваемый период времени проблема квалифицированного учителя крайне остро стояла практически во всех учебных заведениях Урала. Широко привлекаемое к обучению духовенство зачастую не имело, по меткому замечанию известного уральского общественного деятеля и историка Н. К. Чупина, «либо свободно-

¹ Цит по: Смирнов В. И. Указ. соч. С. 15.

го времени для преподавания, либо охоты к нему, либо соответствующего образования». Определению в школы квалифицированных гражданских лиц препятствовали низкий социальный статус и жалование учителей при большом числе учеников в классах ¹.

При остром недостатке специалистов Министерство народного просвещения разрешало занимать учительские места в приходских училищах всякому, обладающему знаниями по курсу и имеющему свидетельство о нравственной благонадежности. В частных школах это позволялось даже крепостным.

Н. Н. Демидов считал исключительно важной проблему профессиональной подготовки служительских кадров. В 1799 г. он обратил внимание конторы на Нижнетагильское училище, отметив, что ему неизвестны успехи в подготовке учеников. Заводчик указал на необходимость найти замену учителю Петру Шептаеву, которого считал «человеком молодым, а потому и в обучении учеников по всем частям едва ли... успешного». Он предписал прикрепить к нему двух кандидатов из способных учеников и сообщил о намерении найти нового учителя «совершенных лет».

Недовольство качеством обучения в Нижнетагильском арифметическом училище Н. Н. Демидов несколько раз выражал и своих предписаниях 1800 г. Главная вина на то, что ни один ученик не умеет хорошо писать, вновь возлагалась на учителя ². В 1801 г. Н. Н. Демидов определил, что и Шептаев «пишет их не лучше» и приказал назначить другого учителя. Им стал престарелый заводской понытчик Захар Распопов ³, которого затем сменил другой местный служитель Николай Швецов.

Обеспечить необходимый уровень преподавания они, естественно, не могли. Поэтому в реорганизованное учебное заведение (Выйское училище) Н. Н. Демидов решил нанять «настоящего учителя» ⁴.

9 августа 1806 г. его Главной конторой в Санкт-Петербурге был заключен контракт с титулярным советником Александром Тимофеевичем Путимцевым. За обучение в Выйском училище 40 или более мальчиков ему полагались 650 рублей ассигнациями

¹ См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 45.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 65–66; Д. 348. Л. 32, 110.

³ Там же. Оп. 2. Д. 49. Л. 50–50об.

⁴ Неклюдов Е. Г. Приезд Н. Н. Демидова... С. 204.

годового жалования, а также господская квартира и оплата проезда в обе стороны ¹. Сведений о его деятельности на Урале обнаружить не удалось. Возможно, он так и не приступил к работе.

Учительские обязанности с 1807 г. исполнял местный священник Прокофий Наумов ². С 1810 г. ему помогали престарелые заводские служители Алексей Григорьевич Вологуров, затем Иван Тимофеевич Устьянцев, одновременно исполнявшие и обязанности надзирателей училища ³.

Кроме того, заводской служитель Николай Швецов в отведенные ему часы обучал воспитанников пению, а Иван Степанов – рисованию и черчению ⁴. Закон Божий в Выйском училище традиционно преподавал один из местных священников.

Сам Н. Н. Демидов регулярно выражал недовольство качеством обучения в Выйском училище, основываясь на слабых знаниях воспитанников, присылаемых по его требованию с Урала. В 1819 г. заводовладелец получил новые очевидные сведения о неудовлетворительном состоянии училища. Нижнетагильская контора не смогла прислать по его требованию «одного или двух писарей, ...даже не отличных, а просто элементарно обученных» ⁵.

Главным виновником неудовлетворительного состояния Выйского училища заводовладелец считал его персонал. По его мнению, учитель И. Г. Калашников сам не знал в достаточной мере ни грамоты, ни арифметики и переложил обучение на учеников старших классов. Последние занялись откровенным беспределом, постоянно наказывая младших учеников розгами. Применять подобные санкции они не имели права. Однако учитель «не смел сказать грубого слова против старших учеников». Не мог пресечь их произвола и надзиратель училища – человек престарелый и слабый ⁶.

При этом Нижнетагильская контора продолжала посылать оптимистичные рапорта о Выйском училище. По мнению местных управляющих, титулярный советник Калашников преподавал в

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 928. Л. 1–1об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 391. Л. 192; Д. 447. Л. 35.

³ Ларионов П. П. Указ. соч. С. 2–3.

⁴ Манжора Б. Г. Указ. соч. С. 121–122; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 334. Л. 204.

⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 365. Л. 19об.

⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 68. Л. 34об.–35, 63об.–64.

народных училищах уже около 30 лет, мог вести большинство необходимых предметов и был в их показательной оценке «поведения весьма не строптивого».

В результате Н. Н. Демидов в своих письмах нижнетагильским приказчикам 1821 г. горько сетовал на то, что в первые два десятилетия деятельности Выйского училища ему «не попадался достойный учитель»¹. Он отмечал, что образованному «человеку, который воспитан в столице, в губернском городе трудно привыкнуть к такому образу жизни». Здесь же он подчеркивал, что, когда было велено отыскать учителя для Выйского училища, «было опубликовано объявление в газетах, но ни один не являлся». И это при весьма привлекательных материальных условиях контракта².

По указанию заводовладельца нового главного учителя для Выйского училища наняла его Санкт-Петербургская контора. В апреле 1820 г. в Санкт-Петербурге был подписан контракт на 5 лет с отставным штабс-капитаном дворянином Евлампием Максимовичем Мосцепановым (1780 г.р.). Этот выпускник Санкт-Петербургского кадетского корпуса за свои 40 лет жизни сменил многие места службы в различных частях империи³. На его неуживчивый характер, склонность к «перемене мест» впоследствии обращали внимание нижнетагильские приказчики в своих донесениях Н. Н. Демидову.

По условиям контракта Мосцепанову полагались тысяча рублей годового жалования, провиант, господская квартира с прислугой (какой – не уточнено), бесплатный проезд в обе стороны. Отметим, что в тот период Калашников получал 400 рублей, а местные крепостные помощники учителя в Выйском училище – по 100–150 рублей в год. Не было принципиально выше и жалование преподавателей в казенных горнозаводских школах края⁴. Таким образом, условия контракта были весьма привлекательными для главного учителя.

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 356. Л. 23; Д. 535. Л. 3об.–4; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 518. Л. 22.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 380. Л. 84об.

³ См. его биографию: Струнина М. Д. Из истории рабочего движения на Урале в первой четверти XIX в. // Ученые записки МГПИ. № 187. – М., 1962.

⁴ См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... Гл. 1.

Однако Демидов не мог обеспечить для Мосцепанова соответствующее отношение местного административного персонала и круг общения на далеком Урале. В тот период времени в заводских поселках края, где подавляющая масса населения находилась в крепостной зависимости, царили весьма «дикие» нравы, во многом основанные на прямом насилии.

Мосцепанов действительно застал Выйское училище в «плачевном состоянии». По его мнению, это стало результатом жуткого произвола местных приказчиков, разворовывавших выделяемые на содержание училища средства. Кроме того, выяснилось, что учитель Калашников еще «и поведения незавидного», а его помощник А. Попов в учебные часы не преподавал в училище, а занимался «репетиторством» на дому с детьми местного руководства.

Первоначально Мосцепанов пользовался поддержкой заводо-владельца и столичной конторы. По его просьбе были уволены Калашников, «директор» Выйского училища и один из приказчиков, позволивший себе откровенно дерзить Мосцепанову (крепостной – дворянину!), а сам учитель получил ежегодную награду в 500 рублей.

Однако вскоре Демидов, получавший из Нижнетагильского поселка многочисленные доносы на деятельность Мосцепанова, решил не обострять отношения с местной конторой. В своих письмах он стал настойчиво советовать главному учителю, чтобы тот находил общий язык с опытными приказчиками, а не обращался непосредственно к нему «через их головы».

Но Мосцепанов, похоже, не был склонен к примирению со своими противниками. Он попытался обратиться за помощью в борьбе с произволом к гражданским властям края. На суде Мосцепанов выдвинул тяжелейшие обвинения против заводского исправника Платонова и главных приказчиков Нижнетагильской конторы (Рябова, Матвеева, Морозова), в том числе в убийствах и жестоких пытках¹.

¹ Те, в свою очередь, предъявили ему не менее тяжкие обвинения: ложные доносы, подстрекательство к бунту, мужеложство с учениками Выйского училища, незаконное сожительство (при живой жене) с местной

За свои «доносы» Мосцепанов был уволен, а затем и осужден Екатеринбургским, потом Пермским судом к ссылке в Сибирь. Их приговор, правда, был отменен императором. Дело ограничилось высылкой Мосцепанова, который отсидел в тюрьме несколько лет, из Пермской губернии¹.

После этого скандального дела, по указанию Н. Н. Демидова, во всех контрактах с главными учителями Выйского училища появился пункт, запрещающий им вмешиваться в хозяйственные дела училища, а также заводские производства. Все намеченные ими перемены в учебном заведении могли проводиться только с согласия Нижнетагильской конторы. Кроме того, заводовладелец указал своим столичным конторам подыскивать нового главного учителя из статских чиновников, а не военных или священников².

Другим следствием деятельности Мосцепанова в Выйском училище стало появление института постоянных помощников учителя. В своем письме заводовладельцу от 24 сентября 1820 г. он отмечал, что хочет оставить у себя лучшего ученика, для того чтобы за три года сделать его учителем, чтобы не выписывать нового из Санкт-Петербурга.

Эта инициатива была поддержана заводовладельцем. По его мнению, специально подготовленный помощник из старших учеников Выйского училища должен быть в состоянии хотя бы временно исполнять обязанности учителя³.

Н. Н. Демидов, обративший в тот период особое внимание на Выйское училище, существенно расширил штат его учителей. Рисование и черчение стали преподавать Павел Баженов и Яков Арефьев, получившие образование в столичной Академии художеств. Они были переведены из закрытого в 1820 г. Нижнетагильского живописного училища⁴. Арефьева в должности учителя

пономарской дочерью. Часть из них суд признал недоказанными (см.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1819).

¹ Подробнее см.: Черноухов Э. А. Дело Е. М. Мосцепанова // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. – Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 244–248.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 392. Л. 46; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 510. Л. 16.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 535. Л. 13; Оп. 7. Д. 1753. Л. 10–10об.

⁴ Максяшин А. С. Рисование как дисциплина в учебных заведениях Урала XVIII – начала XX века. – Екатеринбург, 1994. С. 32–33.

черчения вскоре сменил Андрей Густомесов, а последнего – Иван Мокеев.

Кроме того, по указанию заводовладельца его Санкт-Петербургской конторой был нанят немец Иоганн Штицинг (в России «переименованный» в Ивана) для преподавания части воспитанников Выйского училища немецкого языка. Он приступил к работе в училище 16 апреля 1821 года.

По первому двухлетнему контракту Штицинг получал годовое жалование 600 рублей ассигнациями, квартиру с отоплением и освещением, женщину в прислугу, экипаж для выездов. В своем письме в Санкт-Петербургскую контору он отмечал его недостаток, даже заявив о своем намерении вместе с женой «добровольно привыкать к посту, чтобы не быть принужденным к нему в конце года»¹.

В 1823 г. Штицинг получил в Казанском университете официальное свидетельство на право преподавания. После этого он готов был заключить новый контракт на преподавание и немецкого, и французского языков. Для последнего Штицингу требовалось сдать в Перми соответствующий экзамен. При этом он просил увеличения своего жалования до 2400 рублей, так как предлагаемые ему 1200, за вычетом расходов на питание, получает «безграмотный иностранец при господском доме», а он – квалифицированный учитель².

Но Демидов не стал удовлетворять требований Штицинга. Он посчитал, что преподавать иностранные языки в Выйском училище могут и его заграничные воспитанники, а также лучшие выпускники. Те же, кого планировалось отправить для продолжения обучения за границу, должны были доучивать иностранные языки в Петербургской домово́й школе³.

Поэтому Штицинг в 1824 г. покинул Нижнетагильский округ, получив место учителя в Тобольской гимназии. По указанию заво-

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1753. Л. 26; Д. 1817. Л. 1.

² Там же. Д. 817. Л. 11–12; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 510. Л. 7–8.

³ Это учебное заведение действовало в 1822–1828 годах. В нее для завершения подготовки поступали и ученики из Выйского училища (см.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1355. Л. 11–12об; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 534. Л. 38).

довладельца преподавание немецкого языка для части воспитанников продолжил его лучший ученик Никифор Бредихин ¹.

После увольнения Мосцепанова место главного учителя в Выйском училище в течение трех лет оставалось вакантным. Первоначально его замещал престарелый местный приказчик Афанасий Булавин. За это он получал прибавку к пенсии в 150 рублей в год ². В 1824 г. должность главного учителя замещал выпускник Выйского училища Акинфий Попов с жалованием в 200 рублей. Его способности к преподаванию крайне низко оценил посетивший Нижнетагильские заводы осенью 1824 г. издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин, отметивший, что училище находится «в запущении» ³.

Поэтому в сентябре 1824 г. Московская контора Демидовых заключила новый контракт с «посторонним» (для заводов) учителем. Александр Федорович Аноев был воспитанником Московского коммерческого училища, имел звание кандидата коммерции с чином 14 класса. Он обязался три года работать главным учителем в Выйском училище на следующих условиях: 1,5 тысячи рублей жалования в год, господская квартира со слугой, бесплатное питание ⁴.

Однако уже в апреле 1825 г. Аноев выехал обратно в Москву. Официальной причиной отъезда стало отсутствие у него свидетельства на право преподавания. По мнению же Н. Н. Демидова, Аноев просто не поладил с кем-то из местных управляющих и был удален по достаточно формальному поводу. Ведь учитель был согласен сдавать в Казани соответствующий экзамен. К тому же, как отмечал заводовладелец, во многих училищах региона в тот период преподавали лица, даже находящиеся в крепостной зависимости ⁵.

Исполняющим должность главного учителя был вновь назначен А. Попов, жалование которому было повышено до 250 рублей. Его помощником стал другой выпускник Выйского училища Иван Малышев.

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. Д. 528. Л. 103об.–104; Д. 534. Л. 40.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1882. Л. 148.

³ См.: Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов... С. 60.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 448. Л. 43–44об.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 117; Д. 581. Л. 34–34об.

Для преподавания французского языка части учеников был определен обученный за границей Василий Шмаков, впавший в немилость у заводовладельца. Приказчики Нижнетагильской конторы в письме Н. Н. Демидову от 7 мая 1826 г. отметили, что назначенные ему 200 рублей жалования и обыкновенный хлебный провиант недостаточны для «соответственной экипировки и хорошего содержания». В проекте штата служителей округа 1830 г. предлагалось назначить исполняющему должность главного учителя Попову жалование в 500 рублей, а Шмакову – 250¹.

В 1825 г. для преподавания французского языка был привлечен (раз в неделю) и другой «заграничный воспитанник» Н. Н. Демидова – лекарский ученик К. Синицын, по мнению заводовладельца, лучше знавший язык. Шмаков проработал в училище до 1830 года. Временно преподавал французский язык в Выйском училище и другой старший лекарский ученик Шамарин, освобожденный от этой обязанности в 1827 г. после перевода в Нижнесалдинский госпиталь². Все они состояли в личной переписке с заводовладельцем.

Между тем Н. Н. Демидов был уверен, что главный учитель и доктор при Нижнетагильских заводах пока реально может быть только «из посторонних лиц» (для заводов – Э. Ч.), с которыми местная контора должна уживаться. Поэтому Санкт-Петербургская контора Демидовых в мае 1826 г. заключила контракт на 10 лет с Романом Никитичем Никитиным. Он был сиротой, получившим первоначальное образование в Воспитательном доме³. Не закончив обучения в Санкт-Петербургском педагогическом институте, Никитин служил мелким чиновником в канцелярии Санкт-Петербургского учебного округа с жалованием в 1800 рублей.

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 571. Л. 174–174об.; Д. 644. Л. 60б.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 456. Л. 5, 19; Д. 537. Л. 1–12; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 154; Д. 571. Л. 174–174об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 587. Л. 237.

³ Это учебное заведение для мальчиков-сирот, расположенное в Гатчине, относилось к ведомству императрицы Марии (с 1828 г. – IV Отделение е.и.в. Канцелярии). В 1837 г. на его базе был создан Сиротский институт (см.: Степанец К.В. Николай I и ведомство учреждений императрицы Марии // Философский альманах. – СПб., 1998. Вып. 6. С. 177).

Материальные условия его контракта были весьма привлекательными. Главному учителю гарантировалось жалование в 3 тысячи рублей, господская квартира с прислугой из двух человек, а также единовременное пособие в 10 тысяч рублей по истечению срока контракта ¹.

Причины подобной «щедрости» Н. Н. Демидова не отражены в имеющихся в нашем распоряжении источниках. В качестве возможных можно предположить круглое сиротство нового учителя (к концу жизни заводовладелец стал сентиментален) и его профильное образование, не требующее сдачи специального экзамена на право преподавания.

Никитин пользовался расположением заводовладельца, который согласился переписываться с ним 4–5 раз в год. В своих письмах Н. Н. Демидов отмечал, что надеется на его долгую службу в Выйском училище, а также организацию им популярного в тот период ланкастерского метода обучения для детей местных рабочих. Однако в конце 1827 г. Никитин скоропостижно умер ².

После этого Санкт-Петербургская контора сообщала Н. Н. Демидову, что нанять нового учителя для Выйской школы, «в такое отдаленное и глухое место», крайне трудно. Она не советовала публиковать объявления в газетах, учитывая плачевный опыт с Мосцепановым, по которому наводили справки почти полгода, но ошиблись ³.

Н. Н. Демидов в письме Нижнетагильской заводской конторе от 10 марта 1828 г. категорически не соглашался с назначением на должность главного учителя Выйской школы местного священника. Он объяснял это невозможностью для него плодотворно совмещать две должности и необходимостью держать учеников в строгости, в том числе иногда наказывать их за проступки, что «несогласно со званием священника» ⁴.

Исполняющим должность главного учителя в Выйском училище вновь стал Акинфий Попов. Его педагогическая деятельность, к которой он явно не был подготовлен, закончилась сканда-

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 2119. Л. 1–9; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 571. Л. 95–95об.; Д. 605. Л. 85об.

² См.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 535. Л. 1–13об.; Оп. 7. Д. 2225. Л. 1–6.

³ Там же. Оп. 3. Д. 576. Л. 215.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 605. Л. 142.

лом. Нижнетагильская контора обвинила Попова в корыстном использовании своего служебного положения. Он, живя с семейством в здании училища, отдавал хозяйственные распоряжения, что, естественно, не входило в его компетенцию.

Исполнять обязанности главного учителя с 1830 г. стал И. Малышев. Ему помогали в преподавании несколько помощников из таких же воспитанников Выйского училища. Многие из них, сами не получившие должного образования и воспитания, явно не соответствовали своему предназначению. Так, в 1834 г. помощник учителя Выйского училища Шиленков во время вечерней молитвы избил одного из воспитанников, а затем «непристойно ругался в спальном комнате». По предписанию заводской конторы ему был объявлен строгий выговор. И такие случаи были далеко не единичны¹.

Новый заводовладелец П. Н. Демидов также осознавал необходимость найма «постороннего» главного учителя для Выйского училища с соответствующим образованием, несмотря на явное противодействие этому главномуполномоченного и местных управляющих. В январе 1831 г. должность старшего учителя должен был занять Егор Васильевич Мохонов с годовым жалованием две тысячи рублей, сведений о деятельности которого обнаружить не удалось².

В январе 1833 г. Нижнетагильским заводоуправлением был заключен четырехлетний контракт со штатным смотрителем Верхотурского уездного училища 30-летним титулярным советником Егором Васильевичем Мироновым, происходившим из обер-офицерских детей. Переход Миронова, выпускника Казанской гимназии, имевшего жену и дочь, в частное учебное заведение был явно вызван материальными соображениями. Ему полагалось годовое жалование в две тысячи рублей ассигнациями (571 рубль 43 копейки серебром) в год, провиант, готовая квартира, прислуга из двух человек, оплата путевых расходов. Нижнетагильская контора оценила «натуральные» надбавки («пособия») главного учителя в 1671 рубль ассигнациями (в эту сумму входила и ежегодная награ-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 605. Л. 84; Д. 624. Л. 56–56об.; Д. 659; Д. 703. Л. 38.

² Ларионов П. П. Указ. соч. С. 3.

да в 400–500 рублей). В 1837 г. он заключил новый четырехлетний контракт на подобных условиях ¹.

Миронов стал именоваться смотрителем и главным учителем Выйского училища. Он также являлся и смотрителем училищ всего Нижнетагильского округа. Последнее было связано с формированием здесь сети приходских и церковно-приходских (по другой терминологии – домашних) училищ, что будет рассмотрено в следующем параграфе ².

Миронову удалось наладить хорошие отношения с Нижнетагильской конторой. Он был уволен по собственному желанию только в 1843 г., перебравшись смотрителем училищ в Пермь. В 1849 г. Миронов получил от главноуправляющего Нижнетагильскими заводами Д. В. Белова лестные рекомендации для поступления на службу смотрителем училища в Невьянском заводе ³.

Новым смотрителем и главным учителем Выйского училища в 1843 г. был определен дворянин Лев Николаевич Ибрагимов. Этот выпускник Казанского университета работал учителем в 1-й Казанской гимназии, дослужившись здесь до чина титулярного советника. Переход 26-летнего Ибрагимова в частное учебное заведение также был вызван материальными соображениями. По условиям контракта он получал 2 тысячи рублей жалования в год, готовую квартиру с прислугой из двух человек, экипаж и 350 рублей единовременного пособия «на обзаведение» ⁴.

По неизвестным нам причинам новому главному учителю и такого содержания не хватало ⁵. В 1850 г. Ибрагимов в просьбе об увольнении управляющему Д. В. Белову писал, что за 6 лет службы он «ничего не скопил на будущее время», не имеет денег даже

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 510. Л. 15–16об.; Д. 745. Л. 83–88; Д. 758. Л. 156; Д. 801. Л. 83–86.

² См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 94–96.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 959. Л. 23–23об.

⁴ Там же. Д. 879. Л. 22–22об.; Д. 919. Л. 30–32.

⁵ А он в то время еще не имел семьи. Впоследствии Ибрагимов женился и имел пятерых детей. В 1874 г. он умер в поселке Нижнетагильского завода в совершенной бедности. Три его малолетних сына были помещены в местный приют (Журналы VII очередного Верхотурского уездного земского собрания 1876 г., доклады управы и другие приложения. – Пермь, 1877. С. 419–420).

на отъезд из заводов, да еще и «обременен долгом в тысячу рублей». Ибрагимов мотивировал оставление службы в училище семейными обстоятельствами: переездом к старой матери. Заводоуправление выделило ему пособие в 300 рублей ¹.

В 1845 г. в Выйском училище появился еще один достаточно квалифицированный учитель – 23-летний сын вольноотпущенника Демидовых Егор Ильич Швецов. Этот выпускник Екатеринбургского уездного училища сдал экзамен на звание домашнего учителя в Казанском университете ².

Новым смотрителем Выйского училища в 1850 г. был назначен местный заводской служитель 37-летний Алексей Петрович Ерофеев. После окончания Выйского училища он на средства заводовладельцев продолжил обучение в известной Фрейбургской горной академии. Затем Ерофеев работал в Нижнетагильском округе, получил вольную, а с 1836 г. и преподавал в Выйском училище черчение, а также вел практические занятия с его воспитанниками на заводских производствах.

Являясь смотрителем, Ерофеев продолжал вести занятия по специальным дисциплинам (минералогии, черчению планов и др.). К их преподаванию в Выйском училище были привлечены по совместительству и заводские служители Н. А. Рябов, Г. И. Ягодин. Ерофеев отказался от должности смотрителя в 1856 г. ³

Последним смотрителем Выйского училища стал Родион Матвеевич Рябов (его имя зачастую писалось как Иродион, в том числе им самим). Его отец – приказчик Матвей Родионович Рябов получил вольную еще в 1815 году. После смерти своего друга (директора заводов М. Д. Данилова) он стал первым приказчиком Нижнетагильской конторы ⁴.

И. М. Рябов получил образование в Санкт-Петербургской домово́й школе Демидовых, Московском коммерческом училище и даже окончил часть курса Московского университета. Однако его

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 980. Л. 58–58об., 74–74об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 888. Л. 50–50об., 74об.–75.

³ Там же. Д. 1029. Л. 230; Д. 1131. Л. 6–7; Оп. 2. Д. 100. Л. 34–34об.

⁴ Н. Н. Демидов писал М. Р. Рябову, которого характеризовал как «умного и прозорливого человека»: «Хотя Вы и не названы от меня директором, но по существу дела Вы им есть, ибо Вы первый приказчик» (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 131. Л. 33, 44).

отец умер 6 января 1823 г., когда Иродиону было всего 13 лет, и тот не сумел ни завершить обучение, ни сделать престижной служительской карьеры.

В 1827 г. Санкт-Петербургская контора не рекомендовала брать на службу по счетному отделению «обыкновенного мальчика» (к тому же вольного) И. М. Рябова. Этот отзыв был во многом обусловлен мнением приказчика Соловьева, вызванным «наследственными неприятностями, бывшими между их отцами». Н. Н. Демидов согласился с этой рекомендацией ¹.

Не получив выгодной должности по финансовой части, И. М. Рябов в 1836 г. сдал экзамен на звание домашнего, а затем и уездного учителя и недолго преподавал в доме купца. Но в 1837 г. он все-таки поступил на службу к нижнетагильским Демидовым, став единственным учителем Выйского училища, имевшим права государственной службы. По выслуге лет Рябов стабильно получал чины, дослужившись до коллежского секретаря. Он имел в заводском поселке собственный каменный дом и многочисленное семейство – шесть детей ².

В 1856 г. 46-летний Рябов был назначен смотрителем Выйского училища. Он активно сочетал преподавание с научной и общественной деятельностью. Рябов (при помощи своего родственника – другого известного служителя Д. П. Шорина ³) составил первое обширное описание Нижнетагильских заводов, опубликованное в Ученых записках Казанского университета, принимал участие в археологических разведках ⁴, длительное время исполнял обязанности церковного старосты.

С преобразованием в 1862 г. Выйского училища в Нижнетагильское реальное Рябов остался не у дел. К тому времени он уже серьезно болел и на следующий год умер ⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 6; Д. 576. Л. 90; Оп. 7. Д. 1506.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 879. Л. 62–63; Д. 919. Л. 36–37.

³ См.: Микитюк В. П. Дмитрий Петрович Шорин // Нижний Тагил в лицах: общественные деятели Тагила XIX – начала XX века. – Нижний Тагил, 1998.

⁴ См.: Сочинение учителя И. Рябова «О древностях, находящихся в округе Нижнетагильских заводов гг. Павла и Анатолия Николаевича Демидовых» 1838 г. // Архивы Урала. 2002. № 1(7). С. 113–118.

⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1801. Л. 13–13об.

Следует сказать и о несостоявшемся руководителе Выйского училища. В 1859 г. по приглашению Павла Павловича Демидова, из столицы на должность учителя математики приехал Константин Павлович Поленов, окончивший Московский университет и геодезическое отделение Академии Генерального штаба. Планировалось, что он станет директором в преобразованном учебном заведении. Однако Поленов сразу увидел, что «учительство не сахар», не особо выгодно в материальном плане, и вскоре перешел на «заводскую службу». В 1864–1902 гг. он служил управителем второго по значимости в округе Нижнесалдинского завода, где проявил себя как известный изобретатель¹.

Таким образом, в Выйском училище в 1806–1862 гг. сменилось значительное количество учителей (см. прил. 2). Заводовладельцы осознавали необходимость найма главного учителя из «посторонних» для заводов людей, получивших соответствующее образование. Располагая значительными средствами, они обеспечивали главных учителей, а затем и смотрителей Выйского училища достаточно высоким жалованием и социальным статусом.

Однако даже на весьма привлекательных условиях заключаемых контрактов Демидовым было трудно найти желающих отправиться на далекий Урал с его весьма «дикими» нравами. В основном это были еще достаточно молодые люди, не имевшие семьи и испытывавшие материальные трудности (Аноев, Никитин, Миронов, Ибрагимов, Рябов), а также лица с несложившейся судьбой (Мосцепанов). Причем часть из них не смогла «прижиться» на заводах и быстро покинула Выйское училище (Мосцепанов, Аноев, Ибрагимов). Успешно обосновывались здесь в основном местные уроженцы (Миронов, Рябов).

Во время отсутствия квалифицированных главных учителей их должность временно исполняли местные священники, престарелые заводские служители или выпускники самого Выйского училища. Их уровень подготовки не соответствовал задачам, поставленным перед этим учебным заведением. Поэтому заводовла-

¹ Грум-Гржимайло В. Е. Указ. соч. С. 63; Танкиевская И. Н. Константин Павлович Поленов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX – начала XX века. – Екатеринбург, 1999. С. 81–89.

дельцы последовательно искали новых квалифицированных учителей.

С 1833 г. им в целом удалось решить проблему главного учителя и смотрителя в Выйском училище. Эту должность, вплоть до его реорганизации, занимали лица, получившие высшее или незаконченное высшее образование. Большинство из них были местными уроженцами, лучше адаптировавшимися к условиям жизни в горнозаводском поселке.

После этого Выйское училище стало заслуженно иметь высокую репутацию на горнозаводском Урале. Это прекрасно показывают отчеты проверявших его лиц, а также стремление ряда заводладельцев края поместить в него несколько учеников из своих крепостных людей.

3.3. Начальные учебные заведения

В начале 1820-х гг. Н. Н. Демидов посчитал, что необходимо обучать и часть сыновей рабочих Нижнетагильского округа. Им планировалось «привить» элементарную грамотность с помощью популярного в то время ланкастерского метода взаимного обучения¹.

Первые опыты его применения на Нижнетагильских заводах относятся еще к 1821 году. Для этого местный служитель К. Белов был обучен ланкастерскому методу в Санкт-Петербурге. Здесь же были закуплены и отправлены в округ необходимые принадлежности: таблицы и т.п. Под присмотром Мосцепанова Белов должен был начать обучение 200–300 мальчиков. За 2–3 года, в свободное от заводских работ время, они должны были овладеть элементарной грамотой². Однако этот проект не был реализован из-за скандального отстранения Мосцепанова.

В письме главному учителю Выйского училища Никитину в 1827 г. Н. Н. Демидов вновь вернулся к этой идее, напомнив об уже имевшихся в округе необходимых таблицах. Он предложил

¹ Белл-Ланкастерская система (система взаимного обучения) – форма учебной работы, сущность которой состояла в обучении более старшими и знающими учениками учеников младшего возраста. Со временем она была отвергнута из-за того, что основывалась на механическом запоминании и постоянном шуме в классах.

² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 131. Л. 10.

обучать по ланкастерскому методу 50–100 сыновей рабочих в праздничные, воскресные дни и свободное время ¹. Однако эта инициатива опять не была реализована из-за скоростной смерти Никитина.

В письме Нижнетагильской заводской конторе от 10 марта 1828 г. Н. Н. Демидов выразил удовлетворение появившемуся разрешению Уральского горного правления на открытие школ взаимного обучения. Заводовладелец предписал обучать по ланкастерскому методу до 150 сыновей рабочих по часу-два в день, перед работой или после нее. Самых толковых из них даже разрешалось затем принимать в Выйское училище. Остальные же дети, как отмечал Н. Н. Демидов, «научившись читать и немного писать, хотя и поступят после в работы, но все не забудут того, что приобрели учением» ². Но и этот проект не был реализован на этот раз из-за смерти самого владельца.

В середине 1830-х гг. в дело организации учебных заведений при частных горных заводах Урала вмешалось государство. 13 февраля 1835 г. пермский губернатор секретным письмом довел до сведения всех заводоладельцев, что для ослабления влияния раскола в губернии «его императорское величество повелел соизволить г. министру внутренних дел сообщить владельцам заводов озаботиться об учреждении училищ, подобных Новоусольскому Строгановых и Нижнетагильскому Демидовых». Через год заводоладельцам, ссылавшимся на отсутствие сведений о них, были отправлены подробные записки с целями и программами обучения.

Отметим, что в указе в качестве образцовых были названы училища разного уровня. В Новоусольском было всего 3 учителя, 55 учеников и программа первоначального обучения. Строгановы выделяли на него всего до 800 рублей в год. Нижнетагильское (Выйское) училище Демидовых в 1835 г. имело 11 учителей, 160 учеников, программу шире курса уездных училищ и годовой бюджет более чем в 30 тысяч рублей ассигнациями ³.

Эта политика центральных властей, а также объективные потребности развития горнозаводских производств способствовали

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 535. Л. 13–13об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 605. Л. 142об., 155об.

³ РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1069. Л. 12, 31; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 775. Л. 1, 10–14.

значительному увеличению числа учебных заведений в частных горных округах Урала. Во второй половине 1830-х гг. здесь было открыто более двух десятков новых училищ¹. Причем самое большее число начальных учебных заведений, называемых в отчетах и переписке «приходскими» или «народными» училищами, было создано в Нижнетагильском горном округе Демидовых.

Здесь уже в 1834 г. (т.е. еще до императорского повеления) было открыто Висимоуткинское училище для сыновей мастеровых. Инициатором его создания стал один из главных приказчиков Д. В. Белов, который заслужил репутацию «главного ревнителя по устройству школ, госпиталей и аптек» в округе².

Училище было открыто во флигеле недавно построенного госпиталя и предназначалось для 50 мальчиков в возрасте до 12 лет (времени поступления «в работы»). Его учителем был назначен местный священник И. Чернавин, которому планировалось доплачивать по 200 рублей за преподавание.

Руководство Санкт-Петербургской конторы не одобрило эту инициативу, заявив, что желающих учиться в округе будет слишком много: до 1000 человек. По их мнению, они могут обучаться и частным образом – у пенсионных служителей и других грамотных лиц, которым местные заводские конторы могут доплачивать незначительные суммы.

Тогда руководители Нижнетагильской конторы 14 июня 1835 г. предоставили развернутую записку с обоснованием своей позиции, правда, признав, что поторопились с открытием Висимоуткинское училища, не получив соответствующей санкции. Они отмечали, что желающих учиться будет не более 400 человек, которые с 12 лет все равно поступят в работы. По мнению руководителей конторы, обучать их у местных пенсионных служителей дорого и сомнительно для их нравственности (те зачастую используют учеников как прислугу). Поэтому дешевле выделить примерно тысячу рублей на доплату священникам и канцелярские товары. Они ссылались и на поступившие вышеназванные указания правительства открывать подобные учебные заведения, а также неодно-

¹ См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 95–97.

² См.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 328. Л. 23.

кратно высказываемые заводовладельцами пожелания по «распространению просвещения» в округе ¹.

В 1835 г. Нижнетагильская контора получила согласие на открытие еще четырех училищ. При этом планировалось, что в них, кроме сыновей мастеровых, будут получать первоначальное образование и малолетние дети служителей, еще не попавшие в ограниченный штат Выйского училища, который Санкт-Петербургская контора к тому же планировала сократить ².

После дополнительных согласований было открыто шесть новых училищ: в 1836 г. – при Нижнесалдинском, Черноисточенском и Нижнетагильском; в 1837 г. – Верхнесалдинском; в 1839 г. – Висимошайтанском заводах и селе Воскресенском (см. прил. 4). В 1839 г. в этих 7 приходских училищах обучалось 223 мальчика. В 1840 г. их количество уменьшилось до 202 ³.

Эти учебные заведения действовали на основании специального «Положения», утвержденного заводовладельцем в 1835 г. Они находились в епархиальном ведении, но общий надзор за их деятельностью осуществлял главный учитель Выйского заводского училища. Заводоуправление выделяло помещение для занятий (одну или несколько комнат), от размера которого, главным образом, зависело количество учеников, а также учебные книги и принадлежности. Учителями обычно назначались местные священники, получавшие за преподавание дополнительное жалование. В училища принимались исключительно сыновья мастеровых и работников вспомогательных производств 8–9 лет, обязательно привитые против оспы. Их обучали первоначальной грамоте: закону Божьему, чтению, письму, началам арифметики и грамматики. По достижению 12 лет мальчики определялись к заводским работам.

Состав этих учебных заведений был достаточно стабильным. В 1841 г. к ним добавилось училище при Лайских заводах, но подобное в селе Воскресенском прекратило свою деятельность на несколько лет. В 1843 г. эти семь учебных заведений были переданы в ведение Министерства народного просвещения, но остались

¹ Там же. Оп. 3. Д. 420. Л. 26–29.

² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 233. Л. 42об.–43.

³ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 745. Л. 64–65; Д. 758. Л. 229–230; Д. 801. Л. 43–50.

на содержании заводовладельцев, тративших на них до 4450 рублей ассигнациями в год ¹.

Постепенно во все эти училища, в дополнение к священникам, было назначено по одному гражданскому учителю из служительского штата. Количество учащихся в приходских училищах постепенно росло. Так, к концу 1846 г. в них числилось 265 учеников ². Впоследствии самым известным воспитанником стал будущий писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. Он обучался в Висимошайтанском приходском училище, где в 1852–1878 гг. преподавал его отец – местный священник Н. М. Мамин ³.

В 1840-х гг. в Нижнетагильском горном округе появилась другая разновидность начальных школ для детей мастеровых и крестьян. Это были епархиальные или домашние (позднее их станут именовать церковно-приходские) училища, созданные при православных и единоверческих церквях и часовнях. Ведь в тот период времени в России значительная роль в деле распространения просвещения отводилась Русской православной церкви, которая имела самую разветвленную сеть учебных заведений в империи ⁴.

3 сентября 1836 г. были утверждены «Правила для обучения детей поселян, в том числе раскольниковых», первоначально распространенные на все губернии, населенные раскольниками. В них духовенство призывалось к безвозмездному обучению детей в «домашних школах». 13 февраля 1837 г. действие Правил было распространено на девочек. Устав духовных консисторий, утвержденный 27 марта 1841 г., также «вменял в обязанность» епархиальному начальству «располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ» ⁵.

Первое мужское единоверческое училище при храме Пресвятой Богородицы Нижнетагильского завода было открыто 26 октября 1837 г. Однако в 1842 г. оно было закрыто «по малому числу

¹ Там же. Д. 703. Л. 39–42; Д. 745. Л. 64–69, 143–149; Д. 879. Л. 27–27об.

² Там же. Д. 891. Л. 24; Д. 898. Л. 252.

³ См.: Павлова Т. На уроки к батюшке // Уральский музей. 2005. № 11(13). С. 6.

⁴ См.: Сысоева Е. К. Народная школа // Очерки истории русской культуры XIX в. – М., 2001. Т. 3. С. 31.

⁵ См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 93.

учеников»¹. В 1846 г. в Нижнетагильском округе были созданы четыре мужских единоверческих училища (см. прил. 4).

15 марта 1847 г. был издан императорский указ, «вменяющий в обязанность» владельцам селений в местах распространения раскола иметь не менее одного училища на две тысячи душ населения. Министерство внутренних дел довольно жестко контролировало его выполнение на Урале, требуя от заводовладельцев ежегодных отчетов, а также устранения замеченных недостатков.

В результате на рубеже 1840–1850-х гг. при уральских частных горных заводах было открыто более двадцати новых учебных заведений, предназначенных для обучения элементарной грамоте детей всего заводского населения. Большинство из них поступило в епархиальное ведение, а содержалось, главным образом, на средства заводовладельцев².

В Нижнетагильском округе в 1847–1850 гг. были открыты сразу 11 новых училищ, в том числе 8 единоверческих и 3 православных (см. прил. 4). Все они поступили в епархиальное ведение. Новые училища располагались в небольших помещениях: флигелях или комнатах при церквях, квартирах священников. Соответственно, число учеников обычно не превышало трех десятков человек в каждом.

Занятия велись так называемым «домашним способом», в соответствии с «Правилами для обучения детей поселян» 1836 г. Курс обучения был рассчитан на два года и включал в себя предметы первоначальной грамоты: закон Божий, чтение, письмо и арифметику. Заводоуправление выделяло средства на отопление, освещение, охрану помещений, приобретение учебных пособий и принадлежностей. Кроме того, на устройство и содержание этих училищ шли пожертвования состоятельных прихожан округа³.

Практически сразу выяснилось, что утвержденного в 1849 г. Авророй Карловной Демидовой-Карамзиной училищного штата реально не хватает. Главной проблемой стал отказ большинства местных священников «безмездно» (бесплатно) преподавать в «домашних» школах, они добивались назначения дополнительного

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 758. Л. 229–230; Д. 841. Л. 80–81.

² См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 140–142.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1450. Л. 1–2; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1025.

жалования. Но Нижнетагильское заводоуправление настаивало на том, что духовные лица и так имеют штатное содержание, регулярно получают различные награды от заводовладельцев и при открытии училищ согласились обучать «безмездно», как и предписывали Правила 1836 года. В результате стороны пришли к определенному компромиссу: часть священников стала получать доплату за преподавание¹.

Среди этих учебных заведений были и первые училища для девочек. Здесь в курс обучения, кроме предметов первоначальной грамоты и закона Божьего, входило рукоделие. В эти училища принимали дочерей всех работающих в горнозаводском хозяйстве округа².

Женское училище при Входа-Иерусалимской церкви Нижнетагильского поселка считалось привилегированным: здесь имелись отдельные классы для дочерей служителей. В 1853 г. оно было преобразовано в учебное заведение «повышенного типа» – Анатольевское училище. Второй пункт устава, утвержденного главным управляющим заводами округа А. И. Кожуховским, четко определял его цель: «чтобы соответственно образованию, даваемому служащим, предназначенным быть деятелями обширной администрации, приготовить для них и жен с воспитанием и понятиями, свойственным их положению».

Таким образом, Анатольевское училище стало вторым «внутрисловным» учебным заведением в округе, своеобразным образом, дополняющим Выйское заводское. Оно предназначалось исключительно для дочерей служителей. Возраст приема был установлен в 9–12 лет. 20 воспитанниц из числа круглых сирот поступали на полное пансионное содержание заводовладельцев. Вскоре в число пансионеров также стали принимать дочерей умерших служителей и имеющих неродных матерей, и даже из малообеспеченных служительских семей.

Курс обучения, рассчитанный на четыре года, составляли: закон Божий, русский язык, арифметика, начала географии и истории, чистописание, рукоделие, домоводство и огородничество. В учебном отношении Анатольевское училище подчинялось епархи-

¹ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1096; Оп. 2. Д. 180А. Л. 6–7об.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1450. Л. 1–2.

альному начальству, в хозяйственном – заводоуправлению, выделявшему на его содержание 1.800 рублей серебром ежегодно ¹.

Воспитание в училище строилось с целью «утвердить воспитанниц в правилах веры и доброй нравственности, без которых знание бесполезно, и, отстраняя их от всякой склонности к праздности и всякой роскоши, направить к добросовестному исполнению обязанностей жены и матери, к необходимым в семейном быту условиям умеренности и труда и к содержанию на своих руках домашнего хозяйства». Воспитанницы должны были сами обслуживать себя: помогать персоналу на кухне и огороде, следить за своим бельем, убирать в комнатах, поэтому при училище состояло минимум прислуги ².

В 1850-х гг. несколько раз поднимался вопрос о статусе «домашних школ» при уральских частных горных заводах. В 1857 г. их попытались подчинить своему ведению МНП. Однако Уральское горное правление отказалось предоставить необходимые сведения.

В 1859 г. вопрос о переподчинении части «домашних школ» Министерству народного просвещения подняла уже верхушка уральского духовенства. Но это встретило решительные возражения ряда заводоуправлений, особенно Нижнетагильского. Управляющие заводами не желали увеличения отчетности о деятельности этих училищ и, главное, необходимости сдачи их учителями специального экзамена на право преподавания, установленного в учебных заведениях МНП ³.

Уровень обучения был существенно выше в приходских училищах. Ведь многие духовные лица, преподававшие все предметы в епархиальных учебных заведениях, либо не имели свободного времени для обучения, либо охоты к нему, либо соответствующего образования. К тому же большинство из них не получали за преподавание регулярной дополнительной платы.

С количеством воспитанников частных училищ напрямую связан уровень грамотности населения в заводских поселках. Во многих частных горных округах, особенно крупных, он был не-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1067. Л. 1–4; Д. 1115. Л. 12–16.

² См.: Черноухов Э. А. Из истории воспитания... С. 42.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1277, 1432.

сколько выше, чем в целом по Уралу, где к началу 1860-х гг. грамотность не превышала 3% ¹. В заводских поселках, где действовали училища, уровень грамотности достигала 10%.

Еще несколько выше он был в Нижнетагильском округе Демидовых, выделявшемся большим числом действовавших учебных заведений. Здесь различные источники зафиксировали 10–11% грамотного населения уже в начале 1840-х гг. ²

Причем среди более чем 500 служителей остались «малограмотными» всего несколько человек. Проведенный нами анализ формулярного списка этой категории горнозаводского населения округа показывает, что три четверти из тех, у кого указано место получения образования, закончили учебные заведения, содержащиеся Демидовыми. Среди выходцев из служительских семей их было до 90%, а из дворовых – до 80%. Только четверть служителей, главным образом выходцы из рабочих, имели домашнее образование ³.

Таким образом, к 1861 г. в Нижнетагильском горнозаводском округе сложилась разветвленная сеть учебных заведений. Она, кроме Выйского заводского училища, включала в себя 8 приходских училищ, находящихся в ведении Министерства народного просвещения, и 14 (православных и единоверческих) училищ епархиального ведения. В этих 22 начальных учебных заведениях обучалось 558 мальчиков и 206 девочек ⁴.

3.4. Благотворительные заведения

Проблема дефиниции «благотворительность» остается дискуссионной. По нашему мнению, самым удачным является определение, предложенное А. Р. Соколовым: «Благотворительность есть добровольная, факультативная социальная деятельность, связанная с безвозмездной передачей материальных ценностей, в том числе созданных трудом в процессе самой благотворительной дея-

¹ Серебренников Ю. Н. Уровень грамотности и образования населения Урала (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 1998. С. 13.

² Шорин Д. П. Указ. соч. Л. 18–18об.; ГАПК. Ф. 297. Оп. 3. Д. 315. Л. 12; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 334. Л. 14–15.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 793.

⁴ Там же. Д. 1499. Л. 158–159.

тельности, направленная на достижение большего социального благополучия».

Принципиальным моментом является то, что как только какое-либо благотворительное учреждение попадает в сферу государственного регулирования и финансирования, оно меняет свою социальную природу, становясь частью системы государственного призрения или социального обеспечения. При этом в Российской империи XIX в. государственная система призрения и благотворительность часто выступают в формах смешанных, пограничных, в которых различные по своей социальной природе компоненты находятся в сложной взаимосвязанности ¹.

Подобное положение было характерно и для горнозаводского Урала. Здесь попечение хозяев о рабочих, по формам абсолютно воспроизводившее благотворительные передачи, на деле было регламентированной законом и местными постановлениями системой обязательных выплат. Оно во многом было основано не на добровольных побуждениях заводовладельцев, а на вынужденных уступках требованиям времени и обеспечению себя физически здоровой рабочей силой ².

Естественно, что и деятельность нижнетагильских Демидовых в этой сфере нельзя назвать благотворительностью в «полном смысле этого слова», так как она не была бескорыстной помощью частным лицом ³. Однако автор все-таки склонен определять рассматриваемые здесь заведения как благотворительные, так именно эта дефиниция представляется наиболее оправданной из всех.

Они не имели никакого государственного финансирования и были созданы по инициативе Демидовых. Государственные органы не имели реальных механизмов для принуждения заводовладельцев создавать подобные заведения, которые были учреждены всего в нескольких частных горных округах Урала.

Их самая разветвленная сеть в регионе в первой половине XIX в. была создана и достаточно успешно действовала в Нижнетагильском округе Демидовых. Это была целая система благоотво-

¹ Соколов А. Р. Указ. соч. С. 80.

² См.: Орлов П. А. Становление системы социального обеспечения горнозаводского населения на Южном Урале в пореформенный период (1861–1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2000.

³ Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 19.

рительных заведений: воспитательный или приемный дом, богадельня, приюты, причем первые из них появились еще в предшествующем столетии.

Самые ранние сведения о благотворительных заведениях (приемном доме и богадельне) при Нижнетагильских заводах относятся к 1760-м гг.¹ В указании Н. А. Демидова Нижнетагильской конторе 1763 г. имеется фраза об определении одиноких людей в «богадельню в силу прежнего повеления»². По данным Н. К. Чупина, в 1766 г. в Нижнетагильском поселке был построен деревянный дом для воспитания «приносных» детей, где они должны были содержаться до своего совершеннолетия³. О его существовании в этом году упомянул и известный путешественник П. С. Паллас. По его сведениям, здесь принимали незаконнорожденных младенцев «во всякое время дня и ночи»⁴.

Возможно, его создание было связано с учреждением в 1763 г. первого в России Московского воспитательного дома «для приносных детей». Однако дальнейшая деятельность этих заведений практически не прослеживается в имеющихся в нашем распоряжении источниках.

Н. Н. Демидов в своих письмах приказчикам Нижнетагильской конторе регулярно указывал на необходимость «благоденствия», «благого дела для человеколюбия» и т.п. Подобные выражения применялись и его сыном Павлом, а затем женой последнего – А. К. Демидовой-Карамзиной.

Опасаясь относительной убыли населения и нехватки рабочих рук, заводовладельцы обратили внимание на незаконнорожденных детей. В тот период времени, в условиях развернувшейся модернизации, закономерно четко прослеживалась тенденция роста их количества. Еще в 1786 г. в Нижнетагильском округе выдавались небольшие пособия семьям, воспитывающим незаконнорожден-

¹ Еще ранее упоминалась богадельня в документах по разделу демидовских владений 1745–1747 годов. Она действовала при Невьянском заводе, отошедшем к П. А. Демидову, и насчитывала 289 человек, «в раздел не положенных» (Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Ф. 10. Оп. 10. Д. 22. Л. 8об.).

² Редин Д. А. Указ. соч. С. 196; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 199.

³ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 46. Л. 19–19об.

⁴ См.: Дашкевич Л. А. Уральские горнозаводчики... С. 68.

ных детей. На самых маленьких полагалось по 20–25 копеек в месяц для приобретения молока ¹.

Во время единственного посещения Нижнетагильских заводов в 1806 г. Н. Н. Демидов предписал создать в центре Нижнетагильского заводского поселка «воспитательный дом» для приема незаконнорожденных младенцев. Здесь следовало принимать, лечить и передавать на воспитание приемным родителям подкидышей ².

При этом заводовладелец поинтересовался у приказчиков, а принадлежат ли ему эти незаконнорожденные дети. Ведь по законодательству Екатерины II из воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга все воспитанники выходили вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем. Те успокоили Н. Н. Демидова, ответив, что поскольку «заведения сии для несчастно рожденных не есть публичные и формальные, ... следовательно, все таковые дети по правилам принадлежат к крепостному состоянию, которые и по ревизиям записываются с прочими без исключения». Ни о каком альтруизме заводоладельца не было и речи, налицо сочетание прагматизма с патернализмом ³.

К сожалению, воспитательные дома и пансионаты нередко превращались в кормушку для нечистоплотных лиц. Жуткое описание положения в Нижнетагильском воспитательном доме дал бывший главный учитель Выйского училища Мосцепанов во время следствия по его делу (1821 г.). В тесной избушке с нечистым воздухом в решетках из прутьев лежали по 2–3 ребенка без всякого белья, нередко просто брошенные надзирательницей – женщиной «ззорно-го поведения». Ответственный за воспитательный дом приказчик расхищал средства, выделенные на его содержание. В результате этого «крайности голода вынуждали сих младенцев ручонками своими искать в щелях тараканов, которых с жадностью они и ели». В открыто презираемом приказчиками заведении за все время его существования практически никто не выжил ⁴.

¹ Голикова С. В. Документ 1786 года... С. 230.

² Но «Описание» берг-инспектора П. Е. Томилова 1807–1809 гг. зафиксировало единственный воспитательный дом в поселке Невьянского завода (центре демидовских владений на Урале в первой половине XVIII в.), где находилось 29 детей, в том числе 14 незаконнорожденных.

³ Цит. по: Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов... С. 61.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1819. Л. 31–32.

В 1824 г. дело о смерти от голода двухнедельной воспитанницы этого заведения, в котором в то время находилось 6 детей в возрасте от нескольких недель до 12 лет при одной кормилице, дошло до Санкт-Петербургской конторы. Приказчик П. С. Соловьев отрицал свою вину, перекладывая ее на Нижнетагильскую контору во главе с управляющим Григорием Матвеевым¹, которая Она не отпускала в воспитательный дом необходимых продуктов, а две его коровы не давали молока.

В 1825 г. врач Нехведович отказался принять в заведение воспитательный дом в существующем виде. В письме заводовладельцу он объяснил, что это маленькая избушка с антисанитарными условиями, в которой и «взрослому неприятно быть». Он предложил переименовать его в дом для приема незаконнорожденных, чтобы уберечься от «чрезмерных требований Правительства, предъявляемых к воспитательным домам»².

В ответном письме заводовладелец, сетуя на то, что уже 19 лет не удастся завести достойный воспитательный дом, соглашался на его переименование³. При содействии Нехведовича (и новых угроз Н. Н. Демидова Нижнетагильской конторе) 1 июля 1825 г. он был переведен в переоборудованную освободившуюся усадьбу на тихой улице. Здесь заведение имело четыре комнаты и все необходимые хозяйственные постройки: баню, хлев, погреб, ледник. Под его окнами был прибит специальный ящик, чтобы младенцы-подкидыши не лежали на земле до того времени, пока их обнаружат поселенные здесь надзирательница или служитель⁴. Незакон-

¹ Н. Н. Демидов весьма колоритно оценивал этого руководителя: «прекрасно знает свою часть – выковку железа, но пьет запоем» (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 315. Л. 48).

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 9–10; Оп. 7. Д. 2002. Л. 3–4об.

³ Организация и деятельность воспитательных домов в тот период времени вызвала недовольство верховной власти. В 1828 г. было принято решение об их ликвидации (см.: Дашкевич Л. А., Исаева М. В. Формирование института призрения детства в Пермской губернии: государственная и частная инициатива // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 144–145).

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 382. Л. 9–9об.; Д. 383. Л. 13–13об.; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 161об.–162, 183; Д. 571. Л. 178–178об.

норожденных детей и подкидышей также принимали госпитали при заводах округа.

После этого главной проблемой стала передача незаконнорожденных детей приемным родителям. Нехведович писал о необходимости повышения им платы в новых условиях: появления регулярной работы для женщин на открытых в округе золотых промыслах. Приемных матерей уже не устраивала прежняя награда (2 рубля 50 копеек ассигнациями в месяц и 30 фунтов ржаной муки), которую они могли здесь заработать за несколько дней в неделю ¹.

Н. Н. Демидов объективно оценивал менталитет своих крепостных в Нижнетагильском округе. Он отмечал, что не уповает на их милосердие, ибо «верно жители скорее согласятся работать для своей прибыли на золотых промыслах, нежели заниматься воспитанием малолетков и нести за них ответственность». Поэтому заводовладелец одобрил увеличение награды для приемных семей, согласившихся взять на воспитание незаконнорожденных младенцев. Она была повышена сначала до 3 рублей 50 копеек ассигнациями и до 2 пудов 30 фунтов муки в месяц (до 10-летнего возраста), а затем до 6 рублей ассигнациями и 2 пуда 10 фунтов муки (до 5-летнего возраста) и до 2 рублей ассигнациями и 2 пудов 10 фунтов муки (до 10-летнего) ².

Но и в 1827 г. Нехведович отказал Н. Н. Демидову в просьбе принять на себя управление этим переименованным заведением из-за опасения «подвергнуться ответственности перед Правительством». Врач лишь сам проверил его работу. Он положил в холодную темную ночь в ящик для приема детей куклу, а сам следил за углом: «ребенка» быстро забрали ³.

Главной проблемой в этом заведении была высокая смертность. В 1828 г. новый заводовладелец П. Н. Демидов обратил внимание Нижнетагильской конторы, что из 28 подкидышей умерло 11 (39%). Он потребовал в точности соблюдать все условия содержания детей ⁴.

Но и в 1830 г. П. Н. Демидов отмечал, что «при воспитательном доме подкидышей значится сколько родившихся, почти

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383. Л. 11об.–12.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 46, 183–183об.; Д. 604. Л. 67–67об.

³ Шестова Т. Ю. История здравоохранения... С. 169.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 604. Л. 65.

столько же и умерших». В подобном положении он обвинил приказчиков конторы, указав, что «не только должность, но и само человеколюбие обязывает их иметь сострадание к этим младенцам»¹.

Следует отметить, что высокие показатели смертности питомцев воспитательных домов были характерны не только практически для всей России XIX в. (она превышала 60–70%), но даже и лучших европейских заведений. Не смогли решить эту проблему и земства, к которым от Приказов общественного призрения перешла забота о незаконнорожденных детях. Это определялось рядом объективных причин, прежде всего нехваткой выделяемых средств, проблемой найма «честного» персонала и недостатком кормилиц, которые предпочитали работать в богатых дворянских семьях².

В 1840 г. смертность младенцев в Нижнетагильском приемном доме была уже небольшой для своего времени: из 27 человек умерло лишь 3 (11%). Этот прогресс был во многом вызван постоянным вниманием Нехведовича к этому заведению.

Однако постепенно проблема незаконнорожденных детей в Нижнетагильском округе вновь обострилась. Их количество стабильно возрастало: с 27–40 человек в год в 1813–1845 гг. до 52–65 в 1851–1857 гг. Врач И. П. Ильинский в «Медикотопографическом описании Нижнетагильских заводов» 1855 г. объяснил это праздностью и недалекостью его молодых девок, беспечностью их семейств и многолюдностью селения³. Число желающих взять этих детей из воспитательного дома, наоборот, постепенно падало⁴. В нем самом они вряд ли могли рассчитывать на эффективный уход, так как штат предполагал единственную

¹ Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина. – Екатеринбург, 1997. Вып. 3. С. 33–34.

² См., например: Шерстнева Е. В., Егорышева И. В. Детские учреждения Приказов общественного призрения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2003. № 4. С. 54–55.

³ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 25об.–26.

⁴ Дашкевич Л. А. Воспитательные дома... С. 112–113; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 891. Л. 24об.; Д. 1063. Л. 33; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1295. Л. 15–15об.

няньку с мизерным годовым жалованием в 48 рублей (для сравнения, дворник в этом заведении получал 126, а сторож – 100) ¹.

Поэтому А. К. Демидова-Карамзина решила создать специальное закрытое заведение для воспитания незаконнорожденных детей и сирот. Вопрос об их призрении уже традиционно рассматривался, как и профилактика детоубийства. Альтернативой для тех, кто стоял на пороге преступления, могла стать либо система приютов, либо усыновление.

В 1853 г. был подписан Устав Авроринского сиротского дома. Он должен был действовать при Авроринском приюте. В пяти его отделениях должно было обеспечиваться попечение и полное содержание за счет заводовладельцев сиротам и брошенным детям, вплоть до достижения ими совершеннолетия. Причем матерям, передававшим детей на воспитание в сиротский дом, даже выдавалось единовременное пособие в 5 рублей серебром.

Создание специального сиротского дома было и определенным следствием увлечения Демидова-Карамзина идеей пансионеров, призванных воспитать «новую породу людей» ². В него, по распоряжению заводской полиции, должны были забираться и дети родителей «слабого поведения и с порочными наклонностями», а их матерям даже выдавалось единовременное пособие. Воспитанники, имевшие родителей, могли отпускаться к ним в праздничные дни только по специальным справкам заводууправления, которое должно было составить «реестр» по их «благонадежности».

Воспитанники сиротского дома должны были получить здесь первоначальное образование и основы ведения домашнего хозяйства. С 12 лет их планировалось привлекать к посильным заводским работам.

После налаживания деятельности сиротского дома планировалось закрыть приемный дом, прекратить передачу незаконнорожденных детей приемным родителям и всякие выплаты им деньгами и провиантом со стороны заводууправления. Примерный штат предусматривал на его содержание тысячи рублей серебром в

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 34А.

² См.: Черноухов Э. А. Из истории воспитания... С. 40–42.

год ¹. Однако это заведение, если и было создано, то действовало крайне непродолжительное время.

В целом нижнетагильскими Демидовыми уделялось серьезное внимание сохранению жизни незаконнорожденных детей. Созданное ими специальное заведение (воспитательный, затем приемный дом) почти не имело аналогов в других горнозаводских округах региона, где прием подкидышей в лучшем случае осуществлялся при госпиталях.

Еще одним типом благотворительных заведений в Нижнетагильском горном округе были детские приюты. Если исходить из современных понятий, то приюты сочетали в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для малообеспеченных родителей и начального образовательного учреждения. Первый приют для детей был создан А. Н. Демидовым при Петербургском доме трудолюбия в 1837 году. Это учреждение сразу получило «высочайшее» одобрение.

В 1843 г. А. Н. Демидов обратился в «Комитет главного попечительства детских приютов» за разъяснениями по возможному созданию подобных заведений при уральских заводах. В качестве нормативной базы их деятельности ему было прислано «Положение о детских приютах» 1839 г., требовавшее всестороннего бюрократического контроля. Это, возможно, несколько задержало их создание на Урале ².

Торжественное открытие первого Нижнетагильского приюта, получившего название Авроринского, состоялось 31 июля 1849 г. во время посещения округа А. К. Демидовой-Карамзиной. Она предписала принимать в приют детей жителей округа (всех желающих) от 1 года до 8 лет. Они должны были находиться в них в дневное время, получая полное содержание за счет заводоладельцев: питание, особое платье, постельные принадлежности.

Авроринский приют стал образцом для создания подобных учреждений в округе. 18 августа 1849 г. был открыт приют в селе Воскресенском, 1 сентября 1849 г. – в деревне Никольской.

¹ Дашкевич Л. А. Воспитательные дома... С. 113; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1122. Л. 1–3.

² Дашкевич Л. А. Мариинские заведения детского призрения на Урале в XVIII – начале XX в. // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 125.

Эти заведения быстро завоевали популярность у заводского населения. В среднем в них ежедневно призревало 50–70 человек, иногда доходя до 150, в том числе и из окрестных поселков и деревень, которым разрешалось здесь ночевать. Возраст принимаемых детей доходил до 12 лет¹.

Некоторые воспитанники отправлялись в приют в принудительном порядке – по распоряжению заводской полиции. Так поступили с четырехлетним Г. Таракановым, которого бабушка отправляла просить милостыню².

Управляющий Нижнетагильским округом Д. В. Белов в 1850 г. попытался доказать пользу создания еще четырех приютов: в Нижнесалдинском, Висимоуткинском, Висимошайтанском и Черноисточенском поселках. Однако заводовладельцы ограничились только открытием 8 октября 1853 г. еще одного приюта в Нижнетагильском поселке. Он получил наименование Павловского, в честь владельца округа П. П. Демидова³. Приют располагался в каменном здании напротив Никольской церкви в Выйском заводском поселке⁴.

В конце 1850-х гг. Нижнетагильское заводууправление просило владельцев открыть еще два приюта: при Висимоуткинском заводе и четвертой части Нижнетагильского поселка. Однако их создание из-за финансовых трудностей заводовладельцев было «отложено до более благоприятного времени»⁵.

Для руководства приютами А. К. Демидова-Карамзина пригласила из Петербурга специальную смотрительницу Агнесу Самойловну Кригнер. Она получала годовое жалование в размере 1340 рублей ассигнациями, имела бесплатную прислугу из трех человек. После ее отъезда в сентябре 1853 г., по истечению срока контракта, на эту должность была назначена вдова титулярного советника Анна Гавриловна Лапина. Ей было определено меньшее жалование в 1068 рублей и без прислуги⁶.

¹ Дашкевич Л. А. Авроринские приюты... С. 58; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 994. Л. 4–5.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1122. Л. 17–18.

³ Дашкевич Л. А. Авроринские приюты... С. 58–59.

⁴ НТГИА. Ф. 533. Оп. 1. Д. 18.

⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1485. Л. 1–6об.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 34А. Л. 88.

Штат приютов в первые годы включал, в зависимости от числа воспитанников, от 3 до 5 человек (надзирательница, ее помощница, нянька, стряпуха, прачка, дворник). Общие расходы на содержание одного ребенка составляли 20–30 рублей ассигнациями в год. К 1861 г. штаты приютов выросли до 6–9 человек, главным образом за счет увеличения прислуги.

Важнейшей целью деятельности приютов, по Положению 1839 г., было нравственное развитие воспитанников. Поэтому главным предметом обучения являлся закон Божий. Кроме того, воспитанники получали основы первоначальной грамоты, обучались церковному пению и навыкам рукоделия, в частности плетению корзин.

Деятельность приютов контролировалась заводоуправлением. Однако их реальное состояние оставляло желать лучшего. Так, начальница детских приютов округа Лапина отмечала, что после посещения Никольского приюта, «к сожалению, всегда почти уношу неприятные впечатления». В 1856 г. она осталась недовольна грязью в помещении и неопрятностью воспитанников¹.

Но и проверка 1857 г. показала серьезные проблемы в Никольском приюте. Управляющий Нижнетагильскими заводами Шиленков обнаружил, что его неопрятные воспитанники питаются не в столовой, а в грязных сенях возле кухни. Это привело к смене персонала, причем новая надзирательница вдова А. В. Оленева и помощница (ее дочь) предварительно прошли трехмесячную стажировку («чтобы набраться опыта») в Авроринском приюте².

В 1859 г. в четырех приютах округа призревало 174 мальчика и 219 девочек. По желанию принимались дети всех заводских жителей. Здесь работали начальница приютов, 13 служащих и 12 человек прислуги³.

В целом приюты Нижнетагильского горного округа оказывали существенную помощь детям малообеспеченных родителей и оставшимся сиротами. Здесь они бесплатно получали первоначальное образование и воспитание. В 1860 г. эти четыре приюта были

¹ Дашкевич Л. А. Авроринские приюты... С. 59–60; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 994. Л. 21; Д. 1061. Л. 4об.; Д. 1122. Л. 49; Д. 1504. Л. 102об.–106.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1278. Л. 2–7.

³ Там же. Д. 1406. Л. 61.

единственными подобными учреждениями во всех частных горных округах Урала¹.

В 1860 г. Нижнетагильское заводоуправление, ввиду резкого роста цен на «жизненные припасы», инициировало сбор средств на открытие временного приюта для детей из бедных семей – третьего по счету в Нижнетагильском поселке. Удалось собрать 4396,5 рублей ассигнациями (37 человек сделали единовременные пожертвования от 30 копеек до 1100 рублей, а 47 человек отчисляли 0,5–2% от годового жалования). Приют был открыт 1 января 1861 г. и проработал до июня 1862 г., пока не был истрачен весь собранный общественный капитал².

В Нижнетагильском округе детские приюты быстро завоевали популярность у местного населения. Количество их воспитанников стабильно возрастало. Но заводовладельцы не давали согласия на существенное расширение их числа.

Для лиц, достигших преклонного возраста, предусматривались богадельни. Эти благотворительные заведения закрытого типа долго не приживались на горных заводах Урала. В них в основном поступали лица, которые совершенно не имели родственников и средств к существованию³. В 1860 г. они действовали всего при четырех или пяти частных горных заводах региона⁴.

Как уже отмечалось, в Нижнетагильском заводе богадельня существовала уже во второй половине XVIII века. Она занимала несколько комнат при одной из церквей. В 1801 г. Н. Н. Демидов приказал принимать в нее престарелых мастеров, не имеющих родственников. Он соглашался выделить средства и на постройку нового помещения, когда старые будут совсем тесны.

Однако потребность в этом долгое время не ощущалась. В Нижнетагильской богадельне в 1845 г. призревалось всего 10 сирот и престарелых. В то же время в округе предпочитали проживать у родных и близких, получая бесплатный провиант от заводоуправления, 1733 человека «убогих и престарелых» и 785 сирот⁵.

¹ Мозель Х. Указ. соч. С. 638.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1476.

³ Дашкевич Л. А. Уральские горнозаводчики... С. 66.

⁴ См.: Мозель Х. Указ. соч. С. 634–638; Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Указ. соч. С. 254.

⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 891. Л. 24; Оп. 2. Д. 49. Л. 33.

В 1849 г., во время посещения округа А. К. Демидовой-Карамзиной, местная богадельня была преобразована, получив наименование «Авроринской». Ее штат первоначально был определен в 24 человека (12 мужчин и 12 женщин) с возможностью расширения в случае необходимости. Видимо, ее «образ» среди местного населения постепенно улучшался. В 1855–1860 гг. здесь призревалось уже 36 человек (по 18 мужчин и женщин). Поэтому заводоуправление даже приняло решение о прекращении приема лиц, уже получавших пенсии и пособия от владельцев.

Расходы на содержание богадельни в Нижнетагильском поселке в тот период времени формально определялись всего в 126 рублей (плата одному надзирателю), так как она размещалась при Нижнетагильском госпитале, который и обеспечивал ее обитателей пищей, одеждой и прислугой ¹. Фактически содержание одного «богадельщика» обходилось в 25–30 рублей в год. Это сопоставимо с затратами в богадельнях казенных горных округов региона в тот период времени: 28–29 рублей на человека ².

Некоторые богадельщики мужского пола зачастую не отличались подобающим поведением: случались пьянство, драки, бегство к родственникам в казенной одежде. В этих случаях Нижнетагильское заводоуправление, по ходатайству попечителя учебных и богоугодных заведений округа Л. Вейера, исключало виновных из заведения ³.

В 1856 г. в честь достижения совершеннолетия П. П. Демидовым было принято решение о создании новой богадельни – «Павловской». Для нее было подобрано и освящено место – напротив Никольской церкви в Выйском заводском поселке, составлена смета. Здесь даже было начато строительство ⁴, но новая богадельня не была создана в связи финансовыми проблемами заводоуправления и подготовкой отмены крепостного права.

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1188. Л. 18–25об.; Д. 1442. Л. 24об.; Д. 1504. Л. 106об.

² Мозель Х. Указ. соч. С. 634–638.

³ Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Указ. соч. С. 254.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1–7; Д. 1307. Л. 1–6, 9–10.

⁴ Там же. Ф. 101. О. 1. Д. 588. Л. 10; Ф. 643. Оп. 1. Д. 1317. Л. 4–17; Д. 2104. Л. 1–2.

Таким образом, в первой половине XIX в. в Нижнетагильском округе была создана и относительно успешно действовала самая обширная среди всех частных горнозаводских хозяйств Урала система благотворительных заведений. Она предназначалась для призрения определенной категории детей, престарелых и увечных жителей и к 1861 г. включала в себя шесть заведений: воспитательный (затем приемный) дом для подкидышей, четыре детских приюта и богадельню. Кроме того, сироты, престарелые и убогие жители округа получали бесплатный провиант от заводоуправления. Система благотворительных заведений и пенсионного содержания обеспечивала прожиточный минимум для наиболее обездоленной части заводского населения.

В заключение попробуем определить основные мотивы благотворительности нижнетагильских Демидовых в рассматриваемый период времени. Как отметил А. Р. Соколов, существует очень широкий спектр позиций по этой проблеме ¹.

В отношении Нижнетагильского округа следует учитывать сразу несколько факторов. С одной стороны, по обоснованному мнению П. А. Орлова, Н. Н. Демидов, а затем и его наследники в сфере благотворительности исходили не из своей христианской добродетели, некоего морального смысла или статусно-меркантильных интересов, а целесообразности того или иного социально значимого деяния ². С другой стороны, о нижнетагильских Демидовых, особенно Николае Никитиче и Авроре Карловне, можно говорить как о «просвещенных» предпринимателях со сложными поведенческими стереотипами. В их деятельности в этой сфере прослеживается не только погоня за внешними признаками респектабельности, но и служение «общественному благу».

По количеству учебных и благотворительных заведений Нижнетагильский округ в первой половине XIX в. особенно выделялся среди всех других частных горнозаводских хозяйств Урала. Здесь действовала их самая разветвленная сеть, причем некоторые из них не имели аналогов в других частных, да и казенных округах.

¹ Соколов А. Р. Указ. соч. С. 59.

² Орлов П. А. Целесообразность как принцип... С. 146.

Это ¹ позволяет говорить о нижнетагильских Демидовых как о действительно просвещенных предпринимателях. К сожалению, реальная практика их деятельности зачастую была весьма далека от поставленных владельцами целей.

4. Трансформация социальной инфраструктуры округа после отмены крепостного права

4.1. Трансформация медицинских заведений

Проблема реорганизации социальной инфраструктуры Нижнетагильского округа начала активно обсуждаться уже с 1859 г., когда стала окончательно ясна перспектива неизбежности скорой отмены крепостного права. Этому способствовал и серьезный социально-экономический кризис на уральских горных заводах в тот период времени.

В 1859 г. в горном ведомстве были созданы первые положения и записки «об улучшении быта заводских людей» после их освобождения от крепостного права. Их авторы предполагали или полное освобождение заводовладельцев от содержания социальной инфраструктуры, или существенное сокращение их расходов на нее. Это планировалось сделать за счет исключения из числа ее «пользователей» жителей заводских поселков, непосредственно не работавших на заводских производствах. Существенную часть затрат предполагалось переложить на местные общества (общинный капитал).

Владельцы Нижнетагильского округа и местное заводоуправление осознавали невозможность радикального варианта преобразования социальной сферы в округе с перекладыванием практически всех расходов на горнозаводские товарищества или какие-либо иные организации местного населения, перспектива создания которых представлялась весьма туманной. Поэтому предполагался

¹ По нашему мнению, медицинские заведения все-таки были более тесно связаны с решением производственных задач, стоящих перед округом. Местное население не смогло бы самостоятельно организовать оказание квалифицированной медицинской помощи, но его часть была сама вполне в состоянии обеспечить начальное обучение своих детей, способствовать общественному призрению.

определенный переходный период, когда существенные суммы на социальную инфраструктуру будут закладываться в накладные заводские расходы¹.

Проект новых штатов по медицинской части Нижнетагильского горнозаводского округа, по поручению его владельцев, составил новый главный врач Петр Васильевич Рудановский (1829–1888). Он заключил бессрочный контракт с Санкт-Петербургской главной конторой Демидовых 22 июля 1859 года. В его заведывание поступила центральная часть округа с Нижнетагильским госпиталем. Новому врачу было определено годовое жалование в 1500 рублей серебром, «господская» квартира с отоплением и освещением, экипаж из трех лошадей для выездов².

Дворянин П. В. Рудановский закончил медицинский факультет Казанского университета в 1853 г. стипендиатом горного ведомства³. Он отработал определенные законодательством пять лет на казенных заводах Урала: Верхнетуринском, Кушвинском и Каменском, имел годичную стажировку в Германии и Франции. Всю оставшуюся жизнь Рудановский прослужил в Нижнетагильском округе Демидовых. Как крупный ученый-исследователь и практик он имел известность далеко за пределами Урала. В 1875 г. Казанский университет присвоил ему степень доктора медицины без защиты диссертации⁴.

Как уже отмечалось во второй главе, новый штат медицинской части Нижнетагильского округа был составлен Рудановским и утвержден в мае 1860 г. В нем были несколько сокращены расходы заводовладельцев. Это касалось в основном вспомогательных статей: уменьшены траты на прислугу, «натуральные» надбавки предписывалось выдавать деньгами. Среди существенных следует отметить уменьшение количества кроватей в госпиталях

¹ См.: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1436. Л. 14об.–15; Д. 1500. Л. 2–12.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1396. Л. 4–5об.

³ Такая практика подготовки врачей для казенных горных заводов Урала была возрождена в 1849 г. по инициативе В. А. Глинки.

⁴ См.: Клат С. А., Шкерин В. А. Петр Васильевич Рудановский // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX – начала XX века. – Нижний Тагил, 1998. С. 31–43. Формулярный список П. В. Рудановского – ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 190. Л. 25об.–30.

для стационарного лечения, опосредованно приведшее и к сокращению числа врачей.

Причем реально расходы на медицинскую часть в округе в 1860–1862 гг. даже существенно увеличились. Это произошло из-за резкого роста цен на продовольствие в тот период времени. Так, по Нижнетагильскому главному госпиталю расходы увеличились на треть с 21–22 тысяч в 1858–1860 гг. до 33–34 тысяч в 1861/1862 гг.¹

К сожалению, пока не удалось найти сводные сведения о расходах Демидовых на медицинскую часть Нижнетагильского округа в начале 1860-х – середине 1880-х годов. Однако выявленные нами новые материалы позволяют проследить общие тенденции и несколько скорректировать выводы исследователей, обращавшихся к этой теме, в том числе и современных².

Главной из них было сохранение стабильного финансирования медицинской части Нижнетагильского округа на уровне 30 тысяч рублей в год в 1860-х гг. и в среднем 26,5–27,5 тысяч рублей в первой половине 1870-х гг.³ После этого расходы Демидовых в этой сфере снова несколько повысились: до 31,4 тысяч в 1875 и в среднем до 38–40 тысяч рублей в первой половине 1880-х гг.⁴

Заводовладельцы и после отмены крепостного права сохранили бесплатную медицинскую помощь для служащих и рабочих округа, а также бедных лиц, не работавших на его производствах. Рудановский, руководивший медицинской частью Нижнетагильского округа в 1859–1888 гг., оценивал расходы Демидовых, как сумму, «позволяющую сделать много хорошего для местного населения». Это выгодно отличало Нижнетагильские заводы от большинства других частных горнозаводских хозяйств Урала.

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1327; Оп. 3. Д. 121. Л. 1–11.

² См.: Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводской округ... С. 44;

Шестова Т. Ю. Здравоохранение Урала... С. 169.

³ Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 91; Рудановский П. В. О состоянии медицинской части... С. 76; ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–3, 23об.–24.

⁴ Нижне-Тагильские и Луньевские заводы наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато. – Пермь, 1896. С. 108; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2133. Л. 29; Оп. 3. Д. 447. Л. 59.

По мнению первых земских деятелей Верхотурского уезда Пермской губернии, горнозаводская медицина в регионе практически везде приходила в упадок, и только в Нижнетагильском заводе она «поддерживалась с таким же старанием, как и прежде»¹. Подобные оценки повторялись в отчетах местной уездной управы все последующее десятилетие.

Вместе с тем следует отметить, что при стабильной сумме финансирования фактические расходы Демидовых на медицинскую часть в Нижнетагильском округе постепенно сокращались. Это было связано с продолжавшимся увеличением населения округа, существенной инфляцией в тот период времени и ростом числа обращений за медицинской помощью.

Последнее объяснялось существенно возросшим доверием местного населения к врачам. Как отмечал Рудановский, у значительной его части даже появилась «страсть к лечению и непременно фармацевтическими средствами». Особой популярностью пользовались натирания спиртовыми растворами при различных болях. Рост доверия был связан и с прекращением вредной практики принудительного помещения больных в заводские госпитали².

Поэтому Рудановскому приходилось экономить по целому ряду направлений, налаживать тесное взаимодействие с созданным в 1870 г. Верхотурским уездным земством. Руководство Нижнетагильского округа, вносившего крупный вклад в земский бюджет, надеялось переложить на него и существенную часть расходов на медицинское обслуживание местного населения.

После отмены крепостного права число постоянных аттестованных врачей сократилось с трех до двух. Один из них (Рудановский) заведовал Нижнетагильским главным госпиталем, второй находился первоначально в Висимоуткинском, а затем Нижнесалдинском заводе. После покинувшего округ И. П. Ильинского эту должность занимал лекарь А. Н. Травин, умерший в апреле 1864 г., затем Несчастливцев. В 1872–1878 гг. врачом на Салдинских заво-

¹ Общий доклад Верхотурской уездной земской управы IV очередному Собранию о действиях ее за первое трехлетие с июня 1870 г. по сентябрь 1873 г. – СПб., 1874. С. 4.

² Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 91.

дах служил М. И. Сосфенов, перешедший из Невьянского округа¹. В 1880 г. здесь несколько месяцев работали супруги Серебренниковы, впоследствии ставшие известными врачами в Перми².

Вместе с тем Демидовы первоначально разрешили Рудановскому приглашать в Нижнетагильский округ временных врачей на практику сроком на два года с жалованием 500 рублей серебром. Он считал это предложение выгодным для молодых врачей, которые в первые годы службы получали в казенных учреждениях не более 250 рублей годового жалования. Самым известным временным врачом Нижнетагильского округа стал М. А. Хомяков, впоследствии профессор Казанского университета³.

После отмены крепостного права в округе существенно сократилось и общее количество медицинского персонала, особенно среднего и младшего: лекарских учеников и фельдшеров⁴. В Нижнетагильском госпитале перешли преимущественно на женскую прислугу. Это, кроме экономии средств, способствовало и лучшей чистоте в его помещениях⁵.

Другим направлением сокращения расходов стала реорганизация сети медицинских заведений округа. В первой половине 1870-х гг. статус стационарных лечебниц сохранили только Нижнетагильский и Нижнесалдинский госпитали. Все остальные заведения были преобразованы в приемные покои, имевшие только по две кровати, необходимые для оказания первой помощи при срочных случаях⁶.

Эта реорганизация была связана и с изживанием фельдшеризма. Рудановский считал самостоятельную врачебную практику лекарских учеников (получивших новое наименование – фельдшеров) «профанацией науки и общества», большим злом во многих местах России. Как уже отмечалось, квалификация и моральный

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2530. Л. 15, 19; Ф. 435. Оп. 1. Д. 94. Л. 11об.; Д. 121. Л. 18; Ф. 643. Оп. 1. Д. 1826. Л. 136.

² Бабушкин В. С. Врач Е. П. Серебренникова. – Пермь, 1957. С. 21.

³ Современная медицина. 1863. № 5. С. 92.

⁴ Положение о лечебной медицине в Верхотурском уезде при введении в Пермской губернии земских учреждений (в 1870 г.). Рукопись. – Б.м., б.г. (листы не нумерованы).

⁵ Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 88.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 70.

облик большинства лекарских учеников Нижнетагильского округа вызывала недовольство и у других врачей. А в русской литературе образ земских фельдшеров получил трагикомический оттенок ¹.

Были существенно сокращены и некоторые виды медицинской деятельности. По мнению Рудановского, плата за оспопрививание не принесла желаемых результатов и «возбуждала у населения особенное подозрение» ². После отмены крепостного права от принуждения населения в этой сфере в округе фактически отказались. В результате количество непривитых детей в 1861–1863 гг. быстро возросло: в тагильской части – с 1450 до 1921, салдинской (со значительным распространением раскола) – с 385 до 1154 ³. Постепенно оспопрививание в Нижнетагильском округе перешло в ведение Верхотурского уездного земства ⁴.

Недолго сохранилось и созданное Малышевым самостоятельное пивочное заведение, как подразделение медицинской части Нижнетагильского округа. После бегства создателя его стали использовать только для сохранения пивок, которые закупались в Оренбургской губернии ⁵.

Пивочное заведение быстро пришло в упадок. Значительное количество пивок погибало, видимо, от загрязнения местного пруда у Медного рудника. По инициативе Рудановского была создана комиссия, все члены которой высказались за закрытие пивочного заведения. После этого был проведен успешный эксперимент по хранению пивок непосредственно при Главной аптеке: в широких кадках. В конце 1873 г. пивочное заведение было окончательно закрыто, а его имущество распродано с торгов ⁶.

С 1870 г. важнейшим направлением сокращения расходов на медицинскую часть для Нижнетагильского заводууправления ста-

¹ См.: Чернышева Е. В. Земские служащие в художественном восприятии современников // История как ценность и ценностное отношение к истории. – Екатеринбург, 2010. Ч. 3. С. 99.

² Рудановский П. В. Письма из Тагила... С. 89–90.

³ Подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1496.

⁴ См.: Черноухов Э. А. Оспопрививание в Нижнетагильском горном округе в XIX в. // История науки и техники в системе современных знаний. – Екатеринбург, 2009. С. 263–265.

⁵ Рудановский П. В. О состоянии медицинской части... С. 74.

⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1806.

ло тесное взаимодействие с Верхотурским уездным земством. Причем последнее также регулярно отмечало его взаимовыгодность. В начальный период своей деятельности оно создавало свои врачебные участки и фельдшерские пункты в основном на территориях, где отсутствовала горнозаводская медицина.

На земские учреждения была переложена значительная часть затрат на медицинское обслуживание населения Нижнетагильского округа, не работавшего на его заводских и вспомогательных производствах. После отмены крепостного права заводские госпитали принимали для бесплатного лечения только самых бедных из «посторонних» (для заводов) жителей.

Верхотурское уездное земство фактически принимало некоторое участие в финансировании Нижнетагильского госпиталя. С 1872 г. оно ежегодно выделяло средства на содержание так называемых земских кроватей (для «посторонних» для заводов лиц) в Нижнетагильском госпитале. Их число стабильно возрастало: с первоначальных 5 до 18 (с 1882 г.). Соответственно увеличивались и ассигнуемые земством средства: с начала 1880-х гг. – до 4 тысяч рублей ежегодно ¹.

После отмены крепостного права бесплатный прием больных сифилисом в заводские госпитали округа полностью прекратился. Они могли поступать на излечение только за плату, бедные – от Верхотурского земства. Именно эта категория больных занимала большую часть «земских» кроватей в Нижнетагильском заводском госпитале ².

Верхотурское земство во многом приняло на себя и оказание акушерской помощи нуждающемуся заводскому населению. Ведь недолго действовавшее в Нижнетагильском округе родильное отделение при Авроринской богадельне было закрыто еще в 1862 году ³. В 1875 г. земство открыло родильный свой дом для бедных на три кровати в Нижнетагильском заводском поселке. Первоначально в него поступали женщины, не состоявшие в законном браке.

¹ Журналы V очередного Верхотурского уездного земского собрания 1874 г. с докладами управы и приложениями. – Вятка, 1874; ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 94. Л. 11об.; Д. 136. Л. 26об.

² Журналы VII очередного Верхотурского уездного... С. 440–441.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1295. Л. 54.

Но уже через три года число пациенток практически утроилось, причем и за счет замужних женщин ¹.

По соглашению с Верхотурским уездным земством на базе Нижнетагильского заводского госпиталя в 1871 г. была открыта первая в Пермской губернии фельдшерская школа (курсы). Она должна была готовить специалистов среднего звена как для горно-заводских округов, так и уездных земств.

При этом стороны договорились о своеобразном «взаимозачете». Воспитанники от Верхотурского земства обучались здесь бесплатно ², но находились в полном распоряжении Рудановского, выполняли его различные поручения по Нижнетагильскому госпиталю. Земский врач П. В. Кузнецкий ³ преподавал в фельдшерской школе половину предметов, в том числе практических, включая участие в операциях, т.е. он фактически работал и в Нижнетагильском заводском госпитале, именуясь консультантом ⁴. В различных отчетах и справках о медицинской части Нижнетагильского горнозаводского округа Кузнецкий даже вносился в число служивших здесь врачей.

В 1875–1888 гг. состоялось четыре выпуска воспитанников фельдшерских курсов, большинство из которых успешно сдали экзамены в Пермской Врачебной управе. Причинами их закрытия стали смерть Рудановского, ликвидация острого дефицита фельдшеров в Верхотурском уезде и Нижнетагильском округе ⁵, откры-

¹ Журналы VI очередного Верхотурского уездного земского собрания 1875 г. с докладами управы и приложениями. – Пермь, 1876. С. 424; Журналы IX очередного Верхотурского уездного земского собрания 1878 г. с докладами управы и другими приложениями. – Пермь, 1879. С. 553–554.

² С воспитанников других уездных земств взималась годовая плата в 50 рублей серебром.

³ Кузнецкий Петр Васильевич (1844–1912) – выпускник Казанского университета, с 1871 г. служил земским врачом в Верхотурском уезде: заведовал его Нижнетагильским участком. В 1899 г. ему была присвоена степень доктора медицины без защиты диссертации.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1826. Л. 31–32.

⁵ Как отмечалось в Приложении к Всеподданнейшему отчету пермского губернатора за 1885 г., пополнение медицинского персонала уже не представляет затруднений, так как «при появлении вакансий всегда избыток желающих врачей и других медицинских лиц (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223.

тие фельдшерских курсов при Александровской губернской земской больнице в Перми ¹.

В 1872 г. состоялся съезд представителей Верхотурской уездной земской управы, трех земских и пяти заводских врачей уезда. На нем была согласована организация медицинской помощи всему местному населению. Заводские врачи в определенных им участках обязались за дополнительную плату оказывать помощь и «посторонним» для них жителям. Причем границы участка салдинского врача Сосфенова практически совпали по территории с зоной его основной деятельности ².

В целом подобная экономия Демидовых на медицинской сфере была типичной и для других заводовладельцев. Они все настойчивей требовали освободить их от исполнения «натуральных» повинностей. К тому же в тот период времени наличие хорошей больницы при предприятии уже не вызывало у рабочих значительного положительного отклика. Их главным требованием повсеместно стало повышение заработной платы ³.

Резкий негативный перелом в финансировании социальной инфраструктуры Нижнетагильского округа произошел после 1885 г. Накануне своей смерти П. П. Демидов проиграл 600 тысяч рублей в Монте-Карло. Это окончательно поставило Нижнетагильские заводы на грань полного банкротства ⁴. Опека над его наследниками начала проводить масштабные сокращения расходов, в том числе и на социальную инфраструктуру округа.

Д. 194. Л. 95). Проблема, как и в настоящее время, состояла в недостатке именно квалифицированных врачей и фельдшеров. Поэтому Нижнетагильское заводоуправление, при появлении вакансий в медицинской части, традиционно наводило справки о появившихся претендентах через независимые источники.

¹ Положение о лечебной медицине в Верхотурском уезде... (листы не нумерованы).

² ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 121. Л. 34об.–35.

³ См.: Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Шильникова И. В. Система трудовых стимулов на дореволюционной фабрике глазами рабочих и администрации // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. – М., Волгоград, 2008. Вып. 10. С. 223.

⁴ Грум-Гржимайло В. Е. Указ. соч. С. 20–21.

Одним из следствий этого стало постепенное «запустение» медицины Нижнетагильского горнозаводского округа, годовое финансирование которой было уменьшено в среднем с 40 до 25 тысяч рублей ¹. В 1887 г. была упразднена должность врача в Нижнесалдинском заводе. Вместо действовавшего здесь госпиталя на 15 кроватей оставили только приемный покой. Местное 15-тысячное население фактически осталось без квалифицированной медицинской помощи.

Верхотурское уездное земство было вынуждено срочно выделять 1800 рублей на эти цели. Переговоры с руководством Нижнетагильского округа о создании здесь земско-заводского участка первоначально оказались безуспешными. Поэтому ему пришлось создать здесь новый земский участок, наняв бывшего заводского врача Бухвостова ².

Только в 1889 г. на базе бывшего Нижнесалдинского заводского госпиталя начал действовать земско-заводской участок. Он содержался в основном на средства Верхотурского земства, ежегодно выделявшего 1800 рублей. Вместе с тем здесь работал врач Кумберг, нанятый Нижнетагильским заводоуправлением ³.

Вопиющей неблагодарностью стало отношение новых владельцев округа к вдове Рудановского, оставшейся после его смерти без средств к существованию с 3-летней дочерью. Она даже не смогла заплатить 20-рублевый взнос за орден св. Анны III степени, которым ее муж был награжден в 1888 г. ⁴ (и он был возвращен в Капитул). Нижнетагильское заводоуправление отказало ей в пенсии на формальном основании, как не прослужившему в округе 30 лет (причем менее года) ⁵.

¹ В 1888/1889 г. расходы на нее несколько возросли: до 27,5 тысяч рублей (ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 616. Л. 73об.–74об.).

² Журналы XIX очередного Верхотурского уездного земского собрания... С. 534.

³ Журналы XXII очередного Верхотурского уездного земского собрания 1891 г. с докладами управы и другими приложениями. Пермь, 1892. С. 650; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2150. Л. 1–1об., 11–36.

⁴ Сообщение о награждении орденом пришло через неделю после смерти П. В. Рудановского.

⁵ Владельцы округа посчитали возможным ограничиться только затратами на похороны (750 рублей) и единовременным пособием (750 рублей).

Это циничное решение закономерно вызвало возмущение его коллег. В газете «Врач» (№ 8 за 1888 г.) возмущенно вопрошалось: «И это те самые Сан-Донато, которые бросали десятки тысяч на украшение итальянских городов, покупали себе итальянские титулы и прочее, не нашли возможным обеспечить семью такого человека, как доктор П. В. Рудановский, отдавшего все свои лучшие силы на служение, между прочим, тому делу, благодаря которому господа Сан-Донато получали свои миллионы»¹. Врач Б. О. Котелянский подчеркнул безупречную честность Рудановского, расправлявшегося огромными суммами, но не нажившего никакого состояния, и горестно процитировал известные слова Н. А. Некрасова: «Бывали хуже времена, но не было подлей»².

Сразу же после смерти Рудановского был уволен от должности врача-консультанта в Нижнетагильском госпитале его давний соратник П. В. Кузнецкий. Ему было выплачена компенсация в 150 рублей³.

Командированный на Урал известный санитарный деятель Бертенсон в 1892 г. отметил, что медицинская часть в Нижнетагильском округе «поставлена не вполне удовлетворительно» (а в дореформенный период и первые десятилетия после отмены крепостного права она всегда ставилось в пример другим заводчикам). В ответе Нижнетагильского заводууправления сообщалось о том, что в большинстве заводских поселков вполне достаточно и приемных покоев, и лишь обещало перестроить кухню Нижнетагильского госпиталя, находящуюся «в очень запущенном виде»⁴.

Таким образом, пореформенный период в истории горнозаводской медицины Нижнетагильского округа можно подразделить на два этапа. Первый из них следует в целом оценить позитивно. Владевший округом в 1862–1885 гг. П. П. Демидов сохранил стабильное финансирование его медицинских заведений и после отмены крепостного права.

Это позволяло предоставлять бесплатную медицинскую помощь всем, работавшим на заводских и вспомогательных произ-

¹ Цит. по: Селезнева В. Т. Очерки по истории... С. 154.

² Котелянский Б. О. Отказано и с плеч долой // Записки УОЛЕ. – Екатеринбург, 1891–1894. Вып. 13. Ч. 2. С. XIII–XIV.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 616. Л. 75об.

⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 16. Д. 498. Л. 12об.–13, 20–20об.

водствах, за исключением больных сифилисом. Вместе с тем целенаправленно проводилась политика экономии по целому ряду направлений. В Нижнетагильском округе осталось только два госпиталя для стационарного лечения (остальные были преобразованы в приемные покои), сократилось количество медицинского персонала, прекратилось активное принуждение населения к оспопрививанию. Часть расходов на медицинское обслуживание населения, не работавшего на заводских производствах, с 1870 г. перекладывалась на Верхотурское уездное земство.

В 1859–1888 гг. заведующим медицинской частью Нижнетагильского округа служил П. В. Рудановский. Под его руководством при Нижнетагильском заводском госпитале, в тесном взаимодействии с земским врачом П. В. Кузнецким, успешно действовала первая на Урале фельдшерская школа. Она готовила квалифицированный средний медицинский персонал для округа и ряда уездных земств Пермской губернии.

После 1885 г. положение социальной инфраструктуры вновь существенно ухудшилось. Накануне своей смерти П. П. Демидов поставил Нижнетагильский округ на грань банкротства. Опека над его наследниками начала новое сокращение расходов на социальную инфраструктуру: на медицину они уменьшились на треть. В результате в 1887 г. в Нижнесалдинском поселке была ликвидирована должность заводского врача.

4.2. Реорганизация учебных и благотворительных заведений

Вышеотмеченные тенденции четко прослеживаются и в развитии учебных и благотворительных заведений Нижнетагильского округа. После отмены крепостного права здесь также закономерно начался нисходящий этап.

Горнозаводские учебные заведения, в том числе и в Нижнетагильском округе, стали довольно быстро утрачивать свое основное своеобразие – содержание за счет заводовладельцев. С 1861 г. существенная часть затрат на содержание учебных заведений при частных горных заводах Урала перекладывалась на местное население. Это происходило в условиях, когда его значительная часть не осознавала необходимости даже первоначального обучения своих детей, особенно девочек, или рассматривала его, как некую

«обязанность» заводовладельцев. Это закономерно вело к сокращению числа учебных заведений и ухудшению их положения¹.

В 1862 г. Выйское заводское училище, по указанию заводовладельца, было реорганизовано в Нижнетагильское реальное², превратившись из закрытого в учебное заведение открытого типа. Оно было переведено в Нижнетагильский заводской поселок и стало действовать на основании специального «Положения», утвержденного Министерством народного просвещения 11 июля 1862 г. Его директор получил права штатного смотрителя, а преподаватели – учителей уездных училищ³.

При этом учебное заведение осталось на полном содержании заводовладельцев, выделявших 11260 рублей серебром ежегодно. Шестилетний курс обучения в нем делился на три класса: два общих и специальный. Для преподавания были приглашены новые учителя, нанятые столичной конторой: надворный советник Н. Д. Старов, ставший его директором, коллежский секретарь Н. И. Алексеев, и работавший в Уральском горном училище отставной подполковник Корпуса горных инженеров К. Д. Шугаев⁴.

На следующий год в Екатеринбургскую дирекцию училищ был предоставлен проект реорганизации системы начальных школ в Нижнетагильском округе, составленный, по поручению заводовладельца, директором реального училища Старовым. Ее главной целью провозглашалось «коренное улучшение обучения в начальных школах округа». Фактически более важной причиной было значительное сокращение расходов заводовладельцев на их содержание.

Предлагаемые в проекте новые штаты были утверждены попечителем Казанского учебного округа 4 февраля 1864 года. По ним на содержании заводовладельцев, кроме реального, остава-

¹ См.: Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 178–179.

² Его не следует отождествлять с реальными училищами Министерства народного просвещения (МНП), как это делают некоторые современные исследователи. Оно было основано за 10 лет до утверждения «Устава реальных училищ» 1872 г., и примененный в наименовании термин лишь показывал прикладной характер его программы.

³ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1865. Т. 3.

⁴ Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 179–180.

лись только четыре начальных училища: Нижнетагильское и Нижнесалдинское мужские, Анатольевское и Павлушинское женские. Право бесплатного обучения в них сохранялось за детьми служащих и рабочих округа.

При этом расходы Демидовых на содержание горнозаводских учебных заведений округа в условиях резкого роста цен в тот период времени остались практически на прежнем уровне. Во второй половине 1860-х – первой половине 1870-х гг. они стабильно составляли 16–18 тысяч рублей серебром ежегодно¹.

Все остальные горнозаводские училища Нижнетагильского округа закрывались. Их предлагалось воссоздать и содержать местным волостным обществам. Заводоуправление обязалось на первые три года оставить в их распоряжении помещения, занимаемые училищами, с отоплением и освещением за счет владельцев. Местным обществам безвозмездно передавались имеющиеся классные принадлежности и учебные пособия.

С 1 сентября 1864 г. заводовладельцами было прекращено финансирование всех остальных училищ Нижнетагильского округа. Протест местного благочинного протоиерея Карпинского, отправленный из епархиального начальства пермскому губернатору, остался безрезультатным. В своем ответе заводоуправление отмечало, что оно не обязано содержать учебные заведения ни по каким законодательным актам: ни по уставным грамотам, ни по указам Синода, ни по новому «Положению о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. Это не более чем личная благотворительность заводовладельцев. Помещения, в которых размещались учебные заведения, являются заводской собственностью и лишь временно выделялись для обучения².

Формально многие бывшие горнозаводские училища, после прекращения финансирования со стороны Демидовых, продолжили работу. Так, в 1870 г. в Нижнетагильском округе на средства волостных обществ и церкви, действовало 15 училищ во всех восьми заводских поселках. Часть из них получала небольшие пособия (50–100 рублей) от заводоуправления, которое также перио-

¹ Тагильские и Луньевские заводы... С. 108; ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 2об.–3, 23об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1581; Д. 1645. Л. 1–13.

дически выписывало для них учебные книги и пособия ¹. Однако большинство училищ действовало, главным образом, за счет энтузиазма преподававших там священников ².

Нижнетагильское реальное училище предназначалось для подготовки воспитанников к горнозаводским работам и службам. Как с известным преувеличением отмечалось в специальной записке об учебных заведениях Нижнетагильского округа 1876 г., его «программу нельзя подводить под рубрику каких-либо правительственных школ от того, что программы эти составлялись не по какому-либо образцу существующих заведений, а согласуясь с местными нуждами и потребностями заводскими». По компетентной оценке Н. К. Чупина, в тот период нигде в России не было более удобного места для подобного училища. Здесь компактно располагались все основные горнозаводские производства, а также различные рудники, промыслы и механическое заведение ³.

По программе обучения училище фактически приближалось к среднеспециальным учебным заведениям, но еще долго не предоставляло никаких прав по государственной службе. Большинство учащихся в нем были из детей служащих горнозаводского хозяйства округа. При этом реальную возможность получения образования имели и наиболее способные мальчики из рабочих семей.

К 1866 г. действовали уже все три предусмотренные Положением о Нижнетагильском реальном училище класса. В двух первых общих обучали закону Божьему, русскому языку, российской словесности, математике, истории, географии, физике, зоологии, основам естествознания, рисованию и черчению. Третий специальный класс, перевод в который осуществлялся по результатам экзаменов, первоначально подразделялся на два отделения: механическое и топографическо-лесное. В них преподавали черчение, химию и горнозаводскую бухгалтерию. Кроме того, в первом обучали геометрии, механике, металлургии и «учению о стройматериалах», а во втором – ботанике, геодезии, лесоводству, минералогии и маркшейдерскому искусству ⁴.

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 41. Л. 1–2об.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1653, 1707, 1718.

³ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 46. Л. 18.

⁴ Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 183–184.

Тенденция специализации обучения четко прослеживается и в дальнейшем. В 1874 г. в Нижнетагильском поселке состоялось расширенное совещание по реорганизации училища под председательством помощника управляющего округом А. И. Кронеберга¹. На нем в русле перманентного спора о классицизме и реализме образования развернулась острая дискуссия о придании обучению в реальном училище прикладного характера. На этом настаивали представители администрации округа, против – выступали большинство учителей и приглашенных на совещание врачей².

С середины 1870-х гг. третий класс подразделялся уже на четыре отделения: металлургическое, механическое, бухгалтерское и топографическое, причем на второй год обучения топографическое отделение делилось на геодезическое и лесное. Более узким стал и круг преподаваемых в них предметов. Так, на механическом отделении обучали геометрии, черчению и механике; на бухгалтерском – бухгалтерии и законоведению, но «преимущественно относящихся к горнозаводскому делу».

Директор реального училища, как и ранее смотритель Выйского заводского, нанимался Санкт-Петербургской главной конторой. В 1865–1875 гг. эту должность занимал А. В. Григорьев, а затем до 1887 г. П. Э. Цомакион (см. прил. 3). Они совмещали административную работу с преподаванием общеобразовательных предметов.

Большинство специальных дисциплин вели служащие заводов округа, работавшие здесь по совместительству. Училище располагало специальной химической лабораторией, минералогическим кабинетом и довольно обширной библиотекой: на 1871 г. – 978 названий, 4230 книг.

Число учеников в реальном училище максимально доходило до 123 человек. В 1876 г. его педагогический совет постановил для более успешного обучения принимать в классы не более чем по 30 мальчиков. Количество желающих учиться в реальном училище постоянно превышало его штат. Заводоуправление вынуждено бы-

¹ См. о нем: Попп И. А., Черноухов Э. А. Алексей Иванович Кронеберг: провинциальный неудачник или успешный общественный деятель // Известия Уральского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 1 (87). С. 224–231.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 85. Л. 1–19.

ло отказывать в приеме мальчикам с Кыновского завода Строгановых, Чермозского Лазаревых и лучшим ученикам земских школ собственного округа.

По окончании теоретического обучения выпускники летом проходили практику по своему профилю: на заводах, рудниках, в лесу, поле, конторах, а в сентябре сдавали итоговые экзамены. Полный курс заканчивало относительно небольшое число мальчиков: в среднем по 11 за выпуск, производившийся раз в два года. Никаких прав государственной службы Нижнетагильское реальное училище не давало. Заводоуправление при наличии вакансий распределяло его выпускников на соответствующие должности.

Подавляющее большинство из выпускников оставалось работать в горнозаводском хозяйстве Нижнетагильского округа. Как свидетельствуют данные, собранные для Санкт-Петербургской главной конторы, так поступили 49 из 55 человек, окончивших полный курс в 1870-х гг. Со временем только трое из них перешли на службу в другие горные округа ¹. Окончившие курс не несли никаких обязательств перед заводами. Также и заводууправление не обязывалось распределять их на работу.

При этом нельзя согласиться с распространенным в советской историографии утверждением, что горнозаводские учебные заведения Демидовых и в пореформенные годы предназначались, главным образом, для детей служащих. В наиболее привилегированном Нижнетагильском реальном училище в 1870-х гг. дети рабочих составляли треть от общего числа воспитанников. Это значительно больше, чем было в Выйском училище в предреформенные годы. В других горнозаводских училищах Демидовых в тот период времени состав учащихся был еще более демократичным ².

Анатолевское женское училище повышенного типа состояло из трех классов, в каждом из которых обучали по два года. Двадцать, а с 1871 г. – 30 учениц, имеющих хорошие успехи, которых не могли содержать родители, принимались на полное содержание заводовладельцев. За обучение остальных девочек, число которых доходило до 56, родители платили по 12 рублей серебром в год.

¹ Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... С. 184–185.

² Ларионов П. П. Указ. соч. С. 5.

В трех остальных начальных училищах Нижнетагильского округа обучали элементарной грамоте: закону Божьему, чтению, письму, арифметике. Дети работающих в его горнозаводском хозяйстве, обучались бесплатно, остальные платили по два рубля серебром в год. Все учебные заведения в округе после отмены крепостного права были открытого типа: учащиеся жили на собственных или частных квартирах. Лица, окончившие курс, не несли никаких обязательств перед заводовладельцами, с другой стороны, и заводоуправление не обязывалось распределять их на работу¹.

В 1867 г. в четырех начальных заводских училищах Нижнетагильского округа обучалось 383 мальчика и 109 девочек, т.е. почти вдвое меньше, чем перед отменой крепостного права. Среди них практически не осталось детей единоверцев. Вместе с тем необходимость грамотности работающих на горнозаводских производствах осознавалась руководством округа.

В 1870 г. Главная контора Нижнетагильских заводов в Санкт-Петербурге одобрила инициативу управляющего округа о переходе к обязательному обучению работающих на ряде производств. Для решения этой масштабной проблемы предлагалось открыть специальные классы грамотности и принимать на работу преимущественно грамотных лиц².

В тот же год Нижнетагильское заводоуправление прислало в Верхотурский училищный совет проект учреждения в округе классов грамотности. В его обосновании отмечался недостаток учебных заведений и нежелание многих родителей отдавать в существующие своих детей, с ранних лет отправляемых работать на заводы и рудники. Бюрократическая переписка задержала воплощение проекта на полтора года. Потребовалась его неоднократная переработка, в частности внесение в число преподаваемых предметов закона Божьего и обязательности наличия у учителей свидетельств на право преподавания.

В 1872 г. проект был утвержден. Как отмечал владелец округа П. П. Демидов, «условия, при которых эти классы разрешаются, довольно стеснительны, в особенности, если принять во внимание, что предполагаемые для этого материальные средства составляют

¹ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 175–176.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1668. Л. 24–25; Д. 1764.

добровольную жертву частного лица». Для сравнения укажем, что известный предприниматель Т. С. Морозов создал вечерние классы для взрослых при своих текстильных фабриках только в 1885 г.

В 1872 г. первый из классов грамотности был открыт при Меднорудянском руднике. К 1875 г. их число достигло пяти: они также действовали при Нижнетагильском (из трех отделений), Черноисточенском, Выйском и Лайском заводах. На их содержание выделялось 1,7 тысяч рублей ¹.

Обучение в классах грамотности для всех работающих мастеровых производств, при которых они действовали, было обязательным до 16 лет, а после – по желанию. Посторонние лица в них не допускались. Занятия проводились по два часа в день: до и после работы, а также в выходные дни. В программу обучения входили по четыре недельных урока чтения, письма и арифметики, и по одному – закона Божьего и бесед о горнозаводском деле. Подростки овладевали элементарной грамотностью, объективно необходимой для успешной работы на заводских производствах в тот период времени.

Необходимые книги и учебные принадлежности, а также помещения для занятий выделялись за счет заводовладельцев. В классах грамотности обучали по одному гражданскому лицу и священнику по совместительству с основной службой. Они получали дополнительное жалование по 22 рубля за годовой урок ².

Следует отметить, что к тому времени учебные заведения Верхотурского земства уже превосходили горнозаводские по количественным показателям. В 1875 г. в Нижнетагильском округе было 15 земских училищ в 11 населенных пунктах, где обучалось 1392 человека. А на средства Демидовых здесь содержались только 11 учебных заведений (включая приюты) в четырех поселках с 1032 обучающимися ³.

При этом местное население неохотно выделяло средства на деятельность земских школ. В 1877 г. Верхотурское уездное земское собрание угрожало нижнетагильскому обществу («весьма зажиточному на фоне уезда») закрыть две земские школы в поселке

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1728. Л. 76; Д. 1822. Л. 70–76; Оп. 3. Д. 447. Л. 58об.

² Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. соч. С. 172–174.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 60.

или резко сократить здесь число учащихся, так как то ничего не предпринимало по переводу их в более просторное помещение ¹.

В 1882 г. был организован Попечительный совет Нижнетагильского округа, который заведовал его горнозаводскими училищами в хозяйственном отношении. На первом заседании 24 августа 1882 г. им был намечен план их преобразования. В нем, в частности, отмечалось, что реальное училище должно стать профессиональной горнотехнической школой с четырехгодичным курсом обучения ². Реализовать это решение не удалось, в том числе из-за скоропостижной смерти П. П. Демидова.

Таким образом, после отмены крепостного права в Нижнетагильском горном округе Демидовых общее число учебных заведений, находящихся на содержании заводоладельцев, с 1864 г. сократилось с 22 до 4. В 1872–1886 гг. в дополнение к ним действовали классы грамотности. П. П. Демидов выделял на их содержание стабильную сумму в 16–18 тысяч рублей серебром ежегодно.

В сфере общественного призрения постепенно все более значительной становилась роль местных волостных правлений и Верхотурского уездного земства. Владельцы Нижнетагильского горного округа сразу после отмены крепостного права резко сократили свои расходы на благотворительные заведения.

В 1863 г. была закрыта Авроринская богадельня. Большинство ее обитателей было «уволено» на проживание к родственникам. Только четверо неизлечимых больных были оставлены в Нижнетагильском госпитале. В поселке действовала Павловская богадельня на содержании местного общества. Заводоуправление выделяло на нее минимальные суммы, в основном на ремонт помещения ³.

В 1862 г. попечитель учебных и богоугодных заведений округа Л. Вейер констатировал увеличение детей в приютах за три последних года почти вдвое, объяснив это резким ростом цен на продовольствие. Поэтому он предложил принимать в них только детей родителей, работающих на производствах Нижнетагильского округа, выдавая им специальные ярлыки, а на ночь оставлять

¹ Журналы VIII очередного Верхотурского уездного земского собрания сессии 1877 г. с докладами управы и другими приложениями. – Ирбит, 1878. С. 391–394.

² Калистратова Э. А. О наставниках // Учитель. 1997. № 1. С. 3.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 447. Л. 60об.

только сирот по особому распоряжению. Эти предложения были приняты Нижнетагильским заводоуправлением, которое добавило к ним и обязательное наличие прививки от оспы ¹.

В 1863 г. продолжал свою деятельность только Авроринский приют в Нижнетагильском заводском поселке. Крупный пожар в Нижнесалдинском поселке привел к созданию второго подобного заведения. 13 июля 1864 г. здесь был открыт Мариинский приют, предназначенный для детей погорельцев ². Их штат состоял из надзирательницы и ее помощницы, а также трех человек прислуги (кухарки, няньки и дворника) ³.

Расходы на содержание приютов неуклонно сокращались: с 29.039 рублей асс. в 1862/1863 г. до 11.491 в 1866/1867 году. Правда, в следующее пятилетие они стабилизировались в районе 10,5–11 тысяч рублей асс., т.е. уменьшились почти вдвое ⁴. В конце 1870 – первой половине 1880-х гг. Нижнетагильское заводоуправление тратило на содержание приютов всего 5,3–5,6 тысяч рублей. В них призревало в среднем 200 детей ⁵.

Положение резко ухудшилось после смерти П. П. Демидова в 1885 г. Как уже отмечалось, его финансы остались в полном расстройстве, Нижнетагильский округ оказался на грани банкротства. Опека над его наследниками сразу сократила расходы на учебные заведения и приюты вдвое. Это привело к новым сокращениям в социальной инфраструктуре округа.

В подписании главноуполномоченного Жонеса классы грамотности цинично оценивались как «бесполезный и ненужный расход». Ведь новый закон, вступивший в силу с 1 мая 1884 г. ⁶, запрещал принимать на заводские работы лиц моложе 15 лет. С октября 1886 г. классы грамотности в Нижнетагильском горном округе были закрыты. В тот период в них обучалось до 200 учени-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 1295. Л. 53–54об.; Д. 1476. Л. 1–50об.

² ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 63–64.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 559. Л. 69об.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 2об.–3.

⁵ Нижне-Тагильские и Луньевские заводы... С. 108; РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 150. Л. 33; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2133. Л. 14.

⁶ О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах // ПСЗ-III. – СПб., 1883. Т. 2. № 931.

ков, а в первые годы деятельности их число доходило до 400¹. В том же 1886 г. Жонес предписал отменить «как совершенно излишние» денежные пособия большинству воспитанников Нижнетагильского реального и Анатольевского училищ².

Следует отметить, что уровень грамотности населения Нижнетагильского округа, особенно его центрального поселка, неуклонно повышался и после отмены крепостного права. Но мнение ряда современников о почти поголовной грамотности в последнем представляется преувеличенным. Однодневная перепись населения 1879 г. зафиксировала относительно невысокий процент грамотности жителей Нижнетагильского поселка: 20,8% у мужчин и 12% у женщин³.

В 1887 г. Опекунское правление над малолетними наследниками и вовсе признало необязательными расходы на содержание училищ в Нижнетагильском округе. Только вследствие активных действий председателя Попечительного совета реального училища – управляющего округом В. А. Грамматчикова, а также коллективного ходатайства служащих Нижнетагильского округа, эти учебные заведения удалось сохранить. Однако их финансирование заводовладельцами сократилось почти вдвое: с 11.260 до 6.600 рублей в год. Кроме того, они оставили училищам помещения в безвозмездном пользовании, приняв на свой счет их текущий ремонт и отопление⁴.

Выделяемые заводовладельцами средства уже не могли покрывать всех сметных расходов на содержание училищ, а также и неизбежных затрат на нужды их предстоящего преобразования. Поэтому, по инициативе Попечительного совета, собрание служащих округа решило вносить пожертвования путем ежемесячных вычетов из жалования в размере 1,5% как со служащих, имеющих учащихся детей в этих учебных заведениях, так и не имеющих. Предполагалось, что и рабочие поддержат в этом служащих – теми же 1,5%. Для содержания училищ были назначены вычеты со ста-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2105. С. 61–62; Д. 2119. Л. 27, 32, 105.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2119. Л. 42–42об.

³ Журналы X очередного Верхотурского уездного земского собрания... С. 693, 698.

⁴ Содержание зданий училищ заводоуправление в 1888/1889 г. оценило в 1385 рублей (ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 616. Л. 73).

рателей на приисках округа в размере 2 копейки с 1 золотника золота и полкопейки с золотника платины¹.

Но рабочие округа выступили категорически против полупроцентных выплат. Поступить в реальное училище их детям было непросто, к тому же основная часть рабочего населения округа просто не видела необходимости в обучении здесь своих детей.

В результате в конце 1880-х гг. Опекун по делам малолетних наследников П. П. Демидова оплачивала всего от 30 до 45% сметных расходов Нижнетагильского реального училища². Все остальные средства на его содержание вынужден был изыскивать Попечительный совет.

Значительное сокращение расходов произошло и в сфере благотворительности. Вдова П. П. Демидова в 1885 г. прислала в Нижнетагильское заводоуправление письмо с пожеланием достроить Павловскую богадельню и содержать ее в память о своем покойном муже. Она соглашалась выделить на это неприкосновенный капитал в 25 тысяч рублей, на годовые проценты с которого содержать 20 богадельщиков. Однако заводоуправление ответило, что на 1187 рублей в год (проценты с такого капитала) это сделать нельзя. К тому же требовалось 10.735 рублей на достройку здания и первичное обустройство мебелью, бельем и т.п.³

После этого вдова П. П. Демидова отказалась от своих первоначальных планов. Она передала неприкосновенный капитал в 25 тысяч рублей церковно-приходскому попечительству при Введенской церкви Нижнетагильского поселка, построившему на пожертвования своих прихожан каменный двухэтажный дом. Оно и открыло здесь богадельню. Причем Е. П. Демидова предписала Нижнетагильскому заводоуправлению не вмешиваться в деятельность этого заведения, хотя именно на выделенные ей средства⁴ и

¹ Ларионов П. П. Указ. соч. С. 5–6.

² Климаков С. А. Указ. соч. С. 40.

³ Как отмечалось в предыдущей главе, новую богадельню стали строить еще в конце 1850-х гг. – в честь достижения П. П. Демидовым совершеннолетия. Затем остановленный объект охранялся специальным «караульщиком» (ГАСО. Ф. 643. Оп. 3. Д. 447. Л. 60об.).

⁴ Верхотурское земство в 1888 г. выделило на эту богадельню всего 50 рублей единовременно (Журналы XIX Верхотурского уездного... С. 68).

содержалось большинство богадельщиков (16 из 21–22 человек в начале 1890-х гг.)¹.

С 1 января 1887 г. был закрыт Мариинский приют в Нижне-салдинском заводе. После этого расходы заводоуправления на эту сферу сократились вдвое: с 6 до 3 тысяч рублей².

После реорганизации в 1892 г. единственного Авроринского приюта было предписано оставить здесь только сирот и детей самых бедных родителей. После этого количество его воспитанников сократилось вдвое: с 160 до 79 человек. Вместе с тем приют был переведен из ветхого тесного здания в более просторное помещение³.

Верхотурское земство отказалось участвовать в содержании детских приютов. Оно резонно заявляло о том, что по действующему законодательству это входит в обязанности сельских обществ, и обращало внимание на постоянные требования МВД о необходимости сокращения земских смет.

Постепенно Верхотурское уездное земство создало в округе собственную сеть училищ. С 1911 г. Демидовы полностью прекратили финансирование всех учебных заведений в округе. Так завершилась история деятельности своеобразной системы горнозаводских училищ Нижнетагильского округа, находившихся на содержании заводоладельцев.

Частная инициатива в этой сфере перестала играть важную роль. Дело начального образования местного населения окончательно перешло в ведение Министерства народного просвещения, земства и церкви. Свертывание ведомственных систем общего образования, в том числе горнозаводской, стало объективной тенденцией в развитии страны.

Подобная тенденция была характерна и для профессионального образования. С дальнейшим усложнением производства и повышением требований к подготовке квалифицированных кадров частные учебные заведения уже не могли эффективно справляться с поставленными задачами. Руководство Нижнетагильского реального (с 1896 г. – горнозаводского) училища настойчиво стреми-

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2104. Л. 69об.

² Там же. Оп. 3. Д. 544. Л. 84; Д. 616. Л. 73об.

³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2133. Л. 22, 49; Д. 2261. Л. 3–5.

лось к преобразованию в государственное заведение профессионального образования.

Таким образом, после смерти П. П. Демидова произошло новое существенное сокращение учебных и благотворительных заведений. В 1886 г. в Нижнетагильском округе были закрыты классы грамотности. С 1887 г. все его оставшиеся горнозаводские учебные заведения стали содержаться совместно заводовладельцами и работающими, у которых вычитались определенные суммы из жалования. В том же 1887 г. в Нижнесалдинском поселке был закрыт приют.

В целом в Нижнетагильском горном округе после отмены крепостного права нами четко прослеживается тенденция постепенного размывания традиционалистского ценностного комплекса, основанного на патернализме. Он все более пронизывался и постепенно размывался также идущим из почвы утилитаризмом. Последний включал постоянно возрастающие требования, обращенные к государству, как «источнику потребительских благ и ресурсов», но стимулировал и развитие производительных форм деятельности.

Заключение

В сложнейшей проблеме соотношения государственной, ведомственной и частной социальной политики следует учитывать и отечественный исторический опыт. Россия издавна характеризуется сильнейшими традициями патерналистского сознания. Патерналистские (патронатные) отношения были свойственны не только крепостной деревне, где они нашли классические формы, но и российской промышленности.

В Нижнетагильском округе Демидовых, как и на значительной части горнозаводского Урала в целом, в первой половине XIX в. сформировалась «новая социальная среда». Она давала определенные гарантии социального обеспечения практически для всех работавших на местных предприятиях, а также и членов их семей.

Становление системы патернализма в Нижнетагильском горном округе было во многом связано и с личным фактором – периодом, когда им управлял Николай Никитич Демидов (1791–1828). Существенную роль сыграла и тяжелая болезнь заводовладельца, фактически приковавшая его к постели в последние годы жизни. В письмах Н. Н. Демидова российским конторам неоднократно указывалось, что он на своем собственном опыте познал необходимость «человеколюбия», помощи обездоленным.

Н. Н. Демидов, решая главную задачу организации экономически рентабельного функционирования производственного механизма заводского комплекса, не менее деятельно занимался проблемами регулирования социальных отношений. При нем социальная инфраструктура округа оформилась в определенную систему, получившую дальнейшее развитие при его наследниках.

Нижнетагильские Демидовы заботились об организации медицинской части на своих заводах еще до принятия Проекта Горного положения 1806 года. В условиях острейшего дефицита квалифицированных отечественных медиков заводовладелец первоначально ориентировался на приглашение в Нижнетагильский округ иностранных врачей. В 1798 г. Н. Н. Демидов нанял первого аттестованного врача И. Машке, который проработал здесь более восьми лет. В 1808–1810 и 1817–1819 гг. в округе служили иностранные медики В. Бейтель и А. Бердые.

Кроме того, Н. Н. Демидов регулярно посылал своих крепостных для обучения медицине в госпитали и больницы Петербурга, Москвы, Екатеринбурга и даже за границу (К. Синицын, И. Шамарин). Именно они составили костяк среднего и младшего медицинского персонала в округе, который традиционно занимался и самостоятельной медицинской практикой. Вместе с тем Н. Н. Демидов, а затем и его наследники осознавали необходимость найма для Нижнетагильского округа именно аттестованного врача («постороннего» для заводов).

С 1820 г. здесь с небольшими перерывами служили отечественные врачи, в основном перешедшие с казенных медицинских заведений. В основном это были еще достаточно молодые люди, которые начинали работать в округе между 30 и 40 годами. Часть из них успешно прослужила здесь значительный период времени (Нехведович, Ильинский, Рудановский).

В 1857 г. в Нижнетагильском горнозаводском округе было уже три врача, которые заведовали медицинскими учреждениями в «своей» группе заводов и деревень (тагильской, салдинской и зауральской). Под их началом находился обширный штат лекарских учеников, подразделявшихся на разряды.

В Нижнетагильском горнозаводском округе в первой половине XIX в. весьма успешно развивались новые направления медицинской помощи: оспопрививание, гирудотерапия. Здесь появились штатные повивальные бабки, обученные квалифицированным специалистом И. А. Шамариным, и собственное пиявочное заведение, созданное местным лекарским учеником П. М. Малышевым.

Однако и в 1850-х гг. проблема организации квалифицированной медицинской помощи была практически разрешена только в Нижнетагильском поселке. Здесь находилось большинство вра-

чей и относительно квалифицированных старших лекарских учеников. В госпиталях других заводских поселков округа прием вело несколько, а нередко и один младший лекарский ученик. Они имели минимальные практические навыки, полученные непосредственно при медицинских заведениях округа.

Н. Н. Демидов разработал свою концепцию обучения и воспитания крепостного населения Нижнетагильского горного округа. Она основывалась на известной теории пансионного обучения и воспитания.

В 1806 г. было создано Выйское заводское училище для сыновей служителей, со временем выросшее в одно из лучших на Урале частных учебных заведений по программе обучения и материально-технической базе. Высокий уровень обучения во многом объяснялся более широким привлечением к преподаванию квалифицированных гражданских учителей, которым Демидовы, не ограниченные штатными положениями, платили достойное жалование, к которому прилагались существенные натуральные надбавки.

В основном это были еще достаточно молодые люди, не имевшие семьи и испытывавшие материальные трудности (Аноев, Никитин, Миронов, Ибрагимов, Рябов), а также лица с несложившейся судьбой (Мосцепанов). При чем часть из них не смогла «прижиться» на заводах и достаточно быстро покинула Выйское училище (Мосцепанов, Аноев, Ибрагимов). Успешно адаптировались здесь в основном местные уроженцы (Миронов, Рябов).

Возможность получения образования в Выйском училище была одной из важных внутрисловных привилегий служителей округа. Училище сыграло важную роль в обеспечении разветвленного горнозаводского хозяйства Нижнетагильского округа квалифицированными кадрами. При существовавшем уровне производства именно его воспитанники замещали большинство вакансий среднего и низшего звена в административной и технической сфере округа.

Уже при Н. Н. Демидове были предприняты и первые шаги по первоначальному обучению мальчиков из семей мастеровых. К 1861 г. в Нижнетагильском горном округе сложилась разветвленная сеть начальных учебных заведений. Она, кроме Выйского заводского, включала в себя 8 приходских, находящихся в ведении

МНП, и 14 (православных и единоверческих) училищ епархиального ведения.

В первой половине XIX в. в Нижнетагильском округе была создана и относительно успешно действовала целая система благотворительных заведений, самая обширная среди всех частных горнозаводских хозяйств Урала. Она предназначалась для призрения определенной категории детей, престарелых и увечных жителей. К 1861 г. в нее входили шесть заведений, находившихся под контролем особого попечителя: воспитательный (приемный) дом для подкидышей, четыре детских приюта (Авроринский, Павловский, Воскресенский и Никольский) и Авроринская богадельня. Система благотворительных заведений и пенсионного содержания обеспечивала прожиточный минимум для наиболее обездоленной части заводского населения.

Всего к 1861 г. на содержании Демидовых в Нижнетагильском округе находилось 23 учебных, 6 благотворительных заведений, 7 госпиталей, главная аптека с 6 отделениями. Это была самая обширная социальная инфраструктура среди всех частных горнозаводских хозяйств Урала. В результате Нижнетагильский горнозаводской комплекс в середине XIX в. представлял собой не только производственную, но и социально-экономическую единицу, обеспечивавшую жизнедеятельность зависимого от заводов населения. Ему был присущ принцип максимального самообеспечения, сбалансированность по всем параметрам (и техническим, и социальным), ориентация на удовлетворение ряда материальных и культурных потребностей горнозаводского населения с целью увеличения производительности крепостного труда.

При этом нельзя однозначно оценивать отношение нижнетагильских Демидовых к социальной сфере. Их истинные мотивы были далеки от нехарактерного для той эпохи альтруизма. Все благие начинания неизменно приносили реальную пользу и заводладельцам.

Результаты целенаправленной патерналистской деятельности нижнетагильских Демидовых по развитию социальной инфраструктуры в Нижнетагильском горнозаводском округе вполне оправдывали их крупные вложения. По нашим подсчетам, в середине XIX в. они составляли четверть от всех его накладных расходов. С конца XVIII в. здесь установилась относительная социальная гар-

мония, выразившаяся в отсутствии массового движения крепостных, характерного для предшествующего периода. По объемам производства округ стабильно занимал лидирующее положение на Урале. Традиционно высоким было и качество производимой здесь продукции.

Вместе с тем в конце 1850-х гг., когда близкая отмена крепостного права стала очевидной, четко обозначилась тенденция определения путей экономии в рассматриваемой сфере. К этому подталкивал и тяжелый кризис горнозаводской промышленности Урала, начавшийся в тот период времени.

После отмены крепостного права социальная инфраструктура Нижнетагильского округа закономерно была подвергнута серьезной трансформации. При этом радикальный вариант ее преобразования, с перекладыванием практически всех расходов на горнозаводские товарищества или какие-либо иные организации местного населения, мог привести к крайне нежелательным для владельцев последствиям. Поэтому последовал весьма длительный переходный период, когда существенные суммы на социальную инфраструктуру продолжали закладываться в накладные расходы.

В ее развитии после отмены крепостного права можно четко выделить два этапа. На первом из них, в период владения Нижнетагильским округом П. П. Демидовым (1862–1865), социальная инфраструктура продолжала в целом успешно функционировать. Но в условиях существенного сокращения финансирования была произведена ее трансформация.

Стабильное финансирование медицинских заведений Нижнетагильского округа и после отмены крепостного права позволяло предоставлять бесплатную помощь всем работавшим на заводских и вспомогательных производствах, за исключением больных сифилисом. Вместе с тем целенаправленно проводилась политика экономии по целому ряду направлений, перекладывание части расходов на Верхотурское уездное земство. Наиболее значительно сократилось количество госпиталей и медицинского персонала.

С 1864 г. общее число учебных заведений в Нижнетагильском округе, находящихся на содержании заводовладельцев, уменьшилось с 22 до 5. Кроме того, в 1872–1886 гг. действовали классы грамотности при четырех его заводских поселках. П. П. Демидов выделял на содержание своих учебных заведений стабильную

сумму в 16–18 тысяч рублей ежегодно, постепенно обесценивавшуюся в условиях высокой инфляции тех лет.

Более значительно были сокращены расходы заводовладельцев на благотворительные заведения. В Нижнетагильском округе остался всего один приют на содержании Демидовых, а единственная богадельня ликвидирована. Правда, после страшного пожара в Нижнесалдинском заводе здесь на средства заводовладельца в 1864 г. был временно открыт еще один детский приют.

На втором этапе (после 1885 г.) положение существенно изменилось. К концу жизни П. П. Демидова финансовое положение Нижнетагильских заводов из-за несоразмерных личных трат владельца стало катастрофическим. После его смерти в 1885 г. Опекун над наследниками провела резкое сокращение расходов по округу, в том числе фактически вдвое на учебные заведения и приюты и на треть – на медицину. Это привело к дальнейшему свертыванию социальной инфраструктуры.

В 1885 г. вдова П. П. Демидова предпочла передать средства на воссоздание богадельни в Нижнетагильском поселке церковно-приходскому попечительству при Введенской церкви. Именно оно должно было изыскивать значительную часть сумм, необходимых на ее содержание.

В 1886 г. в Нижнетагильском округе были закрыты классы грамотности. С 1887 г. все его оставшиеся горнозаводские учебные заведения стали содержаться совместно заводовладельцами и работающими, у которых вычитались определенные суммы из жалования. В 1887 г. в Нижнесалдинском поселке был закрыт временный приют и ликвидирована должность заводского врача, а местный госпиталь преобразован в приемный покой. В 1889 г. на его базе был создан земско-заводской врачебный участок.

В целом это неуклонное сокращение социальной инфраструктуры Нижнетагильского горнозаводского округа весьма болезненно воспринималось местным населением, привыкшим к патерналистской опеке. Вместе с тем функции социальной помощи постепенно переходили к созданным в 1870 г. земским учреждениям Верхотурского уезда. Последние стремились к активному взаимовыгодному сотрудничеству в этой сфере с Нижнетагильским заводоуправлением.

В пореформенный период патерналистский традиционалистский ценностный комплекс все более пронизывался и постепенно размывался также идущим от почвы утилитаризмом (этатизмом). Он включал и постоянно возрастающие требования, обращенные к государству, как главному источнику потребительских благ и ресурсов.

Приложение

Приложение 1

Аттестованные врачи Нижнетагильского горнозаводского округа в 1798–1885 гг.¹

Фамилия имя отчество	Образование	Жа- лова- ние	Время работы	Медицин- ское звание
Машке Иоганн	Нет св.	900 ²	1798– 1807	Штаб- лекарь
Бейтель Винцент	Нет св.	350 ³	1808– 1810	–
Бордые Александр	Нет св.	2000	1817– 1819	–
Нехведович Онуфрий Игнатьевич	Виленский университет	2500	1820– 1842	Доктор медицины
Ковалевский Иван	МХА ⁴	2700	1831– 1837	Штаб- лекарь
Шмонин Степан Федорович ⁵	Казанский университет	3500	1836– 1843	Штаб- лекарь
Борков (Барков) Иван Дмитриевич	Московский университет	3500	1843– 1849	Медико- хирург

¹ В таблице не указаны врачи, проработавшие в Нижнетагильском округе несколько месяцев, и практиканты.

² Жалование врачей указано в ассигнациях, за исключением Бордые (в червонцах) и Рудановского (серебром).

³ Червонец по существующему курсу.

⁴ МХА – Медико-хирургическая академия в Санкт-Петербурге.

⁵ Вольноотпущенник Демидовых.

Забиякин Иван Михайлович	МХА		1844– 1847	Медико- хирург
Ильинский Иван Петрович	МХА	5250	1850–?	Штаб- лекарь
Соколовский Феликс Игнатьевич	Нет св.	5250	1850-е	Штаб- лекарь
Келлер Федор Федорович	Нет св.	5250	1857– 1858	Штаб- лекарь
Рудановский Петр Васильевич	Казанский университет	3000 сер.	1859– 1888	Доктор медицины
Сосфенов Михаил Иванович	Нет св.	Нет св.	1872– 1879	Штаб- лекарь

Приложение 2

**Главные учителя (смотрители) Выйского училища в
1806–1862 гг.**

Фамилия имя отчество	Образование	Жа- лова- ние ¹	Время работы	Чин ²
Мосцепанов Евлампий Максимович	Кадетский корпус	1000	1820– 1821	Отставной штабс- капитан
Аноев Александр Федорович	Московское коммерческое училище	1500	1824– 1825	Коллежский регистратор
Никитин Роман Никитич	Санкт- Петербургский пединститут ³	3000	1826– 1827	Губернский секретарь
Миронов Егор Васильевич	Казанская гимназия	2000	1833– 1843	Титулярный советник
Ибрагимов	Казанский	2000 ¹	1843–	Титулярный

¹ В ассигнациях. Кроме того, всем полагались «натуральные» добавки: оплата проезда, бесплатная квартира с отоплением и освещением, провиант, прислуга из одного–двух человек.

² По Табели о рангах: коллежский советник – 6, надворный советник – 7, коллежский асессор – 8, титулярный советник, штабс-капитан – 9, коллежский секретарь – 10, губернский секретарь – 12, коллежский регистратор – 14 класс.

³ Младшие курсы.

Лев Николаевич	университет		1850	советник
Ерофеев Алексей Петрович	Фрайбургская горная академия	Нет св.	1850– 1856	—
Рябов Родион Матвеевич	Московское коммерческое училище, Московский университет ²	1750	1856– 1862	Коллежский секретарь

Приложение 3

**Директора Нижнетагильского реального училища
в 1862–1887 гг.**

Фамилия имя отчество	Образование	Жа- лова- ние ³	Время работы	Чин ⁴
Старов Николай Дмитриевич	Нет св.	2300	1862– 1864	Надворный советник
Шугаев Константин Дмитриевич (и.о.)	Нет св.	Нет св.	1864– 1865	Отставной подполков- ник
Григорьев Александр Васильевич	Нет св.	2000	1865– 1875	Отставной статский советник
Цомакион Петр Эммануилович	Санкт- Петербургский университет	2000	1875– 1887	Статский советник

¹ С 1847 г. стал получать 3500 рублей, но лишился натуральных надбавок.

² Младшие курсы.

³ Серебром. Кроме того, по контракту он получал бесплатные квартиру и экипаж.

⁴ По Табели о рангах: статский советник – 5, надворный советник – 7 класс.

Приложение 4

**Начальные горнозаводские учебные заведения
Нижнетагильского горнозаводского округа в 1834–1861 гг.¹**

Училище ²	Дата открытия	Учащиеся	Примечания
Нижнетагильский завод			
Приходское	11 октября 1836 г.	мужское	С 1894 г. – городское
Единоверческое при церкви Пресвятой Богородицы	26 октября 1837 г.	мужское	Закрыто в 1842 г.
Единоверческое при церкви Святой Троицы (Дерябинское)	1 января 1846 г.	мужское	
Православное при Входа-Иерусалимской церкви	1847 г.	женское	18.02.1853 г. преобразовано в Анатольевское
Единоверческое при Никольской церкви (Морозовское)	26 января 1847 г.	женское	
Единоверческое при	18 декабря	мужское	

¹ В таблицу не включено Выйское заводское училище (открытое 1 июня 1806 г.), по программе обучения периодически приближавшееся к средне-специальным учебным заведениям.

² Приходские училища находились в ведении МНП, православные и единоверческие – епархии.

Никольской церкви (Морозовское)	1848 г.		
Единоверческое при церкви Святой Трои- цы (Авроринское)	1 июля 1849 г.	женское	Впоследствии фактически сли- лось с мужским
Верхнесалдинский завод			
Приходское	11 сентября 1837 г.	мужское	
Единоверческое (Андреевское)	14 июля 1850 г.	мужское	
Висимоуткинский завод			
Приходское	3 июля 1834г.	мужское	
Училища	Дата открытия	Учащиеся	Примечания
Висимошайтанский завод			
Приходское	29 июня 1839 г.	мужское	
Православное (Авроринское)	1849 г.	женское	
Единоверческое (Андреевское)	28 февраля 1850 г.	мужское	
Единоверческое (Андреевское)	9 августа 1850 г.	женское	Несколько раз прекращало работу
Выйский завод			
Единоверческое при церкви Казанской Богородицы	15 января 1846 г.	мужское	
Православное (Анатолевское)	1849 г.	мужское	
Лайские заводы			
Приходское	1841 г.	мужское	
Нижнесалдинский завод			
Приходское	12 мая 1836 г.	мужское	
Единоверческое (Павловское)	апрель 1846 г.	мужское	
Единоверческое (Павловское)	14 июля 1850 г.	женское	
Черноисточенский завод			
Приходское	10 августа 1836 г.	мужское	

Единоверческое	январь 1846 г	мужское	
Единоверческое	январь 1848 г.	женское	
село Воскресенское			
Приходское	14 сентября 1839 г.	мужское	Несколько раз прекращало работу

Приложение 5

Штат Нижнетагильского реального училища 1862 г. ¹

Статьи расходов	Рублей
Директору добавочного жалования ²	500
Учителю русского языка	1500
Учителю математики	1200
Учителю топографии и геодезии	800
Трем учителям металлургии, химии, минералогии, механики, бухгалтерии и законоведения (по 600 рублей)	1800
Учителю лесоводства	400
Учителю чистописания и рисования	480
Учителю закона Божьего	300
Учителям черчения в топографическом (180) и механическом (150) отделениях	330
Библиотекарю (300) и писцу (150) при директоре	450
На библиотеку, учебные пособия, канцелярские принадлежности, физический кабинет	700
Содержание дома и наем прислуги	800

¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2119. Л. 83–84 (копия).

² Основной доход директор получал, как преподаватель ряда общеобразовательных дисциплин.

Пособия нуждающимся воспитанникам	2000
Всего:	11.260

Приложение 6

**Количество учеников и выпускников в
Нижнетагильском реальном училище в 1862–1896 гг.¹**

Годы	Учеников	Выпуск- ников	Годы	Учеников	Выпускни- ков
1862/1863	70	–	1879/1880		13
1863/1864		–	1880/1881		–
1864/1865	59	–	1881/1882		18
1865/1866	98	–	1882/1883		–
1866/1867	100	–	1883/1884		17
1867/1868	101	13	1884/1885		–
1868/1869	108	–	1885/1886		17
1869/1870	114	14	1886/1887	99	–
1870/1871	105	–	1887/1888	92	15
1871/1872	123	17	1888/1889	80	–
1872/1873	99	–	1889/1890	96	19
1873/1874	94	11	1890/1891	110	–
1874/1875	96	–	1891/1892	94	14
1875/1876	88	7	1892/1893	87	–
1876/1877	67	–	1893/1894	106	20
1877/1878	79	14	1894/1895	106	–
1878/1879	74	–	1895/1896	107	–

¹ Составлено автором по: Ларионов П. П. Указ. соч.; Черноухов Э. А. Горнозаводское образование... Приложение 8; ОПИ ГИМ Ф. 52, Оп. 1. Д. 53; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1493, 1581, 1653, 1668, 1722, 2002. Сведения за остальные годы не выявлены.

*Приложение 7***Приюты Нижнетагильского горнозаводского округа
в 1849–1886 гг.¹**

Название	Расположение	Дата открытия	Дата закрытия
Авроринский	Нижнетагильский поселок	31 июня 1849 г.	Нет св.
Воскресенский	с. Воскресенское	18 августа 1849 г.	1863
Никольский	д. Никольская	1 сентяб- ря 1849 г.	1863
Павловский	Нижнетагильский поселок	8 октября 1853 г.	1 сентября 1864 г.
Временный	Нижнетагильский поселок	1 января 1861 г.	Июнь 1862 г.
Мариинский	Нижнесалдинский поселок	13 июля 1864 г.	31 декабря 1886 г.

¹ Черноухов Э. А. Благотворительные заведения... С. 126; ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Л. 63–64; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1476; Д. 2133. Л. 22.

Содержание

Введение	С. 3
1. Утверждение «новой социальной среды» в Нижнетагильском округе в первой половине XIX в.	25
1.1. Исследовательские споры о патернализме на горнозаводском Урале	25
1.2. Патерналистская концепция Н. Н. Демидова	33
2. Медицинские заведения в первой половине XIX в. ..	44
2.1. Становление сети	44
2.2. Аттестованные врачи	50
2.3. Средний и младший медицинский персонал	64
2.4. Новые направления деятельности	76
3. Учебные и благотворительные заведения в первой половине XIX в.	87
3.1. Организация и деятельность Выйского училища ...	87
3.2. Учителя Выйского училища	100
3.3. Начальные учебные заведения	115
3.4. Благотворительные заведения	123
4. Трансформация социальной инфраструктуры округа после отмены крепостного права	137
4.1. Трансформация медицинских заведений	137
4.2. Реорганизация учебных и благотворительных заведений	148

Заключение	162
Приложение	168

Научное издание

Черноухов Э. А.

Социальная инфраструктура Нижнетагильского
горнозаводского округа Демидовых в XIX веке

Рекомендовано к изданию Ученым советом УрГПУ
(решение № 36 от 26.09.2011)

Редакция и компьютерная верстка: Э. А. Черноухов

Корректор: Н. А. Майер

Подписано в печать 03.10.2011. Формат 60*84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Усл.-печ. л. 11.
Уч.-изд. л. 6. Тираж 200 экз. Заказ
Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Тел. (334) 235-76-30. Факс (343) 336-12-42.